Лейла Хугаева

Любовь и ненависть в Корнеллском университете

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 1
ББК 87
Х98

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Хугаева Лейла
Х98 Любовь и ненависть в Корнеллском университете / Лейла Хугаева. — [б. м.] : Издательские решения, 2020. — 262 с.
ISBN 978-5-4498-0585-0

Эта книга предлагает альтернативную версию дарвиновской парадигме в виде теории психической энергии Л. Хугаевой. Общие положения теории раскрываются в ходе вымышленных событий битвы студенческих и академических кругов Корнеллского университета. Консервативным «Черепам» противостоят демократы «Селинджеры». Дарвинистам противостоят рационалисты. Экономизму противопоставляется психологизм. Романтизму ложного идеала реализм настоящего идеала. Сознание и чувства людей определяют политические системы.

УДК 1
ББК 87

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4498-0585-0

Оглавление

Предисловие

Гордон Олпорт писал в свое время, что психология не может считаться наукой, пока не решит проблему «единиц анализа человеческой природы».

«Ясно, что мы еще не решили проблему единиц анализа человеческой природы, хотя сама проблема была поставлена двадцать три столетия назад. Столь же ясно, что психология намного отстает от химии с ее периодической таблицей элементов, от физики с ее поддающимися верификации, хотя и неуловимыми квантами и даже от биологии с ее клеткой. Психология еще не знает, какой может быть ее „клетка". Отчасти именно по этой причине скептики ставят под сомнение право психологии называться наукой. Психологи еще не достигли согласия в том, какие единицы анализа использовать».

Гордон Олпорт

Как мне кажется, теория психической энергии эту проблему успешно разрешила, определив такой единицей не сознание одного человека, а силовое поле психики, которое может быть меньше сознания человека (когда сознание вмещает два поля) или больше сознания одного человека (когда поле психики люди ощущают как одно Я интеллекта, совести и сочувствия; трансцендентное «Я» по Маслоу).

Гуманистическая психология давно пишет о двух психических силах, которые умещаются в рамках одного сознания. Карен Хорни называла антагонизм этих двух психических сил «центральным личностным конфликтом», и так определяла различие между «истинным Я» и «воображаемым (ложным) Я»:

«С точки зрения клинической применимости я предлагаю отличать наличное или эмпирическое Я от идеального, с одной стороны, и от подлинного, с другой. Наличное Я — термин, который включает все, что человек представляет собой в настоящий момент: его тело и душу, здоровье и невротизм. Мы имеем в виду именно его, когда говорим, что хотим „познать себя“; то есть, хотим узнать себя такими, каковы мы есть. Идеальное Я — это тот человек, который живет в нашем иррациональном воображении, или тот, которым нам Надо быть, согласно предписаниям нашей невротической гордости. Подлинное Я, которому здесь несколько раз уже давались определения, это „изначальная“ сила личностного роста и самоосуществления, с которой мы можем вновь полностью отождествиться, когда освободимся от калечащих оков невроза. Следовательно, это то, на что мы ссылаемся, когда говорим, что хотим „найти себя“. В этом смысле это также (для всех невротиков) возможное Я — в противоположность идеальному Я, которого невозможно достичь».

Карен Хорни

Я ничего не прибавила к этой традиции гуманистов видеть в сознании человека две противоборствующие силы со времен Платона. Разве что изложила ее в терминах энергетики и постаралась придать статус точной, естественной науки, где механизмы психических сил можно измерить и поставить под контроль. Эта гуманистическая философия и психология в терминах энергетики и стали основой теории психической энергии.

Книга, которую я представляю, ниже есть демонстрация того, как этот психологический анализ может быть использован в анализе личных отношений, образовательных систем, права, политики. Поскольку теория психической энергии противостоит современной дарвиновской парадигме, то вымышленные события художественной

канвы книги представлены как борьба академических кругов со старой парадигмой, мешающей становлению социальной науки.

Для художественного рисунка местом действия выбран Корнеллский университет по нескольким причинам. Прежде всего, это один из мировых научных центров, затем это один из восьми американских ВУЗов «Лиги Плюща», где цветут тайные студенческие сообщества, в частности «Черепа», учрежденные в Йеле в 1832 году. Наконец, этот ВУЗ известен лекциями В. Набокова, преподававшего там с 1948 по 1958 год, и там же написавшего свой скандально известный роман. Эти факты стали той палитрой для представляемого мной художественного полотна. В этом смысле есть и другое название у книги «Черепа 4» (после трех фильмов снятых на тему этот сюжет мог бы стать следующим сценарием). Речь в книге пойдет о противостоянии консервативным студенческим кругам университета, представленным в частности «Черепами», новой зарождающейся международной демократической студенческой организации «Сэлинджеров». Инфантильное название — аллюзия на такое же инфантильное название противостоящей организации. Со временем оно, конечно, приобретет более осмысленное звучание. Это противостояние трактуется как часть исторического противостояния консерваторов и демократов в истории Америки, и часть более широкого противостояния левых и правых во всем мире.

Понятно, что жанр книги остается нон-фикшн, поскольку ее идея демонстрация научной теории и анализ других научных теорий на реальном фактическом материале вовлеченных в повествование книг и исследований.

Введение У этой книги два названия: «Любовь и ненависть в Корнеллском университете» и «Левые и правые в Корнеллском университете». Поскольку по-

следнее более полно выражает мысль книги, я предпочла его. Я хотела писать критику современного либерализма, но потом решила дать ее в художественной форме, которая является своего рода международным языком. Местом действия выбран Корнеллский университет по нескольким причинам. Прежде всего это один из мировых научных центров, затем это один из восьми американских ВУЗов «Лиги Плюща», где цветут тайные студенческие сообщества, в частности «Черепа», учрежденные в Йеле в 1832 году. Наконец, этот ВУЗ известен лекциями В. Набокова, преподававшего там с 1948 по 1958 год, и там же написавшего свой скандально известный роман. Эти факты стали той палитрой, которыми я раскрасила свой художественный рисунок. В этом смысле есть и третье название у книги «Черепа 4» (после трех фильмов снятых на тему этот сюжет мог бы стать следующим сценарием). Шутка конечно. У меня нет никакого специального интереса к тайным студенческим организациям Америки, я использовала информацию только как краску для художественного изложения. Речь в книге пойдет о противостоянии консервативным студенческим кругам университета, представленным в частности «Черепами», новой зарождающейся международной демократической студенческой организации «Сэлинджеров». Инфантильное название — аллюзия на такое же инфантильное название противостоящей организации. Со временем оно конечно приобретет более осмысленное звучание. Это противостояние трактуется как широкое историческое противостояние левых и правых. Для тех кто знаком с моей теорией психической энергии хотя бы поверхностно, должно быть очевидно, что все закончится полной победой Сэлинджеров, которые произведут научную революцию в Корнелле, разгромив дарвиновскую парадигму и провозгласив открытие психической энергии.

Глава 1. День Дракона

Меня зовут Аврора Хорни. Это имя я придумала себе сама: оно состоит из частей имен двух великих женщин: Авроры Дюпен (Жорж Санд) и Карен Хорни. Я россиянка грузинского происхождения, которой посчастливилось учится в одном из лучших западных университетов. 2007 год остался самым ярким впечатлением моей юности. Все поблекло, катастрофы потускнели со временем, праздники остались в прошлом, а глубина духовного потрясения того периода продолжает жить в моем сердце ярким слепящим пятном, окрашивающим все прочее пространство памяти.

Мне было семнадцать лет и мне посчастливилось стать студенткой Корнельского университета в Америке. Такое счастье выпадает даже немногим американцам, что уже говорить о россиянах. Я прошла по конкурсу и получила стипендию. Меня называли маленьким гением, но у меня не кружилась голова от этих слов. Когда тебя бог на самом деле отяготил бременем таланта, ты чувствуешь себя брошенным в глубоких водах океана мысли, из которых тебе предстоит выплывать самостоятельно. Ты смотришь вокруг и видишь только хаос и бессистемность, противоречие теорий и гипотез, и понимаешь, что помощи ждать неоткуда. Твой талан вовсе не панацея, указывающая дорогу истины, а всего лишь способность видеть тот океан хаоса, в котором мы все барахтаемся. Эта ноша подкосила не одно храброе сердце, и я уже начинала сгибаться под ее тяжестью. Не знаю, что сталось бы со мной, если бы не эта удача, давшая мне направление в моих поисках.

Вы не нашли бы второго такого счастливого человека не только на территории Корнеллского университета, но и на территории всех восьми университетов Лиги

Плюща, достойным членом которых состоит и Корнеллский университет, то есть теперь уже мой университет. Была ли я счастлива, дамы и господа, товарищи и други!

Мало того, что я оказалась там, где доступ к знаниям обещал создать мне рай для души, город Итака, в котором расположен главный кампус нашего университета, оказался настоящим эдемским садом. Только представьте себе три озера-моря, каждое длинной почти в 60 километров, журчание прекрасных водопадов, парки плавно переходящие в леса, навесные мосты и грандиозную изысканную архитектуру в 608 зданий, раскинувшуюся на 2300 акров или на 9,3 квадратных километрах. Этот город штата Нью-Йорк был назван именем греческого острова Итака в силу роскоши его природного ландшафта. Эдемский сад, греза, мечта живописца. Корнелл это почти 50 лауреатов Нобелевской премии, связанных с ним как студенты или преподаватели. Это репутация «символа научных инноваций», это почти 20 000 студентов со всего мира и около 7 000 аспирантов; это специальность «инженерная физика» как одна из лучших в мире образовательных программ, которой издание U.S. News& World Report неоднократно присуждало первое место в рейтинге инженерных программ. Это 31 лауреат стипендии Маршалла и 28 лауреатов стипендии Родса.

Я поступила в колледж инженерной физики и встретила там много талантливых ребят, удививших и даже обескураживших меня глубиной своего развития и своих познаний. Наши познания в физике и математике были вполне сопоставимы. Но то как много они знали за пределами выбранной специальности не шло ни в какое сравнение с моими скудными знаниями. Я приложила все силы, чтобы соответствовать им, наша дружба стала прекрасным стимулом и мотиватором в учебе. Впрочем, друзьями мы стали почти сразу и именно эта дружба ста-

ла основой того терпкого счастья первого года моего пребывания в Корнелле, аромат которого я до сих пор отчетливо ощущаю в своем сердце.

Англичане Ричард Уэйн и его мама, читавшая лекции по литературе в Корнелле. Джеймс Смит, самый демократичный американец греко-ирландского происхождения, которого я когда-либо встречала. Француженка Флер Готье, феминистка и революционерка. Барух Якобсон, по прозвищу Эйнштейн. Американский немец Гюнтер Герц, научивший меня всему, что я знаю о философии теории познания. И наконец, Гия Канчелли, грузин, развлекавший нас своей первоклассной живописью. Наша большая семья, как приятно мне вспомнить друзей моей юности и процитировать вместе с Герценым, также обращавшемуся взором к прошлому счастью своей дружбы — «друзья, мой череп принадлежит вам».

Мы были первокурсниками в колледже физики и жили в одном общежитии. Конечно, там жили не только мы, но только эта тесная компания стала для меня семьей на тот первый год моего пребывания в Корнелле. Мы как то сразу узнали друг друга и полюбили и потом уже все делали вместе.

Когда я только приехала я стала жертвой восторженной стайки американских студенток, очарованных древними традициями и легендами Корнелля, а особенно его тайными сообществами, попасть в которые они даже не мечтали, а если мечтали, то боялись произносить мечту вслух, чтобы не спугнуть ее. Уже с первых дней я была наслышана о «Черепах», тайном студенческом сообществе, возникшем в Йельском университете в первой половине 19 века (в 1832 г). Девочки рассказали мне с замиранием сердца и восторженным придыханием, что Энрю Уайт, второй после Эзры Корнелла создатель университета и первый президент, тоже был выпускником Йеля и «черепом», то есть членом тайной организации

«череп и кости». Эти два друга сенатора создали университет в 1865 году, благодаря закону сената штата Нью-Йорк о предоставлении земли штата для нужд ВУЗов. Сенатор Эзра Корнелл предложил свою ферму в Итаке и полмиллиона долларов, другой сенатор Эндрю Уайт горячо поддержал его инициативу и стал первым президентом Корнелла.

Ходили слухи, что тайное общество «черепов» распространило свое влияние и на Корнелл уже с момента основания, так как Энрю Уайт был посвящен в «черепа» в Йеле. Мне не хотелось верить в эти средневековые глупости, но я набрала на своем айфоне википедию и воочию убедилась, что как минимум три президента США были «черепами», и да, вот и Эндрю Уайт, основатель Корнелла среди участников этой средневековой мистики. Это все настолько не вязалось с моими представлениями о мировом центре образования и науки, куда я собственно ехала, что у меня начался когнитивный диссонанс, мягко переходящий в шок. А девочки еще пару недель продолжали грузить меня подобной чепухой. «Если девственница пройдет по университетской Площади искусств в полночь, то статуи Эзры Корнелла и Эндрю Уайта сойдут со своих постаментов и встретившись в центре площади пожмут друг другу руки».

Слушать такие глупости, произнесенные с восторгом и экзальтацией, было страшно. Моим спасением стала встреча с Ричардом Уэйном, который долго смеялся, слушая мое возмущение. Мы сели в библиотеке за один стол, и я увидела у него книгу Сэлинджера.

— Разве Сэлинджер не запрещен в этом штате? — спросила я его

— Запрещать перестали. Наоборот включили в школьную программу, — пожал широкими плечами Уэйн, — я привез ее с собой из Англии. Я всегда вожу ее с собой, особенно в Америку. — и он так душевно рас-

хохотался, что я сразу почувствовала что мы станем друзьями.

— Не слушай этих дурочек, серьезные люди не имеют никакого отношения к тайным организациям. Это все мифы и легенды для мистиков, которые приходят сюда не учиться, а развлекаться. Везде ведь есть свой процент бездельников.

Так мы потом и разделились в колледже на тех, кто жил этими мифами и кто смеялся над ними. Я попала в счастливое сообщество последних, и мы очень здорово проводили время вместе.

В год нашего поступления в Корнелл, в 2007 году, случилось еще одно важное для нашего дальнейшего пребывания происшествия. В Корнелле разразился скандал в связи с «хейзингом», который практикуют тайные общества. Вот что сообщает по этому поводу Википедия:

«Явление хейзинга представляет собой проблему как в организациях с представителями белой расы, так и с афроамериканскими и латиноамериканскими членами сообществ. Несмотря на то, что Национальный Панэллинский совет запрещает изнурительный труд и ритуальные унижения, на деле все оказывается совершенно по другому и приводит к множеству смертей и увечий. В 1989 году в Alpha Phi Alpha скончался Майкл Дэвис, в 2002 году во время прохождения процедуры посвящения погиб Джозеф Грин. В том же году во время ритуальных действий в Alpha Kappa Alpha умерли Кэнет Саафир и Кристин Хай. Несмотря на строжайший запрет на физически изнурительные ритуалы, они все равно имеют место в студенческих организациях, управляемыми несколькими собраниями сообществ. В 2007 году собрание Корнеллского университета Lambda Teta Phi было закрыто и двое из членов были арестованы по подозрению в совершении преступления действиями, в которых они угрожали испытуемым физической распра-

вой, не давали спать, насильно заставляли принимать обет молчания и разговаривать лишь в семье и на занятиях с членами студенческого братства. Некоторые учебные заведения предали анафеме „организации греческих букв“ с полной уверенностью в том, что эти организации в своих структуре и методах управления не похожи на организации, сформированные демократическим путем. Наиболее известными эпизодами стали события 1980 года в Принстонском университете. В недавнем прошлом братства также были запрещены в Уильямском и Амхерстонском колледжах. Администрация университета Виктории потребовала запрета на функционирование студенческих братств».

Как можно видеть наш Корнеллский университет стал просто рассадником этих тайных студенческих братств, и в год нашего поступления это стало уже очевидным для всех., когда одно из них было закрыто, а члены его арестованы.

Другим, специфически корнеллским мифом был миф о Набокове и его мерзкой книге, которой здесь восхищалась та же аудитория. Как правило, те, кто любил мифы о тайных братствах, поддерживали и мифологию о Набокове и его Лолите. Они знали место, где он жил в Итаке, в каких зданиях читал лекции, знали наизусть снятые фильмы по Лолите, слушали одноименные оперы. Трудно представить себе более тошнотворный миф. Заметно было, что их завораживал успех, сама идея широкой популярности, славы и богатства, на которой строится попсовая культура Америки.

Глухое отвращение, которое будила в нас вся эта мифология, от ритуального хейзинга братств до лолит-лавинг, еще крепче спаяло наш союз интеллектуалов. А скандал 2007 года окончательно расставил все точки над «и» уже с правовой точки зрения. По крайней мере, в отношении тайных сообществ. Мы демонстративно от-

казывались вступать в какие-либо сообщества, наглядно показывая, что наш круг в семь-восемь человек тоже сообщество, вполне устраивавшее нас на тот момент. Мы даже отказались от участия в спортивных соревнованиях, поскольку именно с этими соревнованиями была связана острая конкуренция всех обществ, тайных и явных, и именно спорт являлся средоточием университетского тщеславия. Что впрочем не мешало нам заниматься спортом самостоятельно.

Однажды Гия принес нам майки, на которых он напечатал свой рисунок: Холдена Калфилда, которого стошнило у кинотеатра с яркой афишей. Мы посмеялись в полной уверенности, что никогда этого не оденем. Но после очередного спектакля Лолита, широко рекламируемого в радио и СМИ Корнелла, мы не сговариваясь, все вышли на следующий день в майках Гии.

Я уже говорила, что мои друзья поразили меня своим общим развитием и глубиной знаний в других, мало связанных с физикой областях. Я была довольно своим уровнем, пока не познакомилась с ними. Золотые медали на Олимпиадах приучили меня думать, что мое развитие находиться на должном уровне, и я расслаблено ждала лекций и семинаров. Общение с моими новыми друзьями показало мне всю убогость моих знаний. В сущности, на тот момент я не знала ровным счетом ничего, и если бы не тот громадный поток информации, который каждый день лился на меня из их заботливых и насмешливых уст, я конечно никогда не стала бы настоящим ученым, оставаясь на уровне заурядного студента физика.

Ричард рассказывал мне о литературе, которую он знал так глубоко и хорошо, что легко дал бы фору не только первокурсникам соответствующей специальности, но и выпускникам. Я в этом нисколько не сомневалась.

— Моя мама читала лекции в Кембридже сколько я себя помню, — улыбнулся Ричард, когда я выразила свое полное восхищение, — а потом мне и самому стало интересно. У деда громадная библиотека, и когда я проводил у него в деревне длинные летние каникулы, мне было чем заполнить праздные будни.

— Ты говорил, что теперь она здесь, ты приехал вместе с ней.

— Да, в этом году она начала читать лекции в Корнелле. Два года назад погиб мой отец, он был полицейским. Она никак не может этого пережить. Решила сменить обстановку.

Когда позже Ричард пригласил меня вместе с Флер к своей маме на чай, она, как только мы остались одни, нервно куря в аккуратную хрустальную пепельницу, начала диалог с того, что сообщила нам:

— Отец Ричарда погиб два года назад. Очередной безумный теракт. Я уехала из Кембриджа после двадцати лет неотлучной жизни в нем.

Было очевидно, что она борется с трагедией, которую еще не пережила, и которая угрожает засосать ее мраком своей зияющей раны. «Над пропастью во ржи», — почему то подумала я тогда, вспоминаю книжку Сэлинджера, которую Ричард привез с собой в Корнелл. И пообещала себе почаще заходить к миссис Уэйн на чай. Скоро мы стали с ней настоящими друзьями и она подолгу и с удовольствием рассказывала мне о разных книгах и авторах, которые меня интересовали.

— Я написала две книги, которые были изданы небольшими тиражами в Англии и разошлись в течении пяти-десяти лет. Немного людей меня знает, но тем не менее есть поклонники и у моего небольшого таланта, — улыбнулась она мне однажды, и я поняла что мы подружились. И конечно я очень просила ее книги, не только чтобы сделать приятное бедной женщине, мне

действительно было очень интересно, ведь я тоже делала робкие первые шаги как автор.

Флер подолгу болтала с ней на французском, поражаясь чистоте ее произношения и глубине знаний. Французскую литературу миссис Уэйн читала в оригинале и очень гордилась этим. И конечно разговор всегда крутился вокруг любимой темы Флер: Симоны де Бовуар, которая была ее кумиром и Сартра, единственного философа, которого она признавала.

— Я обязательно найду своего Сартра, — говорила она хитро прищурившись, когда прощалась, чем очень веселили маму Ричарда.

— Я бы рекомендовала вам его друга, Камю, — отвечала она. — Сартр сделал карьеру и счастье Симоны Бовуар, но его философия кажется мне пустой. Почитайте «Бунтующего человека» Камю и сделайте выводы сами. После этой книги Сартр разорвал с ним дружбу.

Я нашла книгу Камю и прочитала ее. Я была потрясена ею как откровением. Ведь из нее следовало, что далеко не все книги прекрасны, не все успешные авторы оказывают просветительское позитивное влияние на свою аудиторию. Даже больше, из нее следовало, что нет многих истин, есть только одна, та что выражает природу человека, природу, которую отрицает Сартр. Гуманизм. Но что же тогда такое свобода? Что такое либеральная культура?

Я обсуждала эту книгу с мамой Ричарда и она осталась очень довольна тем влиянием которое книга на меня оказала, и теми выводами, которые я из нее сделала.

— Вы далеко пойдете, — сказала она мне тепло улыбнувшись. — У меня не было таких талантливых студентов. Нет, пожалуй, был один. Он тоже умер в результате теракта. Блестящий выпускник Кембриджа. Мы все гордились им. Он придумал и вел гуманитарный проект «Учимся вместе», цель которого была в обучении и адап-

тации бывших заключенных. Один из них его и убил ножом прямо на лекции.

— Зачем?

— Кто-то из очередной религиозной группировки. Он был отпущен досрочно в связи с новыми законами.

— Что вы думаете о книге Хантингтона «Столкновение цивилизаций» в этой связи? — спросила я ее, вспомнив, как горячо спорили об этой книге Барух, Джеймс и Гюнтер.

— Я думаю, что нет и не может быть никаких самобытных цивилизаций. Я думаю, что цивилизация одна, и варварство одно. Я думаю, что у всех народов и во все времена одинаковая интеллигенция и одинаковы варвары. Бороться надо не с чуждыми цивилизациями. Бороться надо с невежественным сознанием. Надо защищать научное сознание. Но до этого никому нет дело. Вот что страшно. Современная парадигма отдала научное сознание на убой.

— Да, — согласилась с ней Флер, — вы совершенно правы, миссис Уэйн. Я думаю, Симона Бовуар была бы в шоке, если бы могла видеть, что творится в современной Франции.

Мы впоследствии подолгу беседовали с миссис Уэйн, но она больше не возвращалась к этой теме, слишком болезненной для нее. А я помимо своей воли стала много думать над вопросами, которые она поставила. Что значит религиозное и научное сознание? Как их разграничить? Есть ли инструментарий в современной науке для такого разграничения? Даже для постановки вопроса?

Гюнтер Герц поразил меня своими познаниями в эпистемологии. Это благодаря ему я узнала о теории научных революций Томаса Куна, научившись правильно употреблять слово «парадигма»; это он научил меня понимать противоборство философий рационализма и эмпиризма и различать философов каждого направле-

ния. Наконец, он показал мне разницу между тем, что принято было называть научным методом в социальных науках и научным методом в естественных науках. Кантианство и неокантианство, дарвиновская парадигма, позже мы часто и подолгу спорили на эти темы, и именно в этих спорах я научилась уверенно обращаться с этими темами, окончательно уяснив себе их суть.

Гюнтер был немцем, который глубоко анализировал и переживал историю и культуру своего народа. «Клоун» Белля гипнотизировал его, сподвигая на глубокие самокопания. У него была своя теория победы Гитлера в Германии в 30-х годах, о которой он часто нам рассказывал. Его бесконечные споры с Барухом о протестантстве, которое было второй любимой темой Гюнтера, были настолько занимательными, что как правило вовлекали в спор всех нас. Так я узнала религиозную историю Европы.

Гюнтер очаровывал меня не только своими познаниями в гносеологии. Он утверждал, что современная парадигма «давно свое отжила», что дарвинизм уничтожил социальную науку. Что то, что есть настоящего у теории Фрейда изуродовано дарвиновской парадигмой, «биологизмом», как он говорил. Он утверждал, что только слепой осел мог говорить, что противостояние между рационализмом и эмпиризмом осталось в прошлом, что современная теория познания одинаково включает и то и другое. «Рационализм непременно победит!», — говорил Гюнтер с таким видом, что я безоговорочно ему верила. Он ненавидел всех эмпириков от Гоббса и Юма до позитивизма Конта и критической философии Канта. Он называл Канта «иудой», предавшим «великое дело рационализма» в своей «смешной попытке соединить рационализм и эмпиризм». Он называл философию Гегеля «несчастным уродцем», родившегося от кантианского брака рационализма и эмпиризма. «Ни богу свечка, ни черту кочерга», —

презрительно фыркал Гюнтер при одном упоминании о диалектической логике. Его кумирами были Платон, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Бэкон. Он ненавидел современную науку, которую он называл «дарвино-фрейдовской парадигмой» и предсказывал ей очень скорый коллапс: «Попомните мои слова. Не пройдет и нескольких десятилетий, как теория Томаса Куна обогатится еще одной научной революцией. Самой радикальной за все время!» Его стихи «Поэзия фрейдизма» напечатали в университетской газете и они имели большой успех в Корнелле:

«Поэт поет свободу ум
Честь совесть и скульптуру
Фрейдист напротив плоть поет:
Либидо с дефекацией
А ум честь совесть он зовет
Всего лишь рационализацией

Фрейдистская поэзия
Имеет три деления:
Оральное, анальное,
Фаллическое мнения

Оральные стихи
Оральный поэт пишет:
На стадии соски
Живут его мозги

А садомазохизм поет
Поэт анальный
Не справился с горшком
И попу посадил на трон
Он в возрасте трех лет
Ущерб моральный

Быть педерастом иль не быть
Дилемма третьей стадии

Иль смог ты страх кастрации пережить
Иль будешь вечной парией
Отцом умело притворись
И маму возжелай
За фаллос свой не убоись
И смело начинай
Эдипову поэзию

Как солнце проглотил
Известный крокодил
Либидо проглотило
Все разума светило
Поэзия фрейдиста
Отрада для садиста
И гимн для мазохиста

Скрестить противоположности
не вздумайте вы вдруг
Поэта с Фрейдом обобщать
Гегеля недуг
Смешная диалектика
Поэта и генетика»

Джеймс Смит поразил всех нас горячностью своего политического темперамента, если можно так выразиться. Если Гюнтер постоянно рефлектировал на тему немецкого фашизма и истории протестантизма, то Джеймс никогда не забывал тему мировых левых революций, положивших начало демократии во всем цивилизованном мире. Казалось, он знал об этом все. И поскольку эти революции самым тесным образом были связаны с немецкой Реформацией, они часто часами с Гюнтером обсуждали подробности различных исторических поворотов и соотношение конкретных фактов, трактуя их по своему. Это была удивительно интересная дискуссия. Флер, большая поклонница французской революции, никогда не могла оставаться в стороне, когда

слышала, что Гюнтер и Джеймс опять ввязались в спор. Но как ни увлечен был Джеймс революциями, реформацией и демократиями, настоящим его увлечением была более узкая, так сказать специализация этой общей его темы: книги Джерри Порраса и Джима Коллинза о визинарных компаниях, которыми он научил всех нас восхищаться. «Построенные навечно» (Джерри Поррас и Джим Коллинз) и «От хорошего к великому» (Джим Коллинз).

Эти книги стали результатами многолетнего исследования, предпринятого учеными Стендфордского университета Джерри Поррасом и Джимом Коллинзом. Это исследование о лучших компаниях по всему миру, которыми как правило были «золотыми медалистами» в своей отрасли и «не раз били рынок». О компаниях, которые внесли неизгладимый вклад в мировую культуру и просуществовали около или более века. Шесть лет ученые Стендфорда вели интервью с менеджерами и работниками этих компаний по всему миру, анализировали их отчетность и историю, и в конечном итоге пришли к выводам революционным на их взгляд: все эти компании имеют сходные механизмы устройства, общие закономерности, которые и делают их великими, лучшими и даже двигателями мировой культуры. Речь шла о таких компаниях как 3M, P&G, Sony, Boeing, HP, Merck, Marry Key и др

Эти компании –«золотые медалисты» сравнивали с другими, тоже очень успешными компаниями, но «серебряными медалистами» (метафора авторов исследования). И оказалось, что первые компании образцы демократии и научных инноваций, последовательно и целенаправленно развивавшиеся совместными усилиями. Они назвали эти компании визинарными от слова «visionary», то есть провидцы, способные подобно всем ученым предвидеть будущее. А вторые напротив образ-

цы иерархий, «генералов и лейтенантов», «гения с тысячью помощниками», которые не уделяли столько внимания научным инвестициям, не имели целостной программы развития, а двигались рывками, поглощая компании или разрабатывая какой-нибудь новый продукт, который побьет рынок.

Идея Джеймса состояла в том, что авторы этого исследования сделали гораздо более революционное открытие, чем они думали: они вскрыли внутренний антагонизм между демократическими и консервативными силами в Америке, и показали, на что способна была бы их страна, если бы все, а не только самые лучшие единицы, были подобны визинарным компаниям Порраса и Коллинза. Сравниваемые компании по мнению Джеймса не были никакими «серебряными медалистами», а всего лишь реакционной силой, тянувшей страну и цивилизацию назад во времена королей и королев, господ и батраков. Чтобы доказать свою мысль он приводил в пример книгу другого американца, совсем не ученого, топ-менеджера Стенли Бинга «Как бы поступил Макиавелли». В этой книге прямо говорилась на анализе личного опыта автора и других известных компаний, что именно такова структура и цель обычных компаний: короли, вельможи и батраки. Меня совершенно потрясли эти рассуждения и открытия Джеймса.

Барух Якобсон был американским евреем, который увлекался Спинозой и Эйнштейном, и утверждал, что знает о них все. И поскольку оба они были реформаторами не только в философии и физике, но и в религии, то и он считал себя отчасти религиозным реформатором, с удовольствием вступая в спор с Гюнтером и Джеймсом. И поскольку Гюнтер всегда рефлектировал на фашизме подобно Беллю, он особенно нежно любил Баруха. Барух в свою очередь любил говорить, что такого понятия как нация нет, и что это единственное в чем согласен

с Марксом. Поэтому он иронизировал над «совестливым духом» Гюнтером. Любя Эйнштейна, он любил Ганди и Толстого, и любил рассказывать об их переписке. Так я стала немного разбираться и в истории русского протестантизма, и в том вкладе, который индуизм внес в мировую политику.

Гия рассказывал нам об истории живописи и о жизни великих художниках, о которой он знал казалось все. О книгах, самых удачных на его взгляд биографиях художников. Здесь у них было много общего, ведь Барух, подражая Эйнштейну, играл на скрипке, и считал, что знает все мелодии, которые играл великий физик. Они часто спорили, чья биография Микеланджело — Ролана или Ирвинга — более удачная, и всякий раз приходили к новому выводу. Самым трогательным для меня лично было видеть их за совместным исполнением грузинских песен.

А мы с Гией любили пересматривать фильмы Данелии на русском языке, и научили их любить своих друзей. Премия Феллини, между прочим, авторитетно замечал им Гия, словно сомневался в искренности их интереса. Сначала мы переводили, но вскоре наши друзья научились понимать без перевода, и я поняла, что они смотрят на эти просмотры еще как на возможность познакомиться с русским языком. Гия божественно готовил, и как ни славился Корнелл качеством своего питания, в Гия ни во что его не ставил, и нас приучил предпочитать свою кухню. Мы не боялись поправиться в ту пору, так велики были и умственные и физические нагрузки. Я худела, несмотря ни на что, а мои друзья все занимались спортом. Только Ричард отказывался от спорта в пользу танцев, но и танцы перестали его интересовать после смерти отца.

Именно эта атмосфера жизни в громадном международном академическом центре, где мне удалось найти таких глубоких, интересных, развитых, настоящих друзей;

эта атмосфера философии, науки, искусства и человечности, которой они меня окружили; атмосфера дерзкой фронды всему посредственному, невежественному, пошлому и составляло то острое, сногсшибательное чувство счастья, которое стало источником моей творческой энергии вплоть до этих дней.

Я любила каждого из них и всех вместе взятых; я верила каждому из них как самой себе или даже больше; я уважала каждого из них и восхищалась ими. Я одинаково скучала по нервной манере миссис Уэйн и толстым очкам Гюнтера; по подтяжкам Баруха и перепачканному красками Гийе; по длинным белокурым волосам Ричарда и по педантичности Джеймса. Это он познакомил нас с Флер, и мы так подружились, что даже после того как Джеймс и Флер перестали интересоваться друг другом в романтическом плане, мы оставались друзьями. И только Гия ворчал, что она не знает, что значит быть «настоящей женщиной». Флер обожала картины Гии и все ему прощала.

— Однажды ты станешь моим Сартром, — дразнила она его под наш общий хохот.

Океан хаотичных знаний, в котором я чувствовала себя утонувшей, становился все глубже и необъятнее, по мере того как потоки информации со всех сторон врывались в него, усиливая волнение и поднимая настоящий шторм в моей голове. Нервы натянулись до предела. Я понимала, что должна быть достойна своих друзей, что восхищение должно быть взаимным. Я тратила все свободное время на чтение, и всегда внимательно прислушивалась к тому, что говорили мои друзья. Я чувствовала себя так, словно была героиней глобального приключенческого сюжета, и как у всякой героини, несмотря на все трудности и препятствия, у меня хватит силы преодолеть все барьеры. Я боролась и была счастлива этой борьбой. Я училась, и полученные знания

только усиливали мою жажду знаний. Я общалась со своими друзьями и была счастлива тем восхищением, которое они мне внушали.

Мы закрыли первые семестры на самые высокие балы. Наша небольшая компания все больше и больше выделялась среди тысяч студентов населявших главный кампус в Итаке. Ричард стал первым писать в местные газеты. Его журналистские отчеты шли на ура. Картина Гии пользовались большой популярностью на местных выставках. Я стала понемногу писать небольшие художественные очерки в местные журналы. Джеймс, Барух и Гюнтер печатали научные статьи.

Лекции мамы Ричарда, которая отважно критиковала романтизм с позиций реализма стали пользоваться большим успехом. Статьи Флер о французской революции и о феминизме Симоны Бовуар тоже нашли своих почитателей, и вокруг Флер стало собираться движение феминизма. Как ни трудно мне было поспевать за моими друзьями, этот дерзкий вызов и коммуна нашего духовного единства делали меня бесконечно счастливой. Так прошел еще один семестр.

Наконец, в последнем весеннем семестре, когда дело стало клониться к летним каникулам, все стали готовится к двум главным праздникам весны в Корнелле: Дню Дракона, одной из старейших традиций ВУЗа (с 1901 года), празднуемому 17 марта, в день Святого Патрика, и Дню Весны — празднование последнего дня семестра.

Как все первокурсники мы очень ждали День Дракона, чтобы посмотреть на ритуальную церемонию: как студенты пронесут дракона, сооруженного студентами архитекторами, через центральную площадь кампуса и потом сожгут вместе с язвительными заметками, прикрепленными к нему. Это был великий день для нас. Мы были счастливы своей молодостью, своей дружбой, своими успехами, приближающимися каникулами, пьяня-

щей красотой, окружавшей нас природы. Все пело, танцевало, смеялось вокруг нас.

— Я пойду танцевать, — вдруг сказал Ричард, когда мы шли мимо площадки, на которой страстно танцевали латинские танцы. Он не танцевал свои любимые танцы со дня смерти своего отца. — Пойдешь со мной? — повернулся он ко мне. Я говорила ему, что занималась в отрочестве в студии бального танца.

— Да, конечно. — Я не посмела бы отказать, так меня порадовала мысль, что он нашел в себе силы преодолеть горе. Но мне совсем не хотелось танцевать. Я не помнила движений, но музыка и пластика танца были у меня в крови как у всех, кто однажды увлеченно исполнял самбу, румбу или ча-ча-ча.

Мы закружились в пламенной самбе, сливаясь в гармоничных движениях в одно существо. Это было совершенно потрясающее, ни с чем несравнимое переживание. Друзья поздравляли нас после танца, в этом шуточном конкурсе мы заняли первое место. Мы все громко смеялись и пили соки с ореховым мороженным. Как вдруг к нам подошел очень красивый, высокий молодой человек и чинно представился:

— Меня зовут Андре Филлипс. Я учусь на третьем курсе юридического факультета. Мы как раз ставим спектакль и ищем актрису на главную роль. Вы меня поразили своим танцем. Можем мы надеяться, что вы придете на кастинг? Это моя визитка.

Он так же чинно раскланялся с моими друзьями, всем широко улыбнулся и исчез в толпе. Наш праздник был безнадежно испорчен.

— Какой-нибудь «череп», — зло выдохнул Ричард. — Не понравилась мне его физиономия. А вы что скажете?

— Я скажу, пусть попробует, — сказал Гия, — а мы на спектакле посмеемся.

Мне бы следовало выкинуть эту визитку и навсегда забыть об этой встрече, и я бы наслаждалась безоблачным счастьем в обществе моих друзей до конца обучения.

Глава 2. Самовлюбленность

Я собственно так и сделала. Выкинула визитную карточку, и думать забыла об этом глянцевом молодом человеке со слащавой улыбкой. Вот только он не забыл обо мне. Много раз до конца семестра он напоминал мне о себе записками, я не отвечала. Тогда он нашел мой телефон и написал СМС: «театральная труппа Корнелла будет счастлива видеть вас в роли Джульетты. Кастинг не требуется. Андре Филлипс». Над этим сообщением мы долго смеялись с моими друзьями. Какая неслыханная пошлость: в роли Джульетты! За кого они нас принимают?

— Да, но как он нашел твой телефон? — спросил Гия

— О, очень просто. — усмехнулся Ричард. — Разве не очевидно, что он один из этих элитных мальчиков. Интересно только как он тебе объяснит, где взял номер телефона? И почему даже не извинился, что воспользовался без твоего согласия?

Мы, конечно, смотрели все три фильма о «Черепах», но верить до конца в криминальные связи и коррупцию правительства нам не хотелось. Тем не менее, существование тайного элитного сообщества факт, и по крайней мере такую мелочь как номер телефона им не сложно найти.

— Я его просто заблокирую и все. — сказала я, начиная пугаться этому навязчивому вниманию.

— Это правильно, потом он напишет с другого телефона, — сказал Ричард — И на то сообщение тоже не отвечай. Просто забань и все.

Однако, Андре Филлипс не стал писать с другого номера, он нашел меня сам.

— Я допустил большую ошибку, — начал он с извинений, — простите меня, если сможете? Вы сможете меня когда-нибудь простить?

— Что вам угодно, сударь? — как отвечать на подобное хамство без иронии

— У меня большие связи, — честно признался он. — Мне не составило труда найти ваш телефон. Я не должен был, но вы не отвечали на мои записки, мне не хотелось верить, что мы никогда не станем друзьями. Я просто не могу в это поверить. И вы, и ваши друзья, вы меня просто очаровали. Простите ли вы меня когда-нибудь?

— Буду с вами откровенна. Вряд ли я смогу простить вам такое бесцеремонное вмешательство в мою личную жизнь. И вряд ли это понравится моим друзьям. А если вы завтра неудержимо захотите чего-нибудь более пикантного вы тоже будете оправдывать нечестный поступок неспособностью преодолеть соблазн? Извините. Я буду просить вас не беспокоить нас больше.

— Подождите еще минутку. Я заслужил все, что вы мне сказали. Я не стою вашей дружбы. Но дайте мне шанс искупить свою вину. Моя большая ошибка в том, что я предложил вам роль Джульетты, а вы и ваши друзья уже известны своим полным неприятием романтики! Какая оплошность с моей стороны! Я думал вас порадовать.... Многие студентки Корнелла отдадут десять лет жизни, чтобы получить эту роль в нашем спектакле. Но что вы скажете о роли госпожи Бовари? Мы уже готовим сценарий по роману, специально для вас! Мы готовы ради вас изменить весь репертуар нашего театра.

Я с любопытством посмотрела в его зеленые глаза. Зачем ему все это надо? Его глаза оставались совершенно непроницаемы, мне даже почудилось какое-то трогательное волнение в их потемневшей глубине.

— Госпожа Бовари? Но почему вы решили, что я справлюсь с ролью?

— Я видел, как вы танцуете, я читал ваши стихи и рассказы в газете Корнелля. Наконец, ваш дружеский кружок уже известен в университете своей академичностью и глубокими познаниями в литературе.

Заговорив о моих друзьях, он внушил мне некоторое доверие. Но вспомнив о друзьях, я преодолела все проснувшиеся было соблазны в душе, и жестко отказала.

— Пожалуйста, не будем больше возвращаться к этому разговору. Мои друзья тоже не рекомендовали мне театральную деятельность.

На этом я поставила точку, и больше уже не думала о мистере Филлипсе.

Приближалось время летних каникул, мои друзья с радостью готовились вернуться домой. И только я твердо сказала, что никуда не поеду. Во первых, я никогда не видела такой красоты природы и наслаждалась каждым днем проведенным в Итаке, ведь некому было меня баловать туристическими круизами. И летом, когда все эта красота обозначилась во всем своем цвету и роскоши, мне меньше всего хотелось ее покидать. И тем не менее не это обстоятельство послужило главной причиной моего отказа. Я решила остаться, чтобы поработать в одной из крупнейших библиотек в Америке, пока мои друзья будут отдыхать. Они заслужили отдых, они так много всего знают, а мне надо использовать это время, чтобы приблизиться хотя бы к их уровню. Список книг, которые мне надо прочитать я составляла долго и основательно, выводя имена авторов из наших долгих бесед с друзьями.

— Какая ерунда! — сказал Гия. — Поедем со мной в Грузию, я покажу тебе самые красивые места.

Аврора, поедем в деревню к моему деду, там не только очень красиво, у моего деда потрясающая библиотека, я тебе рассказывал!

Я отказала своим друзьям, скрипя сердце, которое всей своей глубиной рвалось ехать вместе с ними. Но я чувствовала, что для того чтобы сосредоточится мне нужно уединение, иначе я буду отдыхать вместе с ними и никакая сила не заставит меня работать. Я ведь тоже изрядно устала за этот год.

Я поступила неправильно, хотя в конечном итоге все наши невзгоды обернулись нам на пользу. Но на тот период я приготовила себе много ненужной боли.

Друзья мои разъехались, и я принялась аккуратно посещать библиотеку, одалживая нужные мне книги и проводя много времени с этими книгами на лоне природы. И конечно меня нашел Андре Филлипс, которому это опять не составило никакого труда. Но тогда я была поражена.

— Вы? Что вы здесь делаете? Разве вы не на каникулах как все? Здесь только школьники из летних школ да я.

— Вы ошибаетесь. Вся наша труппа здесь. Мы изменили репертуар, подготовили пьесу по госпоже Бовари и ждем вас. Вы наверное думаете я избалованный мальчишка, который привык получать все что захочет... Вы не представляете каким одиноким растет человек в этих домах, подавляющих с детства своей роскошью... Вы не представляете что значит быть сыном человека который привык командовать армиями или целой страной... Я знаю, что все это звучит как сентиментальная роль из плохой пьесы, но эта правда... Помогите мне пожалуйста стать частью вашего небольшого коллектива. Вашим друзьям я не понравился, но ведь они ничего обо мне

не знают. Я восхищаюсь ими. Я хочу чтобы вас узнало как можно больше людей в университете, чтобы мы вместе побороли романтизм, чтобы миссис Уэйн помогла нам с подбором пьес, чтобы мы тоже перестали быть наивными пошляками и могли похвастать вашим утонченным вкусом.

Он заходил с правильной стороны. Мои друзья, которыми я жила и восхищалась. Тогда мне трудно было поверить, что к ним можно относиться иначе. Конечно, он искренен, что хочет стать частью нас. И хотя подсознание говорило мне, что все это фарс, и я чувствовала это в каком то приступе тошнотворной антипатии, которую не умела себе объяснить, я посчитала своим долгом скрыть свою неприязнь. Если человеку нужна помощь, я не вправе от него отворачиваться. У него был точный расчет. Друзей моих не было в кампусе, они не смогут помешать его плану. А я, стараясь ради друзей и из христианского сострадания, самым верным способом попаду в его сети. Так все и случилось.

Я так сильно скучала по моим друзьям, а он так вовремя представился как претендент на часть нашей компании. Часть моей нежности к друзьям перешла к нему незаметно для меня. Он так ловко изображал грусть и печаль недостойного нас человека, что я не поняла, как эта тонкая лесть ядом разлилась по моему сердцу. Я поверила, что жалею его за то, что он «элита», что у него «тяжелое детство» и «одиночество», что он лишен «нормального общения», отдавая приказы слугам и слыша в ответ только заискивания. Я поверила, что жалею его, я приняла снисходительный тон, я ждала своих друзей, которые, я была уверена в этом, выслушав его, тоже проникнуться сочувствием и возьмут на себя его перевоспитание. Трудно себе представить большую чушь. Но ведь влюбленность никогда не рождается от ума, и всегда от глупости. Я считала, что «реализм», который

я исповедовала в литературе, вполне хранит меня от романтических глупостей, и приняла предложение поработать вместе над госпожой Бовари.

В этот момент ловушка захлопнулась, его лесть уже отравой самовлюбленности разлилась по моему сердцу, — отравой, которой на сознательном уровне я совершенно не фиксировала. Уверенная что работаю ради своих друзей, я не заметила, что приняла мысль о расширении «организации». На тот момент у нас был тесный личный круг и никакой организации. Мне просто польстила мысль, что мы могли бы стать новой другой настоящей организацией. И эту мысль внушил мне Андре. Нет, сама по себе мысль была хороша, и вскоре мы ее осуществим. Но на тот момент она была только яблоком соблазна, никаких предпосылок, ни теоретических ни практических не было, я не заметила как он пробудил во мне тщеславие. На тот момент мной двигало только тщеславие, но я не осознавала этого, я удачно проглотила крючок. Начав с ним работать над любовной историей, пусть даже историей любовного разочарования, в снисходительной уверенности, что я облагодетельствовала его своим участием, я предрешила свое падение. Оно стало только вопросом времени.

Мы целыми днями репетировали госпожу Бовари. Он сумел меня убедить, что я не только уникальная актриса на эту роль, но и уникальный режиссер, без которого его проекту конец. Я вошла в раж и на всю широту своей страстной натуры старалась создать настоящее «произведение искусства». Мое тщеславие было распалено как никогда. Он был скромен и грустен как никогда. «Жалость» затопила мое уже самовлюбившееся сердце. И когда он назначил мне первое свидание в ночном кампусе, я ни секунды не сомневалась, что необъятная нежность, которой откликнулось мое сердце на это предложение, было всего лишь моей жалостью к «бедному» несчастно-

му юноше. И тем не менее я надела свой лучший наряд, постаравшись выглядеть настолько хорошо насколько это было в моих силах. Я не стала спрашивать себя, зачем я это делала. Мне было слишком хорошо, чтобы задавать себе мучительные вопросы.

Первую встречу он тоже провел очень правильно. Никакой романтики. Тот же грустный, робкий юноша, покоренный моим талантом и светом моей личности. Только место выбрал самое красивое и самое романтичное из всего, что мне довелось видеть в этом американском эдемском саду. Взял мою руку, угадывая мою судьбу по линиям на ладони, и больше уже не отпускал. Мне очень не хотелось ее высвобождать, но я заставила себя. И опять не стала себя спрашивать, почему мне не хочется ее высвобождать. Во мне начался процесс бессознательной борьбы со всей моей сознательной системой ценностей, процесс, скрытый от моего сознания. Не сознавала, что этот робкий юноша поставил меня на край пропасти и методично, каждым грустным вздохом и влажным взглядом, готовит мое падение.

Я была как никогда убедительна в пьесе, и сама это чувствовала. Моя самовлюбленность достигла своего апогея. В тайне я уже надеялась, что он опять позовет меня на ночную природу, но я не признавалась в этом желании даже самой себе. А он словно бы и забыл об этом свидании, оставаясь как никогда вежлив, предупредителен, даже заискивающим в чем-то, но с обязательной дистанцией и какой-то школьной почтительностью.

Наконец, состоялась премьера. Наших зрителей было немного, лето все еще было в разгаре, но ведь все представление давалось для меня. Успех совсем вскружил мне голову. И вот в ночь после спектакля, дав волю своему восхищению, он робко спросил меня таким тоном, словно не верил в подобную удачу: соглашусь ли я еще раз поболтать с ним на природе?

Я вложила всю душу в свое согласие. Бедный! Как же он смущен и покорен! Я просто обязана его приободрить.

— Я знаю, как смешно это звучит, — сказал он мне уже сидя со мной на траве, и держа мою руку дрожащими руками, — но я вас полюбил. Я не знаю романтика это или реализм... ведь есть... должна быть... какая то реальная любовь, разве нет? — он с таким отчаянием и страхом посмотрел мне в глаза, что моя распаленная самовлюбленность завопила ему: Да, да, да, есть! А мой интеллект оглушено сел, близкий к коматозному состоянию, и в недоумении захлопал глазами: есть или нет, черт возьми?

Я опустила глаза, и только в ответ сжала его руку. Нега, растекавшаяся по моему телу, говорила о полной победе подсознания над сознанием, и мой мозг сдался и позорно отступил. Но ведь необходимо было прикрыть свое позорное отступление, и я сказала:

— Мы можем быть нежны друг с другом, не думая ни о какой любви. Ведь мы искренни друг с другом, не так ли? Мы не Ромео и Джульетта, мы просто дарим друг другу немного нежности...

— Да, как точно вы... как точно ты... можно я буду говорить тебе ты, родная?

И прежде чем я успела ответить, жар его разгоряченного лица уже обжег мою пылающую в ответ щеку. Поцелуй заглушил во мне остатки разума, мои критическая и аналитическая способности ушли в долгий сон. На тот момент он одержал полную и блестящую победу. Мои интеллектуальные способности были успешно нейтрализованы.

— Почему не Ромео и Джульетта? Не знаю как ты, а я вполне чувствую себя Ромео, — засмеялся он, давая понять, что это только шутка. Мне оставалось только смеяться в ответ.

На следующий день я собирала вещи в комнате общежития, где прошли самые счастливые дни моей жизни — дни нашей дружбы с товарищами по духу. Андре настаивал, чтобы до конца лета я переехала к нему, а я не имела сил ему противиться. Он тоже жил на территории кампуса как все студенты, но он был старшекурсником, и у его общества было свое здание, которое они купили или арендовали у университета для членов своего сообщества. Это ведь только до конца лета, уговаривала я себя. Но чувствовала, что сама себе не верю. Когда вернуться друзья, я тоже вернусь в наше общежитие, они познакомятся с Андре, примут участие в его реформаторском театре, и мы заживем по-старому.

Но почему то слезы обильным потоком текли из моих глаз, и я ничего не могла с этим поделать. В конце концов, я села в кресло и зарыдала. Щемящее чувство, что я навсегда расстаюсь со своими друзьями, рвало мое сердце на части. Более того, какой-то внутренний голос твердил мне, что я их предала. Наконец я взяла себя в руки: «Какая ерунда! Это просто истерика. Слишком много переживаний. Первый мужчина в моей жизни. Расставание с друзьями. Конечно, я вернусь сюда в сентябре и все будет по старому». И я силой воли заставила себя взять сумку с вещами и бросилась бежать из общежития.

Глава 3. Ромео и Джульетта

«Любовь» буквально раздавила меня. Мне казалось, что я что-то открыла, как бывает с шизофрениками после дебюта шизофрении, когда они впервые видят стройную систему своего бреда. Эта «любовь», заполнившая все мое существо навязчивой идеей об Андре, о нашем с ним единстве звенела в каждой клеточке мое-

го тела, разрушая и меняя прежнюю структуру моего «я». Я чувствовала что меняюсь, что становлюсь другим человеком, и не могла понять хорошо это или плохо. Мне не хотелось больше читать научную литературу, мои планы провести лето в библиотеке Корнелла казались мне теперь нестерпимым бредом. Но я нашла оправдания и для этого: я молода, мне надо отдыхать, и друзья мои настаивали на этом когда уезжали. Не все правда, но тем не менее. В минуты просветления я думала, они будут страшно смеяться над моей влюбленностью, но потом, оказавшись вновь под волнами своего чувственного наваждения, я начинала убеждать себя, что смогу убедить их, что влюбленность на самом деле есть, и мы просто не знали о ней. Что в романтизме был смысл, который мы просто не увидели.

Мое сердце попеременно разрывали грусть и восторг, пронзительное счастье и тотальная несчастливость. И мне казалось, что это начальная турбулентность, которая в конечном итоге стабилизируется на радости и счастье. Надо потерпеть и постараться пережить этот временный шок. Вот и все. А вдруг стабилизируется в несчастливость? — возникала упрямая мысль. Я не могла не чувствовать, что как не остро временами было чувство счастья, а темная палитра чувств брала вверх. Так отчего бы мне быть такой оптимисткой? Госпожа Бовари? Эта мысль совершенно уничтожила меня. И я дала себе слово бороться с миражами чувств, тормошить засыпающий под их наркотическим воздействием интеллект, пока разумом точно не смогу дать оценку тому, что со мной происходит. Хорошо это или плохо. Отдаться этому наваждению и ждать блаженства или бежать как от удава, который гипнотизирует кролика, прежде чем его проглотить. Этот образ окончательно убедил меня в том, что расслабляться рано. Просто надо добавить свои новые чувства к объектам анализа, вот и все.

Вся наша полемика с друзьями о романтизме и реализме вдруг ожила и встала передо мной с такой остротой и отчетливостью, которую порождает только чувство опасности. Тогда это были только досужие споры, абстрактная пища для интеллекта. Теперь это была информация, которая решала вопрос жизни и смерти. Кто бы мог подумать, что именно я окажусь такой романтичной. Я нисколько не сомневалась, что то что я чувствовала и было «романтикой» Шекспира, Данте или Петрарки. На какой то момент во мне заговорила кровь исследователя: тем лучше, я могу изучить этот феномен на себе. Но уже в следующее мгновение я сомневалась, что мне хватит на это сил и эрудиции, что я просто не сломаюсь и не стану сюсюкать и молить о любви как все эти дамочки, над которыми мы смеялись. Меня прошиб холодный пот от этих видений.

Я вспомнила, как миссис Уэйн рассказывала мне про Пруста и нашла его книгу. Да, так и есть, он пишет о том же самом переживании, только в его понимании это наваждение придает смысл и жизни и делает ее «драгоценной». Я стала читать: в чем же эта драгоценность? Оказалось все счастье в «горе ревности», в том, что его герой Сван позволяет рядовой проститутке издеваться над ним, потом женится на ней, понимает, что она ничтожество, и что даже не нравилась ему. Спасибо, миссис Уэйн, я буду очень осторожна. Мне совсем не хочется сделать подобные открытия о «драгоценной» любви.

Физическая близость была новым опытом в моей жизни. Андре любил вспоминать в этой связи легенду Корнелла о девственницах.

— Надеюсь, ты не часто ходила в полночь по Площади искусств?

Сначала мне казались забавными эти шутки, но потом вдруг мне стал отвратителен его снисходительный юмор. Я чувствовала, что это тоже как то связано с его

тщеславием и что он старается польстить и моему тщеславию.

Меня смущал опыт эмоциональный: я чувствовала себя рыцарем печального образа, положившего себя к ногам Дульсинеи. И потому я сопротивлялась этой влюбленности, все глубже и шире распространявшейся в моем сердце. Я держалась и не давала себе раскиснуть. Не давала увлечь себе тлетворным сантиментам, возрождавшимся из этого чувства с таким напором, что мне становилось все труднее убеждать себя в их нереальности.

Книги были безнадежно заброшены. «Ленность интеллекта» — еще одно выражение, позаимствованное мной у Пруста. Вот именно. Мой интеллект пребывал в праздной лени, отказываясь думать и направляя все свои усилия на блаженные мечты о скором счастье с Андре. Мысль о нашей свадьбе становилась навязчивой идеей помимо моей воли, повергая меня в ужас своей примитивностью. Так вот почему девушки мечтают о замужестве, — пронеслось у меня тогда в голове. Полюса окружающего мира претерпели революционное изменение, сконцентрировавшись вокруг персоны Андре: хорошо было то, что имело отношение к нему, плохо то, что не имело. Мой разум, собирая остатки сил, вопил мне, что это чушь, но влюбленность, захватывая мое сердце подобно ураганному напору толпы мятежников, ставила под сомнение эти робкие протесты разума.

Спасибо Гие, научившему меня интересоваться искусством, он рассказывал мне о своих любимых книгах о художниках. Теперь я прочла их все, раз уж не могла заниматься наукой. Биографии Бетховена и Микеланджело Ромена Ролана, Гойю Фейхвангера, «Творчество» Золя. Гийа предупреждал меня, чтобы я не вздумала читать о Леонардо де Винчи у Фрейда, и я, конечно, нарушила запрет. Помню шок своего первого знакомства с пансексуальной теорией Фрейда.

Мы продолжали вместе работать в театре. Госпожу Бовари было решено пока снять, до начала учебного года.

— Нам нужна еще одна пьеса в новом учебном году. Мы тогда сняли Ромео и Джульетту из-за тебя. Прошу тебя, милая, ради меня. Пойди мне навстречу. Я ведь пошел тебе навстречу. Госпожа Бовари тебе, а Ромео и Джульетта мне. Так будет честно.

Мне нечего было возразить. Но главное, мое сердце больше не возражало. Я чувствовала себя его Джульеттой, и я была так счастлива, когда он называл себя моим Ромео. Именно этого никак нельзя было допускать, но тогда я этого не знала. Я позволила себя уговорить, ведь приличия были соблюдены. Он мне, я ему. Хотя понятно, что мне его пьеса Бовари никуда не была нужна, это был только нужный ему способ, чтобы соблазнить меня. Я никогда не планировала участвовать в театральной деятельности, и была бесконечно далека от нее. И тем не менее, Джульетту я сыграла так хорошо, что сама это почувствовала. Мне не нужны были их похвалы, я чувствовала, что жила в этой роли.

Премьера состоялась в сентябре, я очень переживала. Мои друзья не ходили на такие премьеры, но они могли увидеть отчет о пьесе в газетах Корнелла, услышать по радио, прочитать в фейсбуке наконец. Но больше всего я боялась, что они придут, и я встречусь с ними глазами, когда буду на сцене. Я была уверена, что не смогу произнести ни слова. К счастью, они не пришли. Пьеса прошла на ура. Нам аплодировали стоя и несколько раз вызывали овациями на поклон. Андре был в восторге: он схватил меня в охапку после премьеры и увез с собой. Я вновь ощутила себя погребенной волной пронзительного счастья, за которой, я знала, придет волна боли и отчаяния, которая сделает меня такой же несчастной. Знала, и как не старалась, не могла наслаждаться объятиями с Ромео. Напряжение застыло во мне подобно раскален-

ным проводам, об которые разбивалась вся внешняя нежность. Я вспомнила слова Жорж Санд в Лелии: получить наслаждение ценой потери души. Потеряла ли я уже свою душу, спрашивала я себя?

— О чем задумалась? — спросил меня совершенно разомлевший после бурной ночи и сна Андре. — Ты как будто не счастлива быть Джульеттой? Ну признавайся.... Тебе тоже понравилось.

И я вдруг отчетливо услышала слова Ромео и медленно стала декламировать:

— «О, эта кроткая на вид любовь
Как на поверку зла, неумолима!
И ненависть мучительна и нежность,
И ненависть и нежность — тот же пыл
Слепых, из ничего возникших сил,
Пустая тягость, тяжкая забава,
Нестройное собранье стройных форм,
Холодный жар, смертельное здоровье,
Бессонный сон, который глубже сна.
Вот какова, и хуже льда и камня,
Моя любовь, которая тяжка мне.
Что есть любовь? Безумье от угара,
Игра огнем, ведущая к пожару.
Воспламенившееся море слез,
Раздумье — необдуманности ради,
Смешенье яда и противоядья.

— Ты как думаешь, Андре? Это нормальное состояние? Здоровое? Оно может дать счастье?

Андре вдруг разозлился и одним прыжком выпрыгнул из постели.

— Вечно ты со своими интеллектуальными штучками. Надоела твоя шиза. Тебе дали главную роль, тысячи студентов Корнелла тобой восхищались, многие бы отдали годы жизни, чтобы быть на твоем месте. Ты хоть понимаешь, что можешь сделать карьеру в Голливуде? Ты

покорила публику. И вот наша принцесса опять недовольна! Любовь нездоровое чувство! Какая чушь... Всякая любовь прекрасна! И всякая ненависть отвратительна! Это же алфавит христианской культуры! Или твоя красная Россия стерла у тебя всякое представление о христианах и христианстве?

— И Лолита прекрасна? — спросила я с вызовом. Он знал, как мне был отвратителен этот культ набоковской порнографии, которую в Корнелле чтили также свято как все прочие традиции и достопримечательности университета. Обычно он всегда брал мою сторону, и соглашался что книга мерзкая, и что весь этот культ Набокова просто посмешище.

— Да, и Лолита тоже прекрасна! — заорал он мне в ответ с таким же вызовом. Я решила, что он просто зол на меня и не стала обращать внимание на его слова.

Мы в тот раз помирились, но эта фраза зубной болью застряла у меня в голове: «Всякая любовь прекрасна! Всякая ненависть отвратительна!» Я начинала глубоко сомневаться в той западной культуре, которой дома издалека так восторгалась. Знакомство с моими друзьями убедило меня в моей правоте, а знакомство с Андре показало мне гнилую сторону этой культуры и зародило семена сомнения в моей душе. Я много слышала об этом в спорах Гюнтера и Джеймса. А здесь я впервые услышала нечто эту навязчивую идею американских консерваторов о «красных» и «красной России», которая смешивала в одну кучу и марксизм-ленинизм большевиков, и все то лучшее и прекрасное, что было в философии и литературе, все то «левое», демократическое, чем мы так искренне восхищались с друзьями.

— А что же ты скажешь об Эйнштейне? Или Бертране Расселе? — я столько слышала об этих именах пока жила

в общежитии, я знала, что это лучшие люди на земле, и тот, кто их не любит не может быть хорошим человеком. — Они тоже красные идиоты?

— Эйнштейн физик, он ничего не смыслил в политике. А Расселы были великими людьми, но ведь в семье не без урода, — смеялся Андре.

— Уверяю тебя, такие Расселы не стоят одного мизинца математика, философа, писателя и великого демократа Бертрана Рассела.

— Ради бога, ему здесь даже работу не давали. Да, он был обыкновенным красным идиотом, если ты это хочешь от меня услышать.

— А что ты тогда скажешь о Кеннеди? Самый известный президент от демократов, насколько я знаю? Красный идиот? Или о книге Артура Шлезингера, его друга и коллеги «Циклы американской истории»? — я лихорадочно вспоминала имена, которыми сыпали Гюнтер и Джеймс в своих спорах

— Ну конечно, господи. Я ведь не говорю, что только русские бывают красными. Я американец, а не националист.

— Значит, демократия отцов основателей — это тоже красное свинство?

— Смотря каких отцов основателей. Консерваторы не были красными. Демократы другое дело. Но это Америка, здесь есть свобода слова, они вольны быть демократами, мы вольны быть консерваторами. И мы всегда будем воевать с ними и всегда побеждать их. — он удовлетворенно рассмеялся

— Получается, Оливер Стоун прав насчет убийства Кеннеди? Я смотрела его фильм «Выстрелы в Далласе» с Кевином Костнером. Вроде бы он тоже по чьей-то книге снимал. — Это все война консерваторов с демократами? Между прочим и Рассел писал в свое время, что дело шито белыми нитками.

— Война — это метафора. Здесь Америка. Мы сражаемся в сенате, в прессе, в бизнесе. Почитай для разнообразия «Совесть консерватора» Барри Голдуотера

— Я читала Джона Дина «Консерваторы без совести». Или, например, «Вся президентская рать». Вроде бы и фильм такой есть с Дастином Хоффманом. Уотергейт президента Никсона. Консерватор тоже. Будешь сравнивать с Кеннеди?

— Что ты знаешь о Кеннеди или о Никсоне? Ты споришь со мной, выросшем в этих кругах в Америке? Вспомни кто ты! — заорал он в ярости

— Кто же я?!

— Ты русская, или грузинка, для меня одно и тоже. — спокойно сказал он. — Что ты можешь знать о нашей стране? О нашем круге? Ну или почитай Айн Рэнд, там у меня на книжных полках, — сказал он уже примирительно. — Это художественная литература. На мой взгляд лучшее, что написано в Америке. А ведь она тоже была российской эмигранткой.

Я полистала ее книги, мой ум пробудился на несколько часов, ведь все связанное с Андре было тогда жизненно важно для меня. И хотя в этих книгах не было ничего аморального, если вчитываться в содержание, я чувствовала, что Андре не из тех, кто вчитывается. Ему нравилось то что на поверхности, глубже он не шел. Вот хотя бы фраза «Добродетель эгоизма». И «все в жизни противоречие». Ну конечно, он ведь не интеллектуал, зачем ему логика?

Я думала о своих друзьях, к которым я конечно не вернулась в сентябре и эти мысли убивали меня. Для меня становилось очевидно, что либо мы с Андре идем к ним и Андре становится частью нашего коллектива, либо я на самом деле предательница и отступница: от нашей философии, от научного мировоззрения, от демократии, от феминизма, от реализма и всего того колорита

духовной жизни которой мы жили. На что я променяла этот глубокий благородный дух, который делал меня безоговорочно и по настоящему счастливой?

Я вынуждена была признаться себе, что променяла его ни на что. Счастье оказывалось иллюзией, новой мысли я не нашла, а о демократических взглядах Андре я попросту боялась спрашивать. Вздорные фантазии о замужестве я боялась озвучить самой себе, не только всерьез связывать с ними какие-либо перспективы. Тем более, что подсознательно я понимала, что для Андре именно свадьба не будет вопросом романтики, тогда как для меня появление грез замужества на горизонте моего сознания было всецело связано с пробуждением романтики.

Второй раз мы заговорили с ним о его «черепах» после просмотра нового фильма Оливера Стоуна «Джордж Буш». На тот момент Буш был еще действующим президентов США, у которого близился к концу его второй срок. Я узнала о фильме из Фейсбука и решила посмотреть. Оливер Стоун начинает биографию действующего президента с посвящения его студентом в «Черепа» Йеля, а потом фильм говорит о нем в общем как о безнравственном и безвольном человеке, чье правление принесло много бед. Я чувствовала себя пойманной с поличным. Почему я до сих пор не спросила Андре о его причастности к тайным обществам, и в частности к Черепам? С другой стороны, какой удар по моей вере в демократическую культуру этой страны. Действующий президент член общества с идиотскими ритуалами, достойными какого-нибудь первобытного племени и с идеями прямо противоположными демократическим идеалам?

— Андре, я хочу тебя спросить.

— Да, я весь внимание.

— Андре, ты смотрел эти фильмы о «Черепах»?

— Что? Что ты сказала?

— Я говорю, ты смотрел эти фильмы о «Черепах»?

— С Джошуа Джексоном?

— Да-да, это первый фильм. Есть еще два. Так значит, ты смотрел.

— Ну конечно. Как все.

— Что ты думаешь о тайных организациях? Мне рассказывали, что сенатор Энрю Уайт, первый президент Корнелла тоже был одним из «Черепов». Собственно об этом написано в Википедии. Говорят, Черепа действуют и на территории Корнелла. Это правда?

— Не знаю. Но даже если так. Что в этом плохого? Ты считаешь сенатора Энрю Уайта плохим человеком? Кто там еще в твоей Википедии? Ты ведь знаешь что кино и жизнь разные вещи. Эти режиссеры показали Черепов до того коррумпированными, что итальянская мафия отдыхает.

— Я думаю, что Энрю Уайт был хорошим человеком. Еще есть действующий президент Джордж Буш. Сегодня смотрела фильм Оливера Стоуна о нем. В фильме он плохой человек, а своей разведки у меня нет. О других я ничего не знаю. — сказала я. — Но я все равно считаю, что это не просто глупая, по детски инфантильная организация. Но главное организация, перечеркивающая все демократические принципы Америки. Разве ты так не считаешь?

— Не смеши меня, Аврора. Оливер Стоун красный идиот. Он смеется над маккартизмом, который спас Америку от красной заразы. Америка — страна правая. Мы, консерваторы, составляем историю и философию страны. Меньше слушай демократов, этих несчастных социалистов, которые в любой момент готовы сдать нас коммунистам. Любой, кто не красный идиот понимает, что любую страну делает ее элита. Мы просто элита, вот и все.

— Эйнштейн тоже резко осудил маккартизм. Почему ты говоришь «мы»? Ты тоже часть этих тайных обществ с греческими буквами?

— Ну конечно, черт возьми! Разве ты не знаешь что мой отец тоже сенатор? Как мне еще становится частью своего круга, как нам знакомится и как сообща работать дальше? Эти красные фильмы снимают идиоты, которые хотят разрушить Америку. Но ничего у них не получится. В конце концов, приведи мне хоть один пример из истории, где элита не возвышалась бы в той или иной степени над законами своей страны. Мы создаем законы!

— Поэтому ты пошел на юридический? Я все думала, как можно было выбрать такую пустую специальность, когда вокруг столько настоящей науки и искусства. Мои друзья говорят, что юридический факультет вообще не дает никаких реальных знаний, только возможность устроиться.

— Твои друзья? Эти рафинированные интеллектуалы, которые ищут все реальное. Ну конечно это они научили тебя всей этой ерунде. Жаль мы не встретились раньше, я защитил бы тебя от их тлетворного влияния.

— Как?! Разве ты не хочешь стать частью нашего коллектива? Ты ведь уверял меня, что только ради этого подружился со мной?!

— Конечно ради этого, я ведь тебе говорил. Но ведь Ганди тоже был адвокатом, а ты говорила, что твои друзья восхищаются им, — усмехнулся он.

Действительно Барух говорил, что Эйнштейн восхищался Ганди, а Барух знал все об Эйнштейне.

— Конечно. Но Ганди не пришло бы в голову сказать, что он создает законы. Даже подумать смешно. Ганди говорил, что единственные законы общества — это законы совести, и если правительство принимает законы, которые им противоречат, или идут против законов совести, то такое правительство перестает быть правительством.

Это ведь основа его теории гражданского неповиновения. Несотрудничества. И адвокатом он был только в смысле службы народу. Он никогда не брался за дела нечестных людей. И редко брал деньги.

— В этом разница между нами, — сказал Андре — мы всегда берем деньги. Вспомни как представляла себе национальный флаг Айн Рэнд — доллар!

— Аврора, если хочешь увидеть настоящий фильм о черепах, посмотри фильм Роберта де Ниро Ложное искушение с Ангелиной Джоли в роли дочери тех самых Расселов, которые были учредителями этого общества. Вот это Расселы, а не этот твой математик, философ... Там о том, как из «черепов» возникло ЦРУ, и красавица Рассела была призом победителю! — он вышел громко расхохотавшись.

Меня покоробили его слова и его смех. Какая пошлость. Если бы я не была влюблена в него, я бы конечно не дала опять себя уговорить, но я простила его и на этот раз. Да, он может быть членом этих глупых обществ, но ведь в конце концов и президент Америки там состоит. И Роберт де Ниро в теме. Он вырос в этом кругу, — говорила я себе, — он просто идет проторенной дорожкой. Но самое главное я простила саму себя. Я опять придумала себе отговорки: я не иду к моим друзьям потому что пока сама не знаю, что со мной происходит и что я могу им сказать. Как объяснить свое поведение. Самым страшным испытанием того времени было для меня иногда встречаться с ними в аудиториях или где то еще на территории кампуса. Я говорила дежурные фразы, обрывала диалог и стремительно бежала прочь, словно боялась гиены огненной. Действительно, что я могла им сказать. Им, людям, которых я любила всем сердцем, которыми глубоко восхищалась, и которых так глупо предала.

Однажды после занятий ко мне подошел Ричард. Его прекрасные волнистые локоны так трогательно обрамля-

ли умное, осунувшееся лицо. Я поздоровалась и хотела бежать по обыкновению. Он решительно меня остановил.

— Как у тебя дела? Не уходи, пожалуйста. Мы все за тебя переживаем. Что с тобой случилось?

— Ричард, я сама не знаю. Я ушла только на лето. Он обещал мне что осенью, когда вы все соберетесь, я вернусь к вам, и он станет частью нашего коллектива. Но потом все затянулось. Я согласилась на роль Джульетты. Мне было стыдно смотреть вам в глаза. Каждый день я говорила себе, что завтра пойду к вам, и каждый день откладывала опять на завтра. Я хотела дать себе время разобраться в своих чувствах. Ричард, я ни на минуту, ни на долю секунды не переставала вас любить, даже если на какое то короткое время мои мысли бывали заняты всякими глупостями в этот период. Вы были и останетесь единственным настоящим в моей жизни, единственным, во что я верю и в чем нисколько не сомневаюсь. Единственным в чем есть смысл, красота и благородство. И если Андре не сможет стать частью вас, он никогда не станет частью меня. Простите меня, если сможете.

— Аврора, причем здесь мы? В опасности ты, мы все за тебя переживаем. Тебе надо уходить оттуда. Мы же тебя предупреждали, что ничего хорошего не выйдет.

— Я очень скоро вернусь в общежитие Ричард. Дайте мне еще немного времени. Мне очень неловко перед вами.

— Мы тоже тебя всегда любили, и любим, и ты всегда можешь на нас положиться. Пожалуйста, будь осторожна. Вот эту книгу передала тебе мама. Она очень тревожится за тебя.

— Передай миссис Уэйн, что я очень ей благодарна за ее лекции. И особенно за лекции о Прусте. Они мне очень помогли.

Я порывисто обняла Уэйна, обхватив его шею ледяными руками, взяла у него из рук книгу, и бросилась бе-

жать по своему обыкновению. Я потом долго не могла открыть книгу, которую мне прислала миссис Уэйн, но заглавие прочитала сразу: Роберт Грин «Искусство соблазна». И конечно сразу поняла, что эта добрая женщина, такая же рафинированная интеллектуалка, как и ее сын, очень переживала за меня и хотела предупредить меня об опасности.

Когда я все таки набрала его имя в Гугле, обнаружилось, что это очень популярный в Америке автор бестселлеров «Искусство соблазна» и «48 законов власти». А потом я открыла книгу и прочитала это:

«Еще один мощный инструмент, помогающий направлять людей по неверному следу, — ложная искренность. Люди легко принимают искренность за честность. Не забывайте, их первое побуждение — доверять видимости, а поскольку все хотят верить в честность окружающих, они вряд ли усомнятся в вас и уж тем более вряд ли увидят вас насквозь. Если вы даете понять, что верите в то, что говорите, это придает словам огромный вес. Именно так Яго обманул и погубил Отелло: мог ли Отелло, видя глубину чувств Яго, видя искренность его обеспокоенности предполагаемой неверностью Дездемоны, не поверить ему?

Если вы полагаете, что обманщики — это яркая, колоритная публика, люди, которые сыплют на каждом шагу фокусами, изощренными и красочными выдумками, вы заблуждаетесь. Самые лучшие из них обладают располагающим к доверию обликом и не привлекают внимания. Им известно, что экстравагантные слова и поступки немедленно возбудят подозрения. Вместо этого они придают своим замыслам вид чего-то привычного, банального и безвредного.

Как только вы усыпите внимание своих жертв, выдав им то, чего они ожидали, они потеряют способность замечать обман прямо у себя за спиной. Чем серее и орди-

нарнее дым вашей завесы, тем легче скрыть свои намерения.

Наиболее простая форма дымовой завесы — выражение лица. Спрятавшись за располагающую, не очень выразительную внешность, можно планировать любое злодейство, никто вас ни в чем не заподозрит. Этим оружием пользовались многие могущественные исторические деятели. Рассказывают, что у Франклина Делано Рузвельта было совершенно непроницаемое лицо. Барон Джеймс Ротшильд всю жизнь пользовался этим приемом, пряча истинные мысли за широкими радушными улыбками или неопределенными взглядами.

Для обольстителя жизнь видится театром, все люди для него актеры. Большинству кажется, что их роль в жизни ограничена узкими рамками и сознание невозможности изменить что-либо делает человека несчастным. Обольстители напротив многолики, они могут становиться кем — угодно и играть любые роли....Эти главы расскажут вам о том, как очаровывать, как сломить сопротивление, как придать обольщению живость и силу и склонить жертву к капитуляции.

Углубившись в страницы этой книги позвольте повествованию захватить вас, уступите ему, откинув предвзятость и предубежденность. Постепенно вы почувствуете, как сладкая отрава медленно просачивается сквозь вашу кожу.

Хуже всего в этом то, что вы все решаете за свою жертву, не давая ей возможности проявить инициативу. Отступите на шаг, пусть ей покажется, что те мысли появление которых вы спровоцировали, зародились в ее собственной голове....Нет в обольщении ничего более эффектного и эффективного, чем позволить жертве считать ее, жертву, обольстителем

Вызвать влюбленность, а затем покорить — это модель общая для всех видов обольщения: сексуального, со-

циального, политического. Влюбленный просто вынужден капитулировать.

Бесполезно восставать против этой силы, внушать себе что вы не испытываете к этому никакого интереса, что это безнравственно или некрасиво. Чем сильнее пытаетесь вы противиться соблазну обольщения — как идее, как форме власти — тем больше он вас захватывает

Правильно выбранные жертвы — это те люди, которым в вас видится что-то экзотичное, необычное. Часто они одиноки, несчастны или по крайней мере чем-то подавленны (например, пережитой неудачей). Если же это не так, то их можно и нужно привести в такое состояние — ведь полностью удовлетворенного жизнью, счастливого человека обольстить почти невозможно.

Подобные приемы, не только вызывают желание добиваться вас, они бьют по основным человеческим слабостям: тщеславию и самолюбию....Разыгрывая карту тщеславия и самолюбия, вы можете вертеть людьми как хотите. Если вас интересует женщина говорил Стендаль начните проявлять внимание к ее сестре. Это немедленно вызовет интерес к вам

Игра на контрастах широко применяется в политике, ведь политические деятели и другие публичные фигуры также должны обольщать

Полностью удовлетворенного человека обольстить невозможно. Следует поселить в душах ваших объектов напряженность и дисгармонию....Ощущение неполноценности, созданное вами, позволит втереться в доверие; в вас должны увидеть ответы на все жизненные вопросы и панацею от всех бед

В человеческом обществе каждый носит маску: мы притворяемся более уверенными в себе, чем на самом деле. Нам не хочется, чтобы окружающие оказались настолько проницательными, что разглядели бы это сомне-

вающееся эго внутри нас. В действительности наше эго, наша индивидуальность куда более хрупка чем кажется, она прикрывает пустоту и чувство смятения. Выступая в роли обольстителя, ни в коем случае не принимайте внешнюю оболочку человека за реальность

Ваша задача как обольстителя — ранить свою жертву, прицелившись в уязвимое место, нащупать брешь в ее самолюбии и нанести удар. Если она усердно тянет лямку, заставьте ее мучится от этого, усугубляйте страдания, как бы нечаянно дотрагиваясь до больного места, как бы непреднамеренно касаясь этой темы в разговоре. Вы получаете язву, комплекс (можете немного усилить его), беспокойство, ну а облегчение несчастному принесет только участие другого человека, то есть ваше... Желание, пробуждаемое в соблазненном человеке, отнюдь не нежное прикосновение и не неприятное переживание: это открытая рана. Стрела Купидона приносит боль, терзание и потребность в облегчении. Желание должно предваряться болью. Направьте стрелу в самое уязвимое место жертвы и нанесите рану, которую вы сможете исцелять и вновь растравливать» Искусство соблазна Роберт Грин

Я сидела словно громом пораженная. Мой мозг отказывался шевелиться, защищаясь от боли мнимой комой. Усилием воли я заставила себя встать. Мысли лихорадочным потоком хлынули в голову. Теперь становилась ясной такая простая задача, которую он себе ставил, и которую я была не способна отгадать самостоятельно просто в силу пропасти, которая разделяла наши сознания. Я не могла представить себе, что нормальные люди, тем более элита цивилизованного общества могут ставить себе подобные цели и изъясняться на подобном циничном жаргоне. Так вот оно что. Он целенаправленно разлучил меня с друзьями, чтобы их влияние не смогло меня защитить. Он сделал меня несчастной. Я вдруг всем своим существом осознала, как глубоко я несчастна без них. Я

вспомнила, как он тысячей разных намеков вел меня к мысли о браке как счастливом окончании этого приключения и действительно сумел внушить мне мысль, что я сама стала думать о браке. И как он в то же время дал мне понять, как много социальных препятствий к этой возможной вершине моего счастья, и что он искренне желает преодолеть все эти препятствия. Желает, но не может. Как он постепенно внушал мне мысль бросить физику и сосредоточить свои усилия на карьере актрисы. «Вспомни своего Данелия, — говорил он мне, ласково улыбаясь, — он ведь тоже был архитектором, а стал мировой звездой!» Вот почему эта тема вызывала во мне такое отвращение. Вот почему эти волны отчаяния и счастья постоянно сменяли друг друга. Вот-вот должно начаться и «горе ревности», судя по тому как развиваются события, — вдруг осенило меня.

Я не могла уйти сразу, слишком болезненным было мое открытие. Мне нужно было остаться, чтобы убедится в правоте моих слов, чтобы успокоиться, убедившись в его низости, чтобы наконец, уяснить для себя, что все это не сон. Мне понадобилось еще два месяца, чтобы разобраться в своих чувствах, чтобы понять, что никакого союза между Андре и его друзьями с одной стороны, и мной и моими друзьями с другой стороны не может быть. Что наши компании также несовместимы как несовместимо добро и зло. Что у Андре нет никакой философии кроме философии банального эгоизма, что он действительно туп и невежественен и только старается казаться джентльменом.

Как то разбирая свои вещи, я нашла там майку Гии, с изображением Холдена Калфилда, которого стошнило у кинотеатра с яркой афишей. Эта картина поразила меня как откровение. Я уткнулась в нее лицом и проплакала все утро. «Что я делаю? Почему я все еще здесь?» — сверлило в мозгу.

Андре застал меня вечером в этой майке и не сразу понял что это.

— Никогда на тебе не видел. Что это? Дай прочту... Сэлинджер. Ты видела своих друзей?

— Ты возражаешь?

— Нет, ни в коем случае. Я просто так спросил.

— Я решила уйти из твоего театра.

— Что? Ты в своем уме? Твои две пьесы идут с большим успехом. Ты могла бы стать настоящей актрисой. Звездой Голливуда. Зачем тебе эта физика? Хочешь всю жизнь прозябать инженером на зарплату?

— Хорошо, я подумаю над этим. Тогда помоги мне поставить пьесу о Сэлинджере. «Над пропастью во ржи». Я ведь сделала для тебя Джульетту.

— А кто будет в роли Холдена? Я что ли? — он принялся хохотать.

— Нет, я попрошу моих друзей. Думаю, в этой пьесе они будут рады принять участие. И ты наконец с ними подружишься. Ведь ты об этом мечтал. Лучшего шанса не придумать.

— Я буду счастлив подружиться с твоими друзьями. Это правда. Но не ценой всего во что я верю. Ты хочешь посмеяться надо мной, над моими братьями из тайного общества со сцены нашего собственного театра? Редкий цинизм, никак не ожидал от тебя. Вот, купи себе нормальную одежду.

— Ты же знаешь, я не беру у тебя денег.

— Знаю, и ходишь как оборванка. — он встал и ушел.

Мне не пришлось долго ждать «горя ревности», о котором Пруст пишет как о хранителе огня влюбленных. Газеты и радио Корнелла шумно напоминали об очередной традиции ВУЗа, которыми здесь все очень гордились: реконструкцией рыцарских турниров. Слушая репортажи и читая заметки в газетах, я вспоминала, как мы

смеялись над ними в прошлом году с друзьями, и у меня щемило сердце от тоски.

— Ты слышала о начале рыцарских турниров?

Меня прошиб пот от мысли, что он заставит меня и там поучаствовать.

— Да, конечно, все газеты трубят. Уволь меня, пожалуйста, ты же знаешь, как я далека от этой глупой романтики.

— Знаю, и поэтому уже позаботился, чтобы тебе не пришлось меня там сопровождать. Помнишь Николь, которую нам пришлось отстранить от главной роли, чтобы дать ее тебе? Я попросил ее быть дамой моего сердца на турнире. Чтоб она не обижалась, и чтобы тебе не пришлось там присутствовать.

Вот тогда слова Пруста, до этого мгновения почти не имевшие для меня никакого содержания, вдруг загорелись ярким пламенем в моем уже глубоко раненом этой влюбленностью сердце. «Горе ревности», повторяла я про себя в день турнира и смеялась над собой, над своей любовью и над своим «горем». Но виду не подала.

— Да, конечно. Ты все правильно решил. А почему нельзя было просто не пойти?

— Невозможно. Наша театральная труппа принимает традиционно большое участие в организации этих турниров.

Тень Николь с тех пор прочно поселилась вместе с нами. Меня спасла от глупостей только вовремя доставленная мне книга Роберта Грина, и я мысленно благословляла миссис Уэйн. Я думала только о том, что если Грин использовал это «горе ревности» для соблазнения других, бедняга-мазохист Пруст считал его собственным счастьем, которое подстегивало его влюбленность. Какие открытия для будущего исследователя психолога.

— Мы решили поставить пьесу по фильму Роберта де Ниро. Надеюсь, ты не будешь возражать против фильма

Роберта де Ниро? Да, он о «черепах», но дело не в этом. ЦРУ заслуженно составляет гордость нашей страны. Пьеса впрочем будет очень короткой. Только посвящение, женитьба на дочери Расселов и Карибский кризис Кеннеди. Что ты думаешь о главной роли?

— Я согласна, — сказала я, не отрывая глаз от книги. Я начинала понимать его игру, и это вновь сделало меня сильной.

— Согласна?

— Ну конечно? Когда репетируем?

— Я уже отдал роль Николь... Я был уверен что ты откажешь.

— Подожди... как там по сюжету... дочь Расселов. Ты все правильно сделал, Николь ведь тоже дочь Греев, а всего лишь жалкая эмигрантка.

— Разве я когда-нибудь упрекал тебя...

— Нет, не упрекал. Но всегда напоминал. — я засмеялась, давая понять, что это шутка. — Не бери в голову, ты все правильно сделал.

Я встала и ушла, чтобы мое равнодушие не стало очевидным для него раньше времени. Я начинала выигрывать, и мне хотелось довести свою игру до конца. Не дать ему достичь его цели: разбить мне сердце.

Я заснула на диване, а когда проснулась, в моем мозгу звучали строки, и фраза за фразой стали выпадать из него, как листы из принтера:

Липкие руки чувства пьянящего
Сердцем играют впотьмах
Гиблая мысль как то навязчиво
Гулко стучит в висках
Что если руки эти дрожащие
Нежностью трепетной увековеченные
До боли томительной доходящею
Выронят сердце мое искалеченное?

Итак, мое сердце вынесло приговор. Это болезнь и она опасна. Теперь и разум и подсознание были согласны в оценки ситуации. Я давно не писала в газету и решила отправить свою поэму туда. Ее приняли и напечатали.

Андре был взбешен. Я живу с ним, и люди подумают черт знает что. Почему липкие руки? Еще подумают, что он нечистоплотен. Эта ремарка рассмешила меня больше всего. Я хохотала ему в лицо, давая выход своей злости. Почему гиблая? Он что меня губит? Он ведь делает мне карьеру голливудской звезды! Почему мое сердце искалечено? Разве он не доказывает мне свою любовь всеми возможными способами? Разве не я звезда его театра, не со мной он живет?

— Я не хочу больше с тобой жить, Андре. — сказала я серьезно. — Я ухожу.

— Тогда тебе придется уйти и из нашего театра.

— Само собой. В первую очередь я ухожу из твоего театра.

— Ты не можешь бросить два спектакля на произвол судьбы. Мы тебя приняли, мы сделали из тебя звезду...

— Не начинай опять рассказывать про мое голливудское будущее. Это право же очень смешно. И я не просила тебя делать из меня звезду корнеллского университета. Я чуть было не провалила экзамены. Все это чуть было не сломало мне жизнь. Перестань вменять мне в долг катастрофу, которую ты сам же и подготовил!

— Хорошо, ты не хотела. Я тебе просил. Но согласись, что я тебя не заставлял. Я тебя любил. И все еще люблю. Ты это знаешь. И ты сама пошла навстречу разве не так?

— Так. Ты меня не заставлял. Я сама приняла решение. Но теперь у меня другое решение. Я ухожу. Скажи Николь что все роли свободны для нее.

— Ах вот в чем дело! Николь! Я ведь не мог взять тебя, ты же смеешься над рыцарскими турнирами! Ты ненавидишь черепов!

— Не начинай пожалуйста, сначала по кругу. Ты прекрасно знаешь, что наши разногласия гораздо глубже. У нас вообще нет ничего общего.

— Хорошо. Дай мне месяц, чтобы... Николь смогла войти в твои спектакли. Так будет честно.

— Две недели.

— Три недели. Мы не успеем.

— Хорошо.

Его реакция на безобидные стихи меня глубоко поразила. Мне казалось, они выдают мою слабость, не его. И ведь стихи без посвящения, какое надо иметь тщеславие, чтобы так реагировать на заурядную заметку в газете.

Спустя неделю Андре бросил последнюю бомбу на мое итак уже разбитое вдребезги разочарованием сердце.

— Ты же знаешь, как важны для нас традиции Корнелла. Да, я знаю о твоем отвращении к Набокову и Лолите. Но мы начали готовиться к межвузовскому театральному конкурсу. Корнелл на таких соревнованиях традиционно представляет Лолиту. Набоков наша гордость. Мировая знаменитость, которая 10 лет читала здесь лекции. И Лолита была написана в стенах Корнелла. Помоги еще один последний раз, и расстанемся друзьями.

С тех пор как он крикнул мне в ответ «Да, и Лолита прекрасна!» я боялась даже заговаривать на эту тему. Слишком страшно было обнаружить, что ему и впрямь нравится эта детская порнография. И глубоко в подсознании я была уверена, что все так и есть. И вот, пожалуйста. Хорошо, что он сказал мне об этом после того, как мы уже договорились разъехаться, иначе удар был бы слишком сильным. Я не могла любить человека, которо-

му нравилось подобное. Меня даже не удивило его нахальство. Его глупости вполне хватало, чтобы предположить подобное даже на минуту.

— Значит, ты и вправду считаешь это произведение прекрасным? — я сказала отсутствующим тоном, так словно бы давно смирилась с этим.

— Честно говоря, да, — улыбнулся он своей самой обворожительной улыбкой. — Мне кажется это очень трогательная история любви.

Майка Гии во всех деталях возникла перед моими глазами. «Трогательной, my ass» — мелькнули слова Холдена Калфилда.

— В какой пьесе ты меня попросишь сыграть в следующий раз? В «Жюстине» Сада?

— Перестань говорить пустяки. Набоков часть культуры Корнеллского университета, ты сама знаешь это прекрасно.

— Помнишь, я просила тебе поставить пьесу по Сэлинджеру? Там есть такая сцена, когда ему навязывают малолетнюю проститутку, он соглашается, потому что находится в шоковом состоянии и едва понимает что делает. Она приходит и раздевается, и он просит ее рассказать немного о себе. Он слушает и говорит себе, что секс — это последняя мысль, которая пришла ему в голову после знакомства с ней.

«Она вошла, сразу сняла пальто и швырнула его на кровать. На ней было зеленое платье. Потом она села как-то бочком в кресло у письменного стола и стала качать ногой вверх и вниз. Положила ногу на ногу и качает одной ногой то вверх, то вниз. Нервничает, даже не похоже на проститутку. Наверно, оттого, что она была совсем девчонка, ей-богу. Чуть ли не моложе меня. Я сел в большое кресло рядом с ней и предложил ей сигарету.

— Не курю, — говорит. Голос у нее был тонкий-претонкий. И говорит еле слышно. Даже не сказала

спасибо, когда я предложил сигарету. Видно, ее этому не учили.

— Разрешите представиться, — говорю. — Меня зовут Джим Стил.

— Часы у вас есть? — говорит. Плевать ей было, как меня зовут. — Слушайте, — говорит, — а сколько вам лет?

— Мне? Двадцать два.

— Будет врать-то!

Странно, что она так сказала. Как настоящая школьница. Можно было подумать, что проститутка скажет: «Да как же, черта лысого!» или «Брось заливать!», а не по-детски: «Будет врать-то!»

— А вам сколько? — спрашиваю.

— Сколько надо! — говорит. Даже острит, подумайте! — Часы у вас есть? — спрашивает, потом вдруг встает и снимает платье через голову.

Мне стало ужасно не по себе, когда она сняла платье. Так неожиданно, честное слово. Знаю, если при тебе вдруг снимают платье через голову, так ты должен что-то испытывать, какое-то возбуждение или вроде того, но я ничего не испытывал. Наоборот — секс последнее, о чем я подумал.

— Часы у вас есть?

— Нет, нет, — говорю. Ох, как мне было неловко! — Как вас зовут? — спрашиваю. На ней была только одна розовая рубашонка. Ужасно неловко. Честное слово, неловко.

— Санни, — говорит. — Ну, давай-ка.

— А разве вам не хочется сначала поговорить? — спросил я. Ребячество, конечно, но мне было ужасно неловко. — Разве вы так спешите?

Она посмотрела на меня, как на сумасшедшего.

— О чем тут разговаривать? — спрашивает.

— Не знаю. Просто так. Я думал — может быть, вам хочется поболтать.

Она опять села в кресло у стола. Но ей это не понравилось. Она опять стала качать ногой — очень нервная девчонка!

— Может быть, хотите сигарету? — спрашиваю. Забыл, что она не курит.

— Я не курю. Слушайте, если у вас есть о чем говорить — говорите. Мне некогда.

Но я совершенно не знал, о чем с ней говорить. Хотел было спросить, как она стала проституткой, но побоялся. Все равно она бы мне не сказала.

— Вы сами не из Нью-Йорка! — говорю. Больше я ничего не мог придумать.

— Нет, из Голливуда, — говорит. Потом встала и подошла к кровати, где лежало ее платье. — Плечики у вас есть? А то как бы платье не измялось. Оно только что из чистки.

— Конечно, есть! — говорю.

Я ужасно обрадовался, что нашлось какое-то дело. Взял ее платье, повесил его в шкаф на плечики. Странное дело, но мне стало как-то грустно, когда я его вешал. Я себе представил, как она заходит в магазин и покупает платье и никто не подозревает, что она проститутка. Приказчик, наверно, подумал, что она просто обыкновенная девчонка, и все. Ужасно мне стало грустно, сам не знаю почему.

Потом я опять сел, старался завести разговор. Но разве с такой собеседницей поговоришь?

— Вы каждый вечер работаете? — спрашиваю и сразу понял, что вопрос ужасный.

— Ага, — говорит. Она уже ходила по комнате. Взяла меню со стола, прочла его.

— А днем вы что делаете?

Она пожала плечами. А плечи худые-худые.

— Сплю. Хожу в кино. — Она положила меню и посмотрела на меня. — Слушай, чего ж это мы? У меня времени нет...

— Знаете что? — говорю. — Я себя неважно чувствую. День был трудный. Честное благородное слово. Я вам заплачу и все такое, но вы на меня не обидитесь, если ничего не будет? Не обидитесь?

Плохо было то, что мне ни черта не хотелось. По правде говоря, на меня тоска напала, а не какое-нибудь возбуждение. Она нагоняла на меня жуткую тоску. А тут еще ее зеленое платье висит в шкафу. Да и вообще, как можно этим заниматься с человеком, который полдня сидит в каком-нибудь идиотском кино? Не мог я, и все, честное слово» Селинджер Над пропастью во ржи

Понимаешь разницу между нами и нашими кумирами? Понимаешь разницу в том, что мы видим трогательным? В том, что мы называем любовью? Пожалуйста, уходи и больше никогда не говори со мной на эту тему. На этот раз я тебя прощаю, но в следующий раз не стану больше ждать трех недель.

Мне стоило невероятных усилий сдержать свой гнев. Мне хотелось встать и надавать ему пощечин.

— Еще один красный идиот. Такой же как твои друзья, которые его обожают. Ты пойми Набоков — это мировой бренд. Это написанные серьезными композиторами оперы и балеты. Это культура ночных клубов по всему миру. Это две экранизации с мировыми звездами. Да, да твой любимый Хоффман должен был играть Гумберта. Неужели ты лучше Хоффмана? Это самые вершины Голливуда. Это продажи по всему миру. Какая к черту разница, о чем эта чертова книга? Неужели так трудно понять очевидные вещи? Это и есть настоящий реализм, а не ваши бредни о поисках истинной любви. Всякая любовь прекрасна! Ты ведь признаешь только научное мышление? Неужели ты незнакома с современной наукой? С Дарвином? С Фрейдом? Неужели ты не знаешь, что животные инстинкты движут человеком?

— Остановись, Андре. Твоей следующей фразой будет «всякая ненависть прекрасна!» Именно это следует из теории Дарвина, с которой я в общем неплохо знакома. Ты немного себе противоречишь, не находишь? Ты бы определился любовь прекрасн, а или ненависть в конце то концов?

— Издеваешься?

— Нет, пытаюсь понять. Интересно еще как ты увяжешь животную природу человека с романтикой?

— Что там не понятного? Романтика необходима как искусство, которое скрывает от нас суровую правду жизни. Да человек похотливое животное, но Шекспир, Данте и Петрарка превращают любовь в искусство, скрывая от нас всю примитивность реальности. Что в этом плохого?

— Интересная концепция. Противоречие во всем. Они ведь были глубоко верующими и страшно бы обиделись, если бы услышали такую циничную трактовку их искусства. Ты ведь тоже был христианином, а теперь вдруг стал дарвинистом и фрейдистом, и еще... набоковцем.

— Это диалектика. Элементарные вещи. Единство и борьба противоположностей.

Я вспомнила, с каким отвращением Гюнтер говорил о Гегеле как о бездарном болтуне, который «придумал отмазку для всех дураков, у которых проблемы с логикой». Мне стало смешно.

— Послушай, я больше не буду с тобой церемониться. Мне надоел этот цирк. Вот прочти статью, которую настрочил один из твоих друзей, сынок той припадошной английской лекторши, у которой ты нахваталась этого бреда о реализме. «Культ Набокова и русская литература». Это ответ нам на запущенную рекламную компанию о неделе Набокова в университете. Мне надо, чтобы ты ответила этим красным идиотам так, чтобы мне понра-

вилось. Ты ведь уже приблизительно разбираешься в моих вкусах?

— А что будет, если я откажусь?

— Тогда мы перейдем от теории к практике. Если я не могу убедить тебя в теории, у меня очень много возможностей убедить тебя на практике. — он разразился глубоким хохотом, довольный своей остротой. — Игры кончились. Вспомни кто ты, и кто я.

— Кто же? — я хотела разозлиться, но вместо этого почувствовала, как холодные щупальца страха сжимают мне горло. Теперь маски сброшены, он прямо говорит мне о том, о чем до сих пор говорил лишь намеками. — Черепа с большими пистолетами?

— Да, именно так. — усмехнулся он в ответ. Я понимала что он хочет использовать фильм чтобы запугать, но не чувствовала себя способной провести четкую границу между вымыслом в фильме и тем, что эти люди представляли собой в реальной жизни. Особенно в отношении таких немощных эмигрантов каким была я. — И с друзьями твоими с удовольствием поболтаем. — продолжал он веселится. — Наконец станем одной большой семьей.

— Вот ты одновременно стал..набоковцем... и садистом. — засмеялась я беззвучно. — У тебя есть лекции Набокова?

— Да, на полке. Сразу после Айн Рэнд.

Он бросил мне газету со статьей Ричарда и пошел к выходу.

— Будь умницей. Противостояние левых и правых, — услышала я его хохот уже на лестнице.

Я взяла газету и прочла статью.

«Культ Набокова и русская литература

Что мне увиделось в бурном обсуждении недели Набокова в Корнеллском университете?

Прежде всего хаос в знании и в сознании, так что смешаны в нашем сознании даже принципиально несовместимые вещи.

Возьмем для примера его роман «Дар», который преподносят как одно из лучших его произведений, где есть какое-то «содержание». Мне показалась эта книга кощунственной. Не потому что он выставил Чернышевского шутом. А потому что выставил шутовством гуманизм и рационализм. Он ищет во всем поведении Чернышевского сексуальный подтекст прямо как Фрейд у Леонардо де Винчи. И подобно тому как Фрейд трактует сон Леонардо, где птица тычет ему в рот хвостом как символ фаллоса, так Набоков доходит до анализа сцены, где Чернышевский оказался застигнут девицей, когда справлял «большую нужду».

Там где у Герцена кровавые слёзы при мысли о позорном столбе, к которому царское правительство поставило Чернышевского, Набоков опять видит шута, претендующего на роль распятого Христа. А «толстый Герцен сидючи в Лондоне» поддерживает это цирковое представление. Но главное его роман «Что делать?» — это не крик духовно развитого человека, мыслителя, которой хочет помочь человечеству. Это всего лишь попытка оправдать какие то там нелепые дневники, убедить что он их не писал. А его диссертация об эстетике в искусстве вообще не могла быть принята, считает Набоков.

Что я хочу сказать?

Тем, кому нравится «С того берега» Герцена, им никогда не понравится «Другие берега» Набокова.

У Набокова ностальгия по берегам утраченного рая, у Герцена «удушье» лишенного разума и доброты мира. Тот кто любит Чернышевского никогда не будет любить Набокова., выставившего его циничным шутом. Он выступает не против «материализма» Черeышевского, потому что его фрейдовское мировоззрение пансексуальности гораздо

более «материальное». Но против его рационализма — и это видно даже в его стиле, настолько озабоченном «художественностью», что из под его кружев и блёсток с трудом просачивается какая-то мысль. Так что тот кто любит рационализм тоже не будет любить Набокова.

А пока их любят всех вместе, или бессознательно уже приняли одну из сторон.

Только не говорите что Герцен, Огарев, Толстой, Чернышевский, Кропоткин были коммунистами, а коммунисты поступили с Россией хуже царского режима. Никакого отношения к марксизму-ленинизму они не имели, они были анархистами. Герцен называл коммунизм «царизмом наоборот», где помещики и рабочие поменялись местами. Скорее, это противостояние «правых» и «левых» вечное как сама жизнь. Да отец Набокова был кадетом, зато его дед был министром юстиции при двух Александрах, втором и третьем. А мать дочерью золотопромышленника. Кропоткин был князем, Толстой графом, род Герцена по отцу был связан с Романовыми, но это не помешало им стать «левыми» и положить жизни в борьбе на стороне народа.

Ричард Уэйн»

Прекрасный, добрый, умный, гениальный Ричард. Крупные слезы катились из моих глаз. Он понял чего хочет Андре Филлипс и написал статью, чтобы предупредить меня. Никакого компромисса невозможно. Или мы или они. Ноя сама уже все хорошо поняла. Неужели слишком поздно? Неужели все пропало? Насколько реальны его угрозы? Я чувствовала, что он очень зол, и что он не привык мириться со своим поражением. Слезы душили меня, когда я думала, что подвела своих друзей и их жизни могут быть в опасности из-за меня. Но я ни минуты не сомневалась, что не стану делать того, чего требует Андре. Это даже не обсуждалось. Я взяла книгу с лекциями Набокова и прочла ее за ночь. Мне достави-

ло большое удовольствие подтверждение моего мнения о Прусте: Набоков настолько же хвалил его, насколько мы с миссис Уэйн смеялись над Прустом. Да, я напишу статью. Такую, что Андре понравится. Я назвала ее «Набоков и дендизм» и позаботилась, чтобы статья не была слишком одиозной.

Утром пришел Андре и начал подлизываться, неправильно истолковав мое внезапное спокойствие. Я нервничала, пока не могла понять, друг мне этот человек или враг, и насколько он испорчен. Теперь все стало более чем очевидно.

— Извини, дорогая, если я был груб с тобой. Ты ведь напишешь для меня эту статью, не правда ли? Мне не хотелось говорить тебе все эти грубые вещи, но ты иногда такая упрямая. А я так тебя люблю. Я просто схожу с ума, когда думаю, что ты меня бросишь, бросишь наш театр. Ты ведь не бросишь нас, милая? Ты ведь не бросишь меня? Я все сделаю для тебя, для твоей карьеры.

— Ты на мне женишься? — спокойно перебила я его, удивляясь хладнокровности своего вопроса. Все время пока я была в него влюблена, я не смела даже заговорить на эту тему, которая помимо моей воли становилась моей навязчивой идеей, повергая меня в ужас примитивностью мечтаний «влюбленных»

— Что?

— Ты на мне женишься? Ты сказал, ты все для меня сделаешь?

— Конечно, почему нет. Просто сейчас не время, мы студенты, нам надо стать на ноги.

— Не напрягайся. Ты ответил мне вчера. Кто ты и кто я.

— Ты можешь стать звездой Голливуда.

— Расскажи об этом Николь. Я никогда не буду ни просто актрисой, ни тем более звездой Голливуда. Мне пора на занятия.

— Да, конечно. Хорошего тебе дня.

Я ушла в библиотеку, написала статью о Набокове и отправила ее в газету. Потом вернулась, собрала свои вещи и навсегда уехала оттуда. Статья Андре очень не понравилась, но это были уже его проблемы.

Было ли мое сердце разбито? Уходила ли я госпожой Бовари? И да, и нет. Я начинала понимать то, о чем говорил мне Ричард, цитируя любимого им Фромма: в человеке два Я, одно истинное, другое ложное. Это второе и было тщеславием, «эго», и это тщеславие было разбито, но никак не мое сердце. Я стала понимать, что то что этот Роберт Грин называет обольщением и «пикапом» действительно разновидность научного знания, связанная с закономерностями этого «эго». Ведь он так прямо и пишет, наносить удары по самолюбию, растравливать рану и тд и тп. И еще пишет, что с умными людьми лучше не связываться. Да, меня спас мой ум, который видимо и составляет основу истинного Я. Тот факт, что мой разум так и не удалось усыпить, и он до последнего анализировал и контролировал эти ложные чувства, спас меня от участи госпожи Бовари. Мне тоже было больно, но я чувствовала, что боль эта поверхностная, что разбито не мое истинное Я, а только мое тщеславие, «мое ложное эго». Если отделить истинное я от ложного эго, то боль эго не сможет разрушить истинное «Я». Теперь я начинала понимать, о чем говорил мне Ричард. Тогда его слова казались мне отвлеченными абстракциями «рафинированного интеллектуала». Но тогда я еще не способна была этого так четко для себя сформулировать. Я просто чувствовала, что знания помогли мне избежать какой-то жуткой опасности. Ричард показал мне это место в «Эмиле» Руссо:

«Размышляя о природе человека, я думал, что открыл в ней два различных начала: одно возвышало его до изучения

вечных истин, до любви к справедливости и нравственно прекрасному, до областей духовного мира, созерцание которого составляет усладу мудреца; другое возвращало его вниз, к самому себе, покоряло его власти чувств, страстям, которые являются их слугами, и противодействовало, с помощью их, всему тому, что внушало ему первое начало. Чувствуя себя увлеченным, сбитым с пути этими двумя противоположными движениями, я говорил себе: «Нет, человек — не единое: я хочу — и я не хочу; я чувствую себя и рабом, и свободным; я вижу добро, люблю его — и делаю зло; я активен, когда слушаюсь разума, и пассивен, когда меня увлекают страсти: и самое горькое мученье для меня, когда я падаю, чувствовать, что я мог бы устоять»

Эмиль Руссо

Глава 4. Консерваторы и демократы

Моя статья о Набокове наделала много шума в Корнелле. Прежде всего ее расценивали как выпад против традиций университета. Потом как выпад против толерантности и даже либерализма, поскольку в статье я четко провела черту между истиной и ложью, давая понять, что компромисс между ними в виде «многих истин» невозможен. Наконец, мои слова о «яром идеологическом враге» трактовали и в прямом и в переносном смысле, как официальное заявление о конце романа с Андре Филлипсом, с которым мы вместе ставили пользовавшиеся успехом спектакли несколько последних месяцев. Это был такой откровенный и сокрушительный удар по репутации «черепов», что скандал разразился невероятный. Эта шумиха принесла нашей небольшой компании из восьми человек (мы всегда считали маму Уэйна неотъемлемой частью нашего коллектива) широ-

кую популярность в стенах университета. Наши майки с рисунком Гии стали пользоваться большой популярностью. Университет поделился на две большие группы: тех, кто поддерживал нас, и тех кто стоял за черепов и театральную труппу Андре Филлипса. Нас стали называть «селинджеровцами» или «реалистами», а их «набоковцами» или «романтиками». Искреннее волнение охватившее академический город, населяемый студентами и профессорами было настолько неожиданным своей интенсивностью и страстностью, что глубоко потрясло нас всех. И в то же время придало нам сил в этой нелегкой борьбе, которая грозила стереть нас с лица земли.

Вот эта статья.

«Набоков и дендизм

Поскольку Набоков оказался моим явным идейным врагом, и при этом большим авторитетом в современной культуре (то есть его нельзя игнорировать как неприятный пустяк, а можно только опровергнуть), пришлось преодолеть брезгливость и отвращение и перечитать его Лолиту, его интервью, его лекции о Флобере, Сервантесе, Прусте, Толстом. Пожалуй, второй такой неприятный парадокс представляет «Голый завтрак» Берроуза, написанный на ту же тему, только с добавлением содомии, наркотиков и убийств. И надо сказать что Naked lunch также входит в 100 лучших романов века по версии Times и прочие прочие длинные ряды титулов этих небоскребов современной культуры.

Однако, сам Набоков, не уступавший своим героям в ощущении собственной гениальности, презрительно хмыкал, что все эти непристойности не являются «даже тенью его тени», что на него никто не похож, и что сам он сумел прочитать мировую классику и не попасть под ее влияние. Заявление интересное само по себе, потому

что мысль человечества не обрывается ни в пространстве, ни во времени, это единый процесс разворачивания человеческого интеллекта, так что всякий учёный всегда отчётливо чувствует, что просто стал следующим звеном в этой эстафете, и в свою очередь передаст мысль дальше.

Да, работа больших мыслителей может отличаться в деталях, они могут ошибаться, могут иметь разный стиль и художественные предпочтения, но сама мысль всегда одна и та же, она просто разворачивается, раскрывается и на сегодня составляет фонд всего культурного наследия человечества, систему его научных знаний.

Есть конечно ещё другая мысль. Ее отличие от этого мейнстрима нельзя назвать ошибкой, поскольку сама мысль бутафорная. Настоящая мысль анализирует реальность, познаёт ее законы, находит истину — ту самую единую истину современной науки которая существует молчаливым укором всем субъективистским и антиинтеллектуалистским теориям, которые ее отрицают. Существует в технике, которую мы производим и которой пользуемся каждый день.

Такова настоящая мысль: она объективна и признает реальность и науку.

Бутафорная мысль — это миражи фантазии, иногда скреплённые формальной логикой, чаще сказочными мифами, а иногда прямо противоречащие логике, как например мистическое единство и борьба противоположностей диалектики у Гегеля.

У таких мыслителей свой диалог, никак не связанный с дискуссией настоящей науки, звучащей сквозь века для всего человечества. Вы знаете этих писателей: иррационалистов, антиинтеллектуалистов, субъективистов, сюрреалистов, и нигилистов. Не все они одинаково далеко ушли от настоящей интеллектуальной дискуссии, но все изъяты из магистрали научного мышления.

Набоков — классический пример такого бутафорного мышления. Он восхищается Прустом, учеником Бергсона, за их отказ признавать реальность, разум и истину, и смеётся над попытками Флобера казаться «реалистом». Он считает, что отважно идёт против общественного мнения, разнося в пух и прах Дон Кихота Сервантеса, как «старую рухлядь». Госпожа Бовари Флобера и Дон Кихот Сервантеса — два романа, уничтоживших наивный романтизм. Набоков считает себя могучим «художником», титаном, способным отразить сокрушительный удар этих двух великих романов по романтике. Он сам рыцарь романтических фантасмагорий и будет защищать их, даже если придётся погибнуть в бою. Относительно насмешки Сервантеса он высказывается прямо — рухлядь, о Флобере он говорит уклончиво: это не романтическая литература свела ее с ума, просто она «плохая читательница». Дескать, Флобер виноват не в том, что обвинил романтику в глупости, он просто рассказал о «плохих читателях».

Ну и как все субъективисты, он «имморалист» в том смысле как Ницше представил мораль в «генеалогии морали»: морали нет, все ценности относительны и только настоящие художники способны смело создавать свои собственные миры и противопоставлять их обществу и общественному мнению.

Он прямо говорит в своих интервью о гуманизме как о первостатейной пошлости. «я ненавижу четырёх докторов: доктора Фрейда, доктора Живаго, доктора Кастро и доктора Швейцера». Того самого Альберта Швейцера, видимо, который открыл клинику в Африке, автора «Культуры и этики». Такая книга должна была казаться Набокову несмываемым грехом, как Что делать? Чернышевского. Такой же пошлостью в его глазах выглядят разговоры о реализме (особенно литературы), социальный и политический анализ в литературе, наконец жизнь «трудящихся». Он гордится тем, что никогда не работал в конторе и на судоверфи.

Его нападки на «доктора Фрейда» тем интереснее, что его собственное творчество развивается в русле теории Фрейда о сексуальности как животной природе человека. Но поскольку Набоков не способен вразумительно объяснить в чем же собственно состоит его мировоззрение, ведь волшебство художественного вдохновения исключает убогость рационального восприятия, то его не смущает этот диссонанс. Нигде в интервью он не даёт вразумительного объяснения замысла Лолиты, несмотря на тот факт, что он называет роман своим главным произведением. Напротив он обиженно пишет, что дураки издатели и критики задаются вопросом «Что он хотел сказать этим?» и «Зачем он это написал?». И только вдумчивые читатели «умеют лучше» него объяснить, зачем он все это писал. Действительно, он в одном и том же интервью говорит, что не он, а Гумберт считает глубоко аморальным поведение педофила, сам Набоков выше вопросов добра и зла, мораль и гуманизм он считает пошлостью, как мы помним. И там же даёт резко моральную оценку Гумберту — «пустой и жестокий негодяй, которому удаётся казаться трогательным». Причем, когда журналист говорит, что в принципе женитьба на подростках была нормальна не только для Рима, но и в современной Америке вполне имеет место, Набоков ему возражает. В Лолите речь не о браке с молодой девушкой, а о любви маньяка к детям, к нимфеткам, так что 14 — это стареющая любовница для Гумберта. А о том, зачем он писал об этом жестоком негодяе он не может сказать ничего, кроме того, что в нем «начала пульсировать идея».

Гумберта он представляет маньяком, сумасшедшим человеком с половыми извращениями. Но это только прямая мысль, высказанная в книге, которая ни в коем случае не является ее мейнстримом.

Основная мысль автора — это троллинг читателя с его «пошлостью» общепринятой гуманистической морали, пси-

хиатров, которые подобно Фрейду думают, что умеют провести границу между реальностью и бредом, всей «чопорной культуры», которая считает, что может уместить реальность художника в свои вульгарные рамки рационализма и гуманизма.

Он пишет внешне о больном человеке, но превращает своё повествование в поэзию подрастающей женской красоты, ее хрупкости и изысканности. Он превращает своё изложение не в манию грубого педофила, а в романтику Данте и Петрарки, возлюбленным которых тоже было от 9 до 13 пишет он (Данте увидел свою Беатричи, когда ей было девять, но стремится он к взрослой замужней женщине 24 лет, какой она была в момент смерти. А Петрарка, как пишут, познакомился с Лаурой когда ей было двадцать).

Однако в отличии от Набокова ставившего целью посмеяться над реалистами и гуманистами, романтики говорили именно о молодых девушках, о метафизике, о духовном рае в единении с любимой, о божественном браке заключённом на небесах.

Набоков намеренно игнорирует тему «молодых девушек» и обращается к теме детей, чтобы ввести тему маньяка педофила. Но приступает к теме как искушённый романтик романист, со всеми ссылками на Данте и Петрарку, на Пруста и Венеру Боттичелли, точной копией которой оказывается в конце книги эта самая Лолита — в точности как Одетта Пруста.

В итоге тема маньяка с навязчивой мыслью о преследовании детей сливается, и ее место заступает классическая романтика незаметно для читателя, который оказывается в ловушке: неужели педофилия может быть красивой. Этого и добивается Набоков, большой поклонник романтики и имморализма.

Тема троллинга общественного мнения и особенно психиатров идёт красной линией через всю книгу: он прямо пи-

шет что в «санатории» (психушке) он сам себя вылечил тем что научился издеваться над психиатрами, рассказывая то что они ждут и потешаясь над их диагнозами, которые бесконечно далеки от того что он чувствовал в реальности. И этот его эксперимент так ему понравился, что он остался еще на месяц, а потом «еще на неделю. Вспоминая психоаналитиков, он пишет, что уверен, что те уже следят за его сюжетом как «загипнотизированные кролики».

Наконец тема красоты, о которой так много говорят, чтобы оправдать это пустое произведение Набокова. Он пишет о «нимфетках» как о тончайших цветах, в которых уже видны все черты будущей женственности, но пока хранят всю изысканность и прелесть бутонов. Это взгляд поэта, не маньяка. Маньяк конечно писал бы о своей навязчивой идее иначе.

Троллинг Набокова состоит в том, что он приписывает свою поэзию маньяку и с усмешкой ждёт взрыва возмущения у тупого и благонамеренного читателя. Он ставит фоном этой нежности бутона эрегированный член «большого Гумберта», вменяющего ребёнку в обязанности три раза в день его обслуживать за деньги. Ухмыляется когда описывает разницу «в размерах» и о том расстоянии между «нимфетками» и большими Гумбертами, которое нужно чтобы «дьявольское наваждение» стало возможно.

В самом начале, подражая любимому Прусту, он пишет о пространстве и времени с тем, чтобы извлечь «демонический остров нимфеток» из реальности трёх измерений.

В конечном итоге Набоков хотел посмеяться последним. Доказать себе свою гениальность, увидев как удался его троллинг. Как персонаж, о котором прямо пишется, что он маньяк был принят за поэта, воспевающего красоту, как чопорные читатели, с готовностью отказались от общепринятой морали, признав педофила эстетом. Как гуманистическая культура признала его роман одним из лучших романов века, и номинировала на Нобелевскую премию.

К счастью один почтенный швейцарец устоял против троллинга и все четыре раза твёрдо отказывал: нив коем случае автору аморального и успешного романа Лолита. Сам Набоков смеётся в послесловии к Лолите, что были те, кто так далеко ушёл в поисках смысла книги, которого он сам не знал, что стал говорить об аллегории «старая Европа совращает молодую Америку», или наоборот, пишет он «молодая Америка совращает старую Европу». Ещё он приводит слова другого критика о том, что эта книга развязка «романа с романтическим романом» у Набокова. Ему почти понравилось это определение. И мне кажется удачным: как бы он не защищался от Дон Кихота и госпожи Бовари, романтический роман умер. И все попытки его воскресить путём скрещивания старой романтики с фантазиями педофила дадут только такое убогое произведение, в котором поэзия обгажена сексуальными извращениями маньяка, а история болезни претендует на статус поэзии.

Ниже выдержки из Бунтующего человека Камю, которого он судя по его интервью тоже терпеть не мог, отказывая ему в статусе писателя. Что, впрочем, вполне ожидаемо. Бодлер, Сад, о которых пишет Камю, упоминаются в романе Набокова.

Аврора Хорни»

Я рассказала ребятам об откровенных угрозах Андре, и к своему удивлению смеялась над этой бравадой вместе с ними. Нет не потому, что мы не верили в реальность этих угроз. И даже не потому что мы смотрели три фильма о Черепах, где эти угрозы приводит в исполнение коллектив съемочной группы американского кино. Да мы в демократической стране, претендующей на статус защитницы демократии по всему миру, но ведь не один и не два авторитетных автора писали о коррупции в Америке. Тогда я впервые слышала их имена из уст моих друзей: «Новый военный гуманизм»

Ноама Хомского, «Исповедь экономического убийцы» Джона Перкинс, «Консерваторы без совести» Джона Дина, «Военные преступление во Вьетнаме» Бертрана Рассела, «Циклы американской истории» Артура Шлезингера, фильмы «Выстрелы в Далласе» и «Джордж Буш» Оливера Стоуна. Эпопея Джона Сноудена была еще впереди, и книга «Нерассказанная история Америки» Стоуна тоже. Но уже тогда сведений было предостаточно, как можно видеть, чтобы мы сделали вывод о том, что западная демократическая культура в опасности.

Вот поэтому мы откровенно смеялись над этими ребятами. Мы понимали, что опасность реальная, но мы также знали, что их претензии на «соль земли» как аристократии западной цивилизации не стоят выеденного яйца. Мы понимали, что они напротив паразиты, вирус, который разъедает эту цивилизацию изнутри и потому рано или поздно, если этой цивилизации суждено выжить, этот вирус будет уничтожен.

Я начал писать книге о левых и правых, — сказал нам как-то Джеймс, — Я согласен с Ричардом, что это просто извечная война левых и правых. Это как бы очевидный факт. Не очевидно другое: что война между левыми и правыми — это война между добром и злом. Это не только не очевидно, на данный момент принята прямо противоположная точка зрения. Либо вообще не признают никакой борьбы по принципу «много партий, много истин», которые дополняют друг друга, либо если эту борьбу признают, что добром оказываются как раз правые. Марксизм стал троянским конем консерваторов, на котором они въехали в политику и одержали полную победу. Гибельная философия марксизма стала козырем, которым они бьют все «левые» карты, даже те которые не имеют никакого отношения к марксизму.

Между тем, в самом центре американской цивилизации расцвел чудесный цветок, порожденный климатом демократии. Вы знаете, как я восторгаюсь исследованием Джерри Порраса и Джима Коллинза об успешных компаниях, которые они назвали «визинарными». Помните, как построено исследование: они пишут о визинарных компаниях в сравнении с другими более традиционными американскими компаниями. Первые золотые медалисты своей отрасли, вторые серебряные, пишут они. То есть если первые лучшие на рынке, то и вторые далеко не неудачники. И по мере того как они описывают специфику обеих организаций получается удивительный факт: первые — демократические «горизонтальные» организации, вторые — организации со строгой иерархией. И я берусь утверждать в своей книге, что это тоже противостояние «левых» и «правых» в самом сердце Америки, открытое Поррасом и Коллинзом.

Но это еще не все. Если вы возьмете книгу Шлезингера «Циклы американской истории» вы увидите глубокий анализ противостояния левых и правых на протяжении всей истории Америки. И хотя сам Шлезингер, как член администрации Кеннеди явно на стороне левых, он тоже смазывает смысл книги заявлениями о том, что тем не менее это не противостояние двух несовместимых сил, а их цикличная смена в достижении общего равновесия. Вот об этом я буду писать.

Они были полны планов, словно Черепов Андре Филлипса вовсе не существовало. И только меня не отпускала глубокая тревога, сводившая на нет все продуктивные силы моего разума. Миссис Уэйн с ее нервными жестами и дрожащими руками не выходила у меня из головы. Я даже подумать не могла о том, что с ней будет если с Ричардом что-нибудь случится. Я думала днем и ночью о том, что можно было сделать чтобы защитить их, перебирала в голове самые невероятные планы.

— Что если я опубликую статью в газете Корнелла и расскажу об угрозах Филлипса?

— Это ничего не даст. Они только посмеются над твоим страхом. Людей мало интересует выяснение личных отношений. К тому же если безопасность это огласка, то местные газеты не дают достаточно широкой огласки.

— Что же делать, Ричард?

— Ничего. Жить.

— Есть бог, Аврора, — сказал Барух, хлопнув меня по плечу. — Будет только то, что он позволит

— Делай, что должно и будь, что будет! — подхватил Гюнтер девиз римлян

Я соглашалась, но к следующему дню волнение поднималось во мне с такой силой, что я снова теряла сон и способность нормально функционировать. «Отец Ричарда погиб два года назад, очередной безумный теракт» — опять видела я дрожащую руку миссис Уэйн, стряхивающую пепел сигары в хрустальную пепельницу.

На День Дракона мы единодушно решили не ходить. Гия приготовил роскошный ужин, который не мог предложить ни один местный ресторан. Барух играл нам Моцарта и Баха. А я позаботилась, чтобы мозговой штурм не прекращался ни на минуту.

— У меня есть идея, господа, — сказала я. — Прошу отнестись серьезно. Джеймс, твоя идея с визинарными компаниями просто гениальна. Я даже думаю наш единственный шанс. Мы должны им написать. Это ведь действующие организации, а не история далекого прошлого. Мы должны поставить вопрос политически: правые студенческие организации против левых студенческих организаций. Тем более, что все так и есть. Они ненавидят нас как «леваков», а мы их как реакционеров. Мы должны предложить им помочь нам создать первую студенческую организацию В Корнелле, которая будет по-

строена на принципах визинарных компаний. Так и только так мы можем гарантировать широкое распространение этих принципов. И рассказать им о серьезном конфликте в учебных заведениях между тайными сообществами студентов, администрацией ВУЗов и студентами-демократами, которые подобно нам не хотят принимать их условия игры. Мы должны начать общестуденческую борьбу с этими тайными обществами, и попросить помощи в этой борьбе у этих славных компаний, которые самым своим духом являются антагонистами консерваторов.

Эта идея прошла на ура. Стали обговаривать детали. Я знала, что они напишут лучшее письмо, какое только возможно, и по форме и по содержанию. Миссис Уэйн тоже вскоре к нам присоединилась.

— Гия, я восхищаюсь вашими талантами, — сказала она, — ничего подобного не пробовала раньше.

— Где же вы в Англии попробуете нормальной еды? — улыбнулся ей в ответ Гия, — призжайте к нам в Грузию, я научу вас готовить

— Нам с Ричардом надо ехать к деду на эти каникулы, — сказала она, — мы оставили его одного в его горе, и это нехорошо. Вы видели сегодняшнюю газету?

— Еще нет.

— Там Филлипс пишет о помолвке с Николь Грей.

Повисла пауза. Потом Ричард взял у матери газету и прочел:

«Полгода мне пришлось упрашивать Николь дать согласие, — пишет Андре, — я так счастлив, что она наконец согласилась на нашу помолвку. Я представил свою даму сердца Корнеллу много раньше, еще на рыцарском турнире. Но Николь не могла мне простить мимолетных увлечений». Оба влюбленных принадлежат к благороднейшим американским семьям, которые выразили удовлетворение по случаю помолвки детей»

Они старались не смотреть на меня, но я отчетливо почувствовала, что центр тяжести вдруг сместился ко мне, и растеряно спрятала глаза в тарелке.

— Они закрывают тылы. Нет любовной истории, нет причины личной мести. Не нравится мне это заявление. — сказала я наконец, не поднимая глаз

— Ночью закончим письмо, — вместо ответа провозгласил Джеймс, встав из-за стола и демонстративно начав убирать со стола. — Завтра отправим.

Я не смогла принять участия в этой работе. Нависшая над ребятами угроза делала меня неспособной к конструктивной деятельности. К тому же я знала, что они прекрасно справятся без моей помощи. Они единодушно отпустили меня, и я отправилась ночевать к миссис Уэйн.

Мне вдруг стало трудно дышать, я задыхалась. Я вспомнила книги Роберта Грина, весь кошмар который я пережила, живя с Андре, и мне стало очевидно, что эта заметка о помолвке не была местью. Он действительно смеялся надо мной все это время, действительно использовал меня. Я вдруг представила, чтобы случилось с моим «гулко стучащим сердцем», если бы не своевременная помощь матери Ричарда, если бы не встреча с друзьями перед встречей с Андре. Если бы я также беззаветно поверила ему, как поверила своим настоящим друзьям. Чтобы со мной сделала эта смешная заметка. Я дрожала всем телом. Впервые мне открывались все глубины человеческой подлости, ненасытной жестокости, коварства.

— Я так вам благодарна, миссис Уэйн! Вы спасли мне больше, чем жизнь. Вы спасли мой разум, мою честь. Мне страшно представить, чтобы со мной было, если бы не вы.

— Называй меня, пожалуйста, Патриция, дорогая Аврора. Я не так еще стара. И я вас всех люблю как своих детей. Вы тоже меня спасли. Я бросилась сюда в отчая-

нии, просто чтобы сменить обстановку. Меня давно приглашали, я предпочитала родной Кембридж. Но в этот раз моя душа была уже мертва. Но давай не будем о плохом.

— Я чувствую, что эта литература так называемого «пикапа», которая у этого Грина, она как то связана с романтическим направлением в литературе, но не могу сформулировать как.

— Совершенно верно замечено, Аврора. Я тоже об этом думала. В обоих случаях речь идет о масках и игре. Фальшь вместо истины. Но игра романтиков это наивная фантазия, а цели пикапа циничны и вполне практичны.

— Да, вот именно откровенный цинизм меня поразил глубиной метастазов, которые он дал в демократической казалось бы культуре. Я бы не стала называть либерализмом расцвет подобных «многих истин». Я бы назвала это погребением единственной истины под сорной травой лжи и порока. И ведь эта теория (с позволения сказать) одинаково распространяется на личные отношения и на политику. Он превращает политику в циничную игру на глупости и невежестве, на неподготовленности наивных людей для оболванивания их и захвата власти. И это называется политикой, это печатается как один из вариантов «многих истин», это пользуется широким успехом и приносит славу и богатство автору!

— Джеймс ведь о том же говорит. Помнишь, он всегда приводит в пример «Как бы поступил Макиавелли?» Стенли Бинга? Это записи американского топ-менеджера, который рассказывает, что частные компании управляются теми же методами что и средневековые королевства. Никакой теории, один опыт и практика. Тем она и интересна.

— Значит выводы Джеймса о том, что Америка не единая культура, а синтез двух антагонистичных куль-

тур, которые противоборствуют и по существу воюют, подтверждаются. Видимо это и есть то, что можно назвать «философией» правых, если бы у них была какая-то философия.

— Да, Маркс увел вопрос в экономическую сферу и это именно благодаря ему стерлись настоящие различия между правыми и левыми. Маркс действительно оказался для них находкой, которая позволила правой идеологии одержать сокрушительную победу

Заметка Филлипса о помолвке заметно оживила политическую жизнь Корнелла. Романтики праздновали помолвку Филлипса, называя меня предателем их театра, а сэлинджеровцы смеялись над таким глупым способом мести политическому противнику. Идея создать театр сэлинджеровцев стала активно распространяться. «Мы хотим видеть пьесы Камю и Ибсена!» — кричали они.

Флер усиленно тренировалась в спортзале на случай, «если придется драться», как она говорила. Остальные ушли с головой в идею о создании демократической студенческой организации, построенной на открытии ученых Стэндфордского университета о визинарных компаниях. Ричард принес мне книгу Эриха Фромма «Искусство любви», где я впервые нашла ответ на свой вопрос о том, вся ли любовь прекрасна, который мучил меня со времен моих дебатов с Андре.

— Дед научил меня читать Эриха Фромма, он его очень уважает. — сказал Ричард

— Фромм? — подошел Барух. — Рекомендую. Один из тех евреев, которые составляют истинную гордость нашего народа.

И вот свершилось. Пришел первый ответ. Потом второй. Потом ответы посыпались один за другим золотым дождем. Мы обнимались и плакали от радости. Наше предложение было услышано и принято. Менеджеры компаний выражали живую заинтересованность в нашем

проекте и предлагали фонды для финансирования. На наших глазах вставала новая мощная демократическая сила и мы стояли у ее истоков.

Нашу маленькую проблему с местными мажорами тоже не оставили без внимания. О конфликте между Андре Филлипсом из «Черепов» и Авророй Хорни из «Сэлинджеровцев» писали все газеты как о начале первого глобального противостояния между политическими студенческими организациями Америки. Мы были спасены. Напасть на нас теперь означало было равнозначно социальному и политическому самоубийству Черепов.

До Дня Весны, традиционного праздника Корнелла, официально завершающего учебный год, оставался еще целый месяц. Потом мы планировали все вместе ехать в поместье деда Ричарда в графстве Кмебриджшир. Мы не могли расставаться теперь, когда надо было составить все уставные документы, подготовить нашу теоретическую программу. Нам предстояло море сложнейшей работы, и мы отчетливо увидели его бескрайние горизонты, как только рассеялась эйфория первой радости.

— Позволь мне напечатать заметку о нашей помолвке в газете до нашего отъезда? — сказал мне как-то Ричард.

— Я дала обет безбрачия Ричард, подобно Жорж Санд. — засмеялась я в ответ

— Тебя это ни к чему не обяжет. Мне просто не хочется, чтобы они думали, что посмеялись над тобой.

— Для меня большая честь твое предложение, но я перестала считать брак чем-то не только важным и обязательным, но просто позитивным

— С каких пор?

— С тех пор как убедилась на своем опыте, что не брак и не романтика связывают людей. — К тому же Ричард, это ведь значило бы поставить тебя под удар. Тут ведь дело не в любви, а в тщеславии. А тщеславие и есть источник всех преступлений и историй падения, как я

начинаю понимать. Нам ведь необязательно давать заметку в газету, чтобы оставаться друзьями, не так ли? Пусть для этих целей газетами пользуются они.

Но Ричард все таки опубликовал в газете статью под названием «Всякая ли любовь прекрасна? Всякая ли ненависть отвратительна?». Эта статья положила начало еще одной новой дискуссии, возбудившей острые дебаты среди студентов. Ричард там высказывал различные точки зрения от Христа и Ганди до Золя и Бертрана Рассела. Уподобляется ли злу тот, кто борется со злом? Или есть качественное различие в энергии, средствах и целях у тех, кто служит злу и у тех, кто защищает добро? Можно ли назвать первых садомазохистами, а вторых отважными героями? Есть ли граница между добром и злом? Или мы подобно Ницше «по ту сторону добра и зла»? Если есть, то где проходит эта граница? Если нет, то в чем отличие человека от животного? Может ли любовь быть злом? Может ли быть качественное различие между разной «любовью»? Он приводит пространные примеры из «Искусства любить» Фромма. Он цитирует исследование Маслоу о любви «самоактуалов». Он приводит примеры из «Борьба за счастье» Бертрана Рассела. Если любовь может быть злом, то не пошлость ли говорить: Бог есть любовь? «Не мир я принес, но меч». Нет, бог не есть любовь, резюмирует мысль Ричард, Бог есть разум из которого вытекает только настоящая, здоровая любовь. Там, где нет разума, тоже может быть любовь, но эта любовь есть зло, и она не может быть Богом.

Сэлинджеровцы приняли ее на ура, и день весны прошел в бурном ажиотаже, которым была встречена новая дискуссионная тема. С тех пор как в нашу местную корнеллскую борьбу включились визинарные компании, все больше студентов переходили на нашу сторону. День Весны стал очевидным предвестником нашей будущей полной победы.

Глава 5. Война с парадигмой

Не успели мы приехать к деду Ричарда и разместиться там, как разразился скандал.

«Джон был гордым. Джон был интеллектуалом до кончиков ногтей. Джон был очень преданным человеком. Джон любил музыку и искусство. И если вы вдруг еще не поняли, он был потрясающе хорош собой. Но Джон был также сердитым, расстроенным, неэгоцентричным, упорным. Он был сердит, потому что видел, что наше общество не способно поддержать тех, кто более всего нуждается в помощи. Он был расстроен, потому что политическая элита забыла, почему важно оставаться всегда справедливыми. Он был неэгоцентричен, потому что посвятил каждую секунду своей жизни служению обществу. В отличии от нас всех, Джон не просто ходил на работу. Он был страстно озабочен улучшением мира для всего человечества, и прежде всего для тех, кому особенно плохо. Если бы Джон мог комментировать свою смерть, он был бы очень зол. Он был бы взбешен, что его смерть и его жизнь использовали чтобы увековечить повестку ненависти, против которой он боролся, не жалея жизни. Джон хотел бы, чтобы все мы прошли сквозь ту дверь, которую он вышиб для нас. Он открыл нам дверь в мир, в котором мы больше не заперты и выбросил ключи. В этом мире нет места мести, а только реабилитации для сбившихся с пути. Это мир, в котором мы не подрываем систематически наши государственные институты, поставленные на службу обществу. Джон верил в исконную доброту человеческой природы, и чувствовал глубокую социальную ответственность в том, чтобы защитить свою веру. Джон продолжает идти через всех нас. Позаимствуйте его интеллект, разделите с ним его энтузиазм, почувствуйте его страсть, горите его гневом и по-

гасите ненависть его добротой. Никогда не прекращайте борьбы Джона»

Стиль письма и его содержание вызывали в уме только известные строки из Евангелия, над которыми миллионы христиан лили слезы умиления на протяжении всего темного средневековья: «Сказано: око за око, зуб за зуб. А я говорю вам, не противьтесь злому. Но если вас ударят в правую щеку, обрати к нему и левую». Доктрина любви к врагам, когда нет сил предотвратить их зло, или отомстить за него, действительно стала своего рода панацеей от безумия и отчаяния тех времен. И сейчас глядя на красные, слезившиеся глаза деда Уэйна я чувствовала, что ему нужно было простить их, нужно было во всеуслышание заявить о своей христианской любви к ним, о сострадании к своим врагам, чтобы ненависть и отчаяние, не растерзали его сердце, не лишили его разума.

Но Патриция, которую эта смерть тоже поставила на грань безумия, была взбешена этим письмом. Она кляла старика старым лицемером и иезуитским казуистом.

— Это из-за таких как вы гибнут молодые и прекрасные ребята! Это ваше католическое лицемерие дает варварам зеленый свет! Это ваш либеральный обскурантизм, когда свобода — это несвобода защищать себя от варваров!

— Патриция, успокойся, пожалуйста! Я ведь не просил простить преступников! Я только выступил против нагнетания ненависти! Куда нас все это заведет, ты подумала!

— Да, очень даже хорошо подумала! Мне не нужен один мир с варварами, в котором открыты все двери и выброшен ключ! Вы отдаете нас, порядочных людей, ответственных тружеников на растерзание людям, у которых нет ничего святого, никакого представления о гу-

манизме, о котором вы бредите! Я хочу, чтобы нас защищали, черт возьми! Чтобы кто-нибудь что-нибудь делал, черт бы вас всех побрал! Мне надоело слушать этот сентиментальный бред, потому что он всегда заканчивается очередным терактом! И в этот раз будет так. Я вам предсказываю Уильям: ваше экзальтированное письмо приведет не к слезам умиления у преступников, а просто к следующему теракту!

Патриция бросилась бежать из комнаты, а Мистер Уэйн сел за стол и закрыл голову руками. Ричард подошел к нему сзади и обнял за плечи:

— Дед, успокойся, ты же знаешь, она не может себя контролировать с тех пор. Ты написал прекрасное письмо. Я горжусь тобой. Вся Англия гордится тобой!

Старик благодарно погладил руку внука и встал, вспомнив о своей роли хозяина.

— Извините, господа. Не обращайте внимания. Я поднимусь к себе, встретимся на ужине.

Миссис Уэйн наотрез отказалась оставаться в доме свекра. Ричард вызвался сопровождать ее в ее квартиру в Кембридже.

— Это у них постоянно. — сказал он нам, прощаясь, — Не обращайте внимания. Мама скоро остынет, а пока я побуду с ней. Чувствуйте себя как дома. Через пару дней мы снова будем вместе.

На ужине мы все единогласно выразили восхищение самоотверженным и великодушным письмом мистера Уэйна, и он тоже начал понемногу успокаиваться. На этом ужине мы узнали, что дед Ричарда был профессором антропологии на пенсии, и впоследствии он очень помог нам в наших научных поисках в качестве оппонента, которого мы поначалу безуспешно пытались опровергнуть.

— Я считаю, — сказал он наконец, откашлявшись, — что именно реабилитация, обучение и гуманное отноше-

ние к этим потерянным людям, может поставить их на правильный путь и излечить наше общество от этого зла. В противном случае, мы будем только плодить зло дальше. Удивляюсь, как Патриция до сих пор этого не поняла.

— Я полностью с вами согласен, сэр, в том, что касается образования. — кивнул Барух. — Но должен сказать, что не вижу как современная система образования могла бы «реабилитировать» или трансформировать, если угодно варварское сознание в цивилизованное. Ведь мы не можем называть иначе чем варварами людей, творящих подобные злодеяния, даже если потенциально они также открыто для преображения в цивилизованных людей. Но как такое преображение может быть возможным в нашей системе образования, которая уравнивает и смешивает варварство и цивилизацию как две равноценные и самобытные «культуры»? Вам не кажется это противоречием, сэр?

— Нет, сынок, я не вижу в этом никакого противоречия. Вспомните открытия Леви-Стросса, и вам станет очевидно, что наша система образования стоит на самом правильном пути, уравнивая первобытное сознание и сознание западной цивилизации, как вы удачно выразились как две равноценные культуры. Делить человечество на варваров и культурных людей нашей цивилизации прежде всего негуманно. Разве не этот подход стал причиной большинства геноцидов? Именно поэтому я ожесточенно спорю с Патрицией, которая настаивает на том, что нет самобытных цивилизаций, но есть эволюция и стадии развития — разные для разных народов. Такая точка зрения, с которой так отчаянно боролся Леви-Стросс, может только плодить зло, неоправданно завышая нашу самооценку и провоцируя гонения варварских, как вы все говорите, народов. Нет, я как и мой сын Джон, не считаю их варварами, даже если они необразо-

ванны и неприспособленны к нашей культуре. Я считаю, что изначально человеческая природа у всех одинакова, и что мы должны уважать эту природу в каждом из нас, и давать шанс каждому ее раскрыть. Только так можно предупредить развитие зла.

— Извините, сэр, но тогда что такое зло и откуда оно берется? Если все изначально добры?

— Из страха перед чужой культурой, из стресса, из непонимания. Все что от нас требуется — это объяснить. Вспомните, и мы ведь были не всегда такими добропорядочными и цивилизованными. Мы были колонизаторами и империалистами, мы, я имею ввиду сейчас западную цивилизацию в целом, были даже фашистами, которые потрясли мир своей жестокостью. Мы должны помнить об этом. Мы должны каяться в этом. Мы должны создать культуру покаяния, которая ассимилирует и мигрантов и сделает нас одной нацией.

Так мы узнали о пристрастии мистера Уэйна к трудам антрополога Леви-Стросса, которого он считал не только гениальным открывателем, но и одним из ведущих гуманистов своего времени.

Мы жили в красивом викторианском особняке в пригороде Кембриджшира. Нас разместили в трех из шести спален на втором этаже; на первом этаже располагались столовая, гостиная и библиотека. Дом окружал когда-то живописный сад, который теперь пришел в запустение. Но и теперь несмотря на высокую траву и заросшие сорняком клумбы, сад оставался настоящим зеленым оазисом: тень многочисленных фруктовых деревьев, извилистые дорожки и уютные скамейки неудержимо тянули нас к себе все время нашего пребывания в гостях у деда Ричарда. Мистер Уэйн оказался профессором антропологии на пенсии, заслуженно гордившимся своей роскошной библиотекой. Впоследствии мы много времени проводили там с ним, рассевшись за массивным дубо-

вым столом и обложившись томами интересующей нас литературы. Гия и Флер отпросились в Кембридж, чтобы сменить Ричарда, дежурившего возле расстроенной Патриции, а Ричард вскоре вернулся к нам.

Барух и Гюнтер оказались в теме, нам с Джеймсом профессор показал книги Леви-Стросса в библиотеке и мы сели их читать. Джеймс вскоре сдался:

— Подготовь доклад, будь другом, ты умеешь систематизировать информацию. Для меня слишком новая тема, постепенно войду. — обратился он ко мне.

— Просмотрела ваши книги, мистер Уэйн, — собрались мы в библиотеке, спустя несколько дней, — спасибо вам большое. Джеймс просил составить короткий доклад, если вы не возражаете...

— Да, да, сделайте одолжение! — широко улыбнулся старик своей доброй обезоруживающей улыбкой, приглашая меня читать.

— В книге с его интервью я посмотрела, что он сам говорит о своих источниках: это Маркс, Фрейд, Гегель, Кант, Андре Бретон, Бергсон, Дюркгейм, Руссо. Его труды сравнивают с трудами Фуко, как другого представителя «структурализма».

Ну, я пожалуй начну с того, что влияние Леви-Стросса легче всего понять как оппозицию известной книге Леви-Брюля «Первобытное мышление». Если Леви-Брюль говорит о качественном различии между двумя видами мышления, которые он называет «Пралогическим» и «Логическим», то Леви-Стросс настаивает, что нет таких двух качественно неоднородных секций мышления. Есть одно мышление, которое всегда логическое. При этом Леви-Брюль имел ввиду не то, что у абориген пралогичное мышление, а у цивилизованных людей логическое, а как он пишет в предисловии, что у тех и у других оба типа мышления могут существовать одновременно. Это очень важ-

но помнить, чтобы бороться с аргументацией Леви-Стросса.

Понятно, какими разными могут быть выводы для нашей культуры из этих двух книг. Если прав Леви-Брюль и существуют два качественно различных мышления, причем таких, которые могут уживаться в пределах одного сознания, то верной оказывается точка зрения Конта на эволюцию сознания, которая берет вверх над историчностью Гегеля. Диахрония побеждает синхронию. То есть вместо равных по своей самобытности цивилизаций мы получаем варварское сознание первобытных и близких к ним обществ с одной стороны. Это те в которых больше развито пралогичное мышление. Прошу обратить внимание. Леви-Брюль не говорит, что у них только пралогичное мышление. Он говорит, что у них и то и другое, но больше развито именно пралогичное, оно доминирует, тогда как логичное мышление остается пассивным. С другой стороны есть другие, качественно отличные общества, в которых больше развито логичное мышление, эти общества больше похожи на нашу цивилизацию. И таким образом, эта та точка зрения, которую отстаивает Патриция: варварское сознание отлично от цивилизованного, хотя изначально и варвары и культурные люди имеют одну природу: оба типа мышления. Просто где-то развито первое, а где-то второе.

Если прав Леви-Стросс, то выводы будут прямо противоположными. Побеждает историчность Гегеля и Маркса. Синхрония над диахронией. Больше нет единой истории эволюции человеческого сознания от низшего, «варварского» если угодно, к высшему и цивилизованному. Есть своя дискретная истина и правда для каждой эпохи и каждой цивилизации и отсутствуют критерии их сравнительной оценки. Они все равноценны своей самобытностью. Леви-Стросс доказывает, что

Леви-Брюль глубоко заблуждается, когда утверждает что существует два качественно различных мышления. Есть только одно мышление, логическое. Поэтому сознание абориген также логично как сознание цивилизованных людей, они равноценны и ошибка считать, что аборигены только ступень на пути к высшей цивилизации. Они уже достигли своих высот, и мы не должны мерить их ценности мерилом своих ценностей. Он называет свой главный труд «Мифологики» и доказывает в нем, что мифология абориген — это такое же логическое мышление, чтобы не говорил Леви-Брюль, как и мышление, например, представителей западной культуры. Надо сказать, что тут очень заметно влияние Гегеля с его новаторством в отношении интерпретации понятия «Логика», поскольку у Леви-Стросса оно также приобретает такое же революционное значение каким в свое время было открытие «диалектической логики» Гегеля. Я говорю с иронией, потому что «открытие» логики Гегеля до сих пор более чем сомнительно, так что многие ученые вообще не могут признавать диалектику Гегеля логикой. В определенном смысле это приложимо и к трактовке логики Леви-Строссом.

Понятно, что его научные поиски стали аргументом в пользу цивилизационной истории, которую развивали Арнольд Тойнби (Постижение истории), Оствальд Шпенглер (Закат Европы), или еще Хантингтон (Столкновение цивилизаций).

Вместо с Фуко они выступают против рационализма Декарта. Леви-Стросс берет себе в помощники Руссо, которого называет «отцом антропологии» на основании раннего труда Руссо «Рассуждения о происхождении неравенства», где Руссо анализирует возникновение цивилизации из первобытного общества. Интересно, что Леви-Стросс обосновывает признание Руссо пионером антропологии известной гуманистической позицией фи-

лософа, который заявлял в своих работах об общей гуманистической природе человека. Однако в интерпретации этой общей природы Леви-Строссом ничего не остается от позиции Руссо. Руссо говорит об общих закономерностях человеческой природы. Леви-Стросс смотрит на человека с позиций Канта, для которого как известно, дух каждого человека абсолютно свободен в своем самоопределении, а потому субъективен. Леви-Стросс находит выход из противоречия в том, что заменяет закономерности психики, которые одинаковы у всех людей — структурами психики, которые есть только одинаковая форма при разном содержании в его трактовке. Однако, скрестить таким образом субъективизм с объективизмом не получится. Либо есть закономерности психики и природы, либо их нет. Назови содержанием, назови формой — антропология не отменяет психологию, просто дополняет информацию о человеке. Если есть законы психики и законы природы, то интеллект всегда один феномен — открытие законов природы, которое составляет содержание мышления. Леви-Стросс приписывает дикарям совсем другую форму, содержание и назначение мышления и считает, что доказал тождественность сознания дикарей и представителей научных цивилизаций.

В этой связи моя личная точка зрения состоит в том, что позиция Леви-Стросса не только далека от гуманизма, но даже прямо противоположна ему. Поиск общих закономерностей психики человека показывает нам что такое здоровое состояние психики, что такое болезнь и какие механизмы управляют обоими состояниями, как избежать болезни и как сохранить здоровье. Это закономерности общие для всего человечества, несмотря на то, что там есть и здоровье и болезнь. Все общества могут и болеть и быть здоровыми, все могут быть плохими или хорошими. Быть гуманистом не значит заявлять что все что есть в природе человека прекрасно.

Но именно так поступает Леви-Стросс. Заменив понятие закономерностей психики на понятие структуры языка и логики, он старается доказать, что любое состояние в котором находится общество есть его здоровое состояние, рациональное и правильное для этого общества. Таким образом все общества во все периоды своего существования здоровы и рациональны, и потому хороши относительно самих себя, и не могут измеряться относительно друг друга. Такая точка зрения кажется ему гуманистической. Мне она представляется противоположной по той простой причине, что игнорируется болезнь и таким образом оправдывается зло, а то что есть здорового в человеке ставится под угрозу и игнорируется. Это точка зрения противоположная философии рационализма, а потому противоположная науке, она не может рассматриваться как вариант научного взгляда на мир.

— Я согласен с Авророй, дед, — сказал Ричард. — Мы вместе смотрели Эмиля Руссо, где он отчетливо говорит о том, что «человек не есть единое», и в этом смысле он конечно стоит на точке зрения Леви-Брюля. Никак не Леви-Стросса. Теория Леви-Брюля о двух качественно различных системах мышления в рамках сознания человека — то есть пралогичного (или мистического) и логичного (научного) — конечно круто изменит нашу концепцию о свободе.

Леви-Стросс понимает свободу как свободу «цвести всем цветкам»: это прямое следствие кантианской философии, и ее же исповедовали все историки цивилизационного подхода. Все общества, все цивилизации хорошо, не равняйте их на себя, все относительно, добро и зло относительны, знания относительны. Нет ни общего понимания добра и зла для всего человечества, ни общей истины, общих знаний. Каждая цивилизация, каждая эпоха, каждая страна хороша и права по своему.

Это то, что мама называет «много истин», и когда свобода понимается как признание многих истин.

Мне думается много истин не хранят свободу, а убивают ее. Почему? Потому что там где много истин, там вообще нет истины. А свобода — это свобода осознанной необходимости. Свобода быть самим собой — значит знать себя, свои закономерности. Если эти закономерности общей человеческой природы отрицаются, человек не становится абсолютной волей Канта. Он просто погибает без знаний, перестает быть самим собой, потому что то пралогичное и мистичное, о чем он не хочет знать и чего не хочет брать под контроль, попросту говоря лечить, разбухает за счет его истинного Я, за счет разумной части его сознания, за счет совестливой части его сознания. Зло побеждает и человек теряет все: свободу, мысль, здоровье, нормальные человеческие отношения.

Вот почему от того чья концепция победит зависит прежде всего и наше понимание свободы.

— Я правильно тебя понял Ричард, что ты предлагаешь как то контролировать сознание? Ты предлагаешь сначала признать эти два качественно различных сознания в человеке, а потом каким то образом нейтрализовать то что Леви-Брюль называл пралогичным и мистичным мышлением, и в то же время активизировать другое научное сознание в человеке? Как ты себе представляешь этот процесс, Ричард? И главное назови мне конкретных людей, у которых победила плохая так сказать часть сознания и тех, у кого победила хорошая?

— Ну это же очевидно дед. Первобытные люди, например. Леви-Стросс их хвалит как очень разумных и приличных людей, но ведь факт что они постоянно убивают друг друга или себя или по подозрению в колдовстве или что бы предотвратить колдовство в будущем, или из каких-нибудь дурацких магических ритуалов. То есть

убивают ни за что. И то же самое происходит здесь, когда невинных людей убивают по каким-то мистическим причинам, все эти секты. Или вспомнить средневековье: разве процессы над ведьмами и аутодафе инквизиции сильно отличались от того, что происходило в первобытных обществах.

Противоположные примеры ты знаешь лучше меня дед, — улыбнулся Ричард, — все эти ученые которых ты так любишь, даже твой Леви-Стросс, они были прекрасными людьми. Последний мог заблуждаться, но он искренне искал гуманизм. Последствия его рассуждений ведут в обратную сторону, но он этого не хотел, он считал что ищет истину.

— Хорошо Ричард, я смотрю, ты не терял времени в Корнелле. Но ты не ответил на первую часть вопроса: как же нам контролировать «плохую» часть сознания, чтобы избавить от нее человечество? Как нам для начала доказать, что две такие части сознания действительно существуют? Дарвинизм, позитивизм, марксизм вообще не признают понятия «сознание» как объект исследования, поскольку это не вещь, не материя. Кантианцы не признают его объектом исследования по другой причине: потому что это абсолютная воля духа, у которой нет и не может быть внешних законов. Как же ты предлагаешь научно изучать его? В рамках какой теории?

— Это как раз то, чем мы занимаемся сейчас мистер Уэйн! — засмеялся Гюнтер. — Вы как всегда смотрите в самый корень. В рамках современной парадигмы нам не решить поставленную задачу, но если парадигму изменить, то есть наша теория непременно должна принести с собой смену парадигмы. Но мы пока не знаем, как мы это сделаем.

— То-то и оно, — снисходительно улыбнулся профессор, словно колеблясь между гневом и нежностью, — не одно поколение ученых билось над этими вопросами.

А пока ваш подход остается ненаучным, вы можете только навредить гуманизму Леви-Стросса, который чит уважать каждую цивилизацию и каждую народность.

— Дед, — перебил его Ричард, — а почему ты думаешь, что цивилизационный подход гарантирует уважение цивилизаций друг к другу? Вспомни Хантингтона. Он ведь самый яростный приверженец этого подхода. Его «Столкновение цивилизаций» только и говорит что о Тойнби да о Шпенглере. Ведь все эти господа точь-в-точь как ты и твой Леви-Стросс учили, что все цивилизации равнозначны и самобытны, и не может быть одной истины и одной цивилизации как критериев для оценки состоятельности остальных. И что же в итоге? Он пишет о нарастающем напряжении между этими в корне различными цивилизациями, которое в конечном итоге приведет к катастрофе их всеобщего столкновения, к новому конфликту мирового масштаба. Как видишь, цивилизационный подход еще более гарантировано дает военную картину истории.

— Зачем ты говоришь мне о Хантингтоне? — рассердился старик, и выйдя из-за стола стал нервно ходить взад-вперед между длинными шеренгами шкафов с книгами. — Разве я говорил тебе о Хантингтоне? Ты лучше вспомни немецкого профессора Алейду Ассман! Вспомни ее концепцию национального мифа как памяти о преступлениях каждой нации, памяти, которая одновременно дает нации идентичность и хранит ее от бесчинств и жестокости в будущем. Она предлагает в качестве такого национального мифа для немцев память о Холокосте, мне, признаюсь вам, кажется это блестящей идеей. Она не говорит подобно Хантингтону, что в основе идентичности наций лежат религии. Она говорит что в основе идентичности наций мифы, которые несут в себе коллективную память данного народа, и в центре такой памяти и такого мифа должно стоять

раскаяние за содеянное каждой нацией! Как ты себе представляешь, чтобы из такого национального самосознания родилась война? Если есть какой-то способ предохранить нации от войны то именно такая национальная идентичность, которую предлагет Ассман! И это в полной мере согласуется с теорией Леви-Стросса. Для англичан такой памятью могла бы стать ее колониальная политика и имперские амбиции прошлого, а мифом блестящее философское сопротивление непротивлением злу, гражданским неповиновением Махатмы Ганди в Индии, которое привело к освобождению этого прекрасного древнего народа!

— Сэр, я восхищаюсь вашей самоотверженностью, вашим великодушием, объективностью ученого, вашей страстью к справедливости и пацифизму, — вмешался Гюнтер, — но я вынужден сказать, что не согласен с теорией госпожи Ассман, с которой хорошо знаком. Мне кажется, что национальная идентичность также как религиозная идентичность одинаково ведут к войнам. И поверьте, как заповеди Христа о непротивлении злу и философия Ганди не спасли свои народы от ожесточенных религиозных войн, так и поиски идентичности «Я» человека в национальной памяти, то есть в национализме, пусть даже как идея мифа о раскаянии данной нации, не гарантируют нации от противостояния друг с другом. Просто потому, что различные религии противостоят друг другу, и различные нации противостоят друг другу. Гюнтер Грасс помнится, был против объединения двух Германий, так он боялся возрождения немецкого национализма, также как в свое время Эйнштейн был против создания государства Израиль (потом горячо поддержал и всячески содействовал становлению). Они боялись провокации национализма, и в этом было зерно истины. Национализма, с которым в свое время так яростно сражался в своих книгах Бертран

Рассел, и который сегодня цветет повсюду буйным цветом.

Я хорошо знаком с теорией госпожи Ассман, потому что был ее последователем. Но долгие споры с Барухом убедили меня в его правоте. Какой бы национальный миф не взять, будь это гитлеровский миф о высшей расе или миф Алейды Ассман о раскаянии за Холокост, национальное сознание всегда определяет себя как противостоящее другим национальным сознаниям. Таким образом, корень проблемы остается сохранным. Потом, рефлексия раскаяния характерна для мыслящего сознания, мистическое сознание, которое любит мифы строит их не на раскаянии. Поэтому Ассман никогда не удастся убедить интеллектуалов Германии принять новый миф, их раскаяние не связано с мифологией; а тех, кому нравятся мифы, она никогда не убедит сделать их содержанием Холокост

— Да, и я, сэр, согласна с Гюнтером, — сказала я. — Возьмите в качестве примера Россию Путина. Как ни провальна оказалась философия марксизма, а все же дух космополитизма, который присущ ей хотя бы теоретически приемлем для думающих людей, в отличии от современной национальной политики России. Они тоже ставят задачу найти свои исконные национальные мифы и вернуться так сказать назад к истокам, к «золотому веку» своей национальной идентичности. И как всегда бывает в таких случаях, национальный миф оказался неотделим от религии. Мне кажется именно в силу того, что оба составные части мистического, ненаучного сознания. Мы много говорили с ребятами на эту тему, у нас уже отчасти утвердилась терминология, — улыбнулась я профессору. — Эта национальная политика поисков исконно русско-православных корней настолько узкая и мелочная задача, сворачивающая все настоящее, научное и человеческое, что не может не вызывать от-

торжения у всей думающей части населения. Они противопоставили эту задачу науке и научному прогрессу, они делают ставку на обскурантизм как в средние века и на пропаганду, рассчитанную на «одуренных людей» как говорил Толстой. Как видите, они прямо противопоставляют мистическое сознание научному.

Теория суверенитета, за которую Путина так хвалит Оливер Стоун, считая его чуть ли не спасителем мира от империализма Америки, на самом деле жалкие попытки изолироваться от международных институтов, чтобы обеспечить себе абсолютную власть в своей стране. Что им почти уже удалось. То что формально они ратуют за ООН — это тоже способ спрятаться от влияния Америки за формальной организацией. Настоящим международным институтом, сэр, мы считаем международное сообщество ученых, организацию, где ученые всего мира могли бы выносить на этический и научный суд правовые системы всех государств. Ведь кто-то должен защищать людей от элиты, которая все больше сосредотачивает в своих руках абсолютную власть.

Алейда Ассман не хочет сравнивать свою концепцию национального мифа и поисками национального мифа в путинском режиме на том основании, что в Германии якобы имеет место демократический процесс формирования коллективной памяти, а в России мифы насаждаются народу сверху. На самом деле, сэр, когда речь идет о мистическом сознании, оно всегда свободно и от рационализма и от демократии, так что мне не кажутся различия между этими двумя идеями такими уж большими, хотя я готова признать что Ассман искренне ищет решения.

Она противопоставляет государственную патриотическую историю и так называемую коллективную память нации. Вы сами видите насколько размыты термины. Официальная Россия предлагает сегодня историю стали-

низма как историю гордости за свою страну, за череду великих побед и социально-экономических успехов. Есть другая, альтернативная интерпретация новейшей истории России, где сталинизм трактуют уже как время беды, репрессий и стагнации. Это и есть альтернативная история, национальный миф, в основу которого положена идея раскаяния. Ассман полагает что такой национальный миф гарантирует предотвращение подобной беды в будущем. Но я не согласна с ней.

Сохраняя мистическое сознание, мы сохраняем и все его механизмы и закономерности, которые в свое время породили все эти беды. Чтобы защитить себя от беды в будущем, мы все должны помнить об ужасах и гитлеризма и сталинизма, но ни в коем случае не делать их «национальными мифами» конкретных наций и не налагать, таким образом, ответственности на конкретных людей за преступления, которых они не совершали. Чтобы предотвратить повторение подобного в будущем, мы должны работать над тем, чтобы окрепло научное сознание, и помнить о том, вкладе который каждый народ сделал в развитие мировой научной культуры. Это то прекрасное, здоровое и настоящее, что нас объединяет, и что составляет основу нашей идентичности.

Тем более, что как все мифы и миф национального раскаяния сильно искажает действительность. Да, Гитлер был немцем и его убийства совершались от имени немецкого народа и во имя немецкого народа. Но если мы вспомним какую страшную травму перенес в свое время немецкий народ, когда Наполеон так унизил раздробленные немецкие княжества. Травму которая сподвигла Фихте на его речи к немецкой нации, а Гегеля на прославление войны как таковой. А если мы вспомним, какое участие оказала на две мировые войны теория Происхождения человека Дарвина? Как пропитана расистская теория Гитлера, насмехающаяся над гума-

низмом, теоретическими доводами Дарвина, который в самом деле отменил гуманизм? Да, велик вклад немецкой философии в прославление войны, и Гегель с Ницше отличились там больше всех. Но тем не менее, именно дарвиновская парадигма отменила гуманизм от имени авторитета науки. Почему же одни немцы должны нести ответственность за то, в чем участвовала вся мировая культура?

То же самое получается и с национальным мифом раскаяния у россиян. Если ставить в центр этого мифа репрессии сталинизма, как Ассман предлагает ставить Холокост в центр национального мифа немцев, то смещается вся перспектива российской истории. Прежде всего, куда девается память о страшных репрессиях царского режима? Затем почему начинают игнорироваться позитивные результаты великой русской революции, когда народ свергнул вековых деспотов царизма? Про негативные моменты все сказано, но и здесь перспектива сильно смещена. Марксизм-ленинизм порицается, а теория человека Дарвина, которому Маркс посвятил свой Капитал, опять выходит сухой из воды. Таковы издержки всех мифов. Поэтому суть не в том, что противостоят государственная патриотическая история и альтернативный национальный миф раскаяния, а в том, что в принципе противостоит мифология, будь она государственной или местечковой рациональному научному сознанию, всемирной истории.

— Что же вы предлагаете в качестве идентичности народа? Если не религию и не нацию?

— Мне кажется ответ очевиден, — сказал Барух вставая, — он состоит в качественном различии между теми двумя частями сознания, которое определил в своем исследовании Леви-Брюль. Идентичность «я» для каждого такого сознания разная. Для интеллектуального восприятия себя — это будут закономерности психики, общие

для всего человечества. Мы можем видеть, как писал Фромм, психику как две антагонистичные силы, здоровую и патологичную (гуманистическую совесть и авторитарную совесть). Это не только совпадение мнений Руссо, Леви-Брюля и Фромма на тему двух частей психики, больной и здоровой — так писали все гуманисты от Платона до современной гуманистической психологии.

Так вот, если мы оглянемся на историю, мы увидим борьбу этих двух сил. Я хочу заострить ваше внимание, сэр. Борьбу не двух цивилизаций, не двух наций, не двух и больше религий. А борьбу двух антагонистичных сил психики, которая происходит внутри каждой нации, каждой религии, даже внутри каждой личности. Вспомнить хотя бы «центральный личностный конфликт» Карен Хорни.

Понятно, что каждая нация внесла свою лепту и в развитие здоровой истории человечества, и в патологическую ее составляющую, которая постоянно мешает этому развитию, и отбрасывает человечества на века назад в развитии его здоровой, разумной, гуманной психики. Это и должно стать нашей идентичностью, сэр. Идентичностью всей здоровой части планеты, где бы она не находилась, частью какой нации, или какой религии, она бы не состояла. Мы должны помнить, что история это не просто хронология конкретных событий. Мы должны помнить, что история — это разворачивание закономерностей психики человечества, общие для нас всех. Здоровая часть этой истории и есть идентичность «Я» для тех, у кого это «Я» еще есть. Патология в виде тирании, эксплуатации, грабежей, убийц и палачей — это та самая нездоровая часть сознания, которая не связана с нашим истинным Я, с нашим разумом, и потому является нашим врагом, тем, от чего нам предстоит избавиться в конце этой истории, так сказать.

Эта патология чужая для всех, также как здоровая мировая история — история каждой нации и каждого человека. Что составляет в этом смысле историю немцев, скажем? Вклад немцев в мировую историю громаден: это Реформация, поэзия, литература, музыка, физика и тп. Что составляет историю англичан, французов, итальянцев, греков, русских или евреев? И их вклад не менее велик. Таким образом, наша идентичность как людей просто в том, что мы видим себя идентичными этой здоровой части истории, как наций в том вкладе, которые мы внесли в становление здоровой энергии человечества. Нам не нужны мифы и догмы, мы вполне обходимся фактами и наукой для определения своего Я, для постижения своей идентичности. Бертран Рассел, который был большим другом Эйнштейна, предлагал заменить все национальные истории одной мировой историей, и в этом Эйнштейн с ним бы согласился, как и в большинстве других вопросов. Но у Рассела не было теории общих закономерностей психики, которые позволили бы ему представить наш вариант общемировой истории, а у нас она есть.

Точно также мы можем мыслить и в отношении патологичной части сознания, мистического или пралогичного, как называл его Леви-Брюль. Эта часть чуждая как каждому отдельному человеку, так и в целом нациям и народностям. Она составляет болезнь конкретного человека, помеху становлению и развитию его «Я», и болезнь наций, разрушающей и разлагающей их. В этом смысле все безумства и преступления также не имеют нации и также являются общей болезнью человечества, как универсально здоровое сознание и здоровая мировая история человечества. Раскаиваться должны не конкретные нации в конкретных поступках, а все человечество в том, что мало сделало, чтобы раз и навсегда избавиться от этого больного сознания, найти его закономерности и нейтрализовать его.

Таким образом, защитить себя в будущем от горя этой патологии — значит усиленно работать над научным открытием, которое позволило бы нейтрализовать эту патологию психики на протяжении всей истории человечества, служившей источником большого горя, потери самого себя и остановки становление и развития, стагнации в боли, крови и грязи. Что этому мешает, спросите вы? Современная парадигма, сэр, и такие лжевеликодушные теории как теория Леви-Стросса, сэр. Они ведь мешают увидеть причину, корень зла, и потому мешают бороться с болезнью. Леви-Стросс посмеялся над Леви-Брюлем, назвал все сознания здоровыми и прекрасными, и в итоге, наука опять остановилась, сэр. О том, как дарвинизм и позитивизм тормозят развитие психологии, вы сами сказали, сэр.

И вот здесь я бы хотел опять привлечь ваше внимание: мы предлагает войну, ожесточенную войну, но не с конкретными людьми, классами, нациями или религиями. Мы предлагаем войну с парадигмой, сэр, с научной парадигмой. Такую задачу мы себе ставим. И поверьте это самый надежный способ гарантировать в перспективе отсутствие физических войн.

— Я ошеломлен, мистер Якобсон, глубиной вашего анализа. — вернулся за стол старик, и в этот раз в его глазах светилась нескрываемая нежность. — Так значит, вы хотите сказать, что скажем для вашего, еврейского народа ничего не значит тот нарратив, те мифы, если вам угодно, которые составляют коллективную память евреев. Я имею ввиду Тору, Моисея, всех других пророков иудаизма, Рамбама, Галеви и тп

— Зовите меня Барух, сэр, мы только друзья Ричарда. Нашего еврейского народа, как единого народа нет также как и немецкого или скажем английского или русского. Я именно это пытался вам доказать, профессор. Для Спинозы и Эйнштейна, для меня — безуслов-

но эти мифы всего лишь мифы, их значение в том, что когда то они играли большую роль, но теперь они никак не связаны с нашим «Я», с нашей идентичностью. Я например как Спиноза и как Эйнштейн считаю, что Христос большой шаг вперед в развитии рационального сознания (хотя конечно и он еще далек от рационального мышления). Но тут я вместе с ними против Рамбама, который считал Христа святотатцем, надругавшимся над иудаизмом, составлявшим несомненно идентичность Рамбама. Я согласен с Толстым, что Христос и Евангелие — это бунт против Моисея и Торы, но не согласен с Толстым в том, что Христос истина в последней инстанции. Становление философии рационализма — Декарта, Спинозы, Лейбница, Бэкона, а потом и гуманистической психологии — вот следующие ступени развития здорового сознания, которое ни в коем случае не останавливается на эпохе Христа. Но Христос — шаг вперед, эволюция, которую признают протестанты, и которой не признают иудеи, ислам, католики и православные. Поэтому, мы должны отдавать должное тем, кто признает что Христос — это развитие рационального сознания в сравнении с книгами Ветхого завета — то есть протестантам. В этом смысле прекрасна книга Дильтея о Возрождении, где он пишет, что европейская религия развивается в сторону универсальной религии, пусть большой кровью борьбы с еретиками и тридцатилетней войной протестантов с католиками, но все же развивается, и все еще находится в становлении. Мне кажется именно о такой универсальной религии идет речь в рационализме Эйнштейна. Когда место догм займут законы природы мы будем иметь такую единую универсальную религию, или правильнее сказать метафизику, потому что религии традиционно связанны с догмами откровений и мифов, с мистическим сознанием.

Если говорить о теории госпожи Ассман применительно к израильской истории, она считает, что «Израиль находится в положении оккупирующей нации, стирающей память о палестинцах». Поэтому для нее деятельность сообщества «Зохрот» есть альтернатива государственной патриотической истории как тот самый национальный миф раскаяния, который для своего народа она видит в виде рефлексии на Холокосте. Мне кажется, что оба этих национальных мифа одинаково неэффективны в смысле цели, которую они ставят: предотвратить войны и геноцид в будущем. Современным немцам нужно не раскаяние за преступления, которых они не совершали, а концентрация своих глубоких научных задатков на пересмотре современной научной парадигмы, пересмотр своей философии, кантианства и неокантианства, ницшеанства, дарвинизма и фрейдизма, поиски новой научной парадигмы, которая смогла защитить рациональное сознание людей от натиска мистического, пралогичного. Точно также противостояние государственной патриотической истории для евреев значит поиски перехода от догмы откровений к рационализму Спинозы и Эйнштейна.

Тот, кто способен к научному сознанию — способен включиться в общечеловеческую культуру стать частью общего Я человечества. Если в этом регионе когда-нибудь закончится война, она закончится не потому что будут признаны два национальных мифа и две памяти о жертвах, как говорит Ассман — ведь именно эти мифы и память питают войну. А потому, что восторжествует рациональное мышление и научное сознание, которое включит оба народа в единое Я общечеловеческой культуры. Память о прошлом будет и есть у нас у всех, но прошлое которое связано с преступлениями, убийствами, войнами, часть патологии, не является идентичностью Я здоровых людей.

— Ты конечно прав в том, как глубоко разделен ваш народ, — улыбнулся мистер Уэйн — ведь и Леви-Стросс и Леви-Брюлль были евреями, — и громко расхохотался. — Можно вспомнить еще Маркса и Бергсона в том смысле в котором ты говоришь: один искал научный подход, неважно в данном случае насколько ему это удалось, другой прямо дистанцировался от науки и заговорил о мистическом знании. Или например рационалиста Спинозу и эмпирика Фрейда. Да, я с вами согласен, Барух, всякий народ глубоко разделен, и сейчас мне начинает казаться, что идея Леви-Брюля не так уж беспочвенна, как я думал раньше. Я так понял, что мою идею о реабилитации преступников путем их обучения вы не принимаете на том основании, что наука основанная на современной парадигме, не может дает необходимого образования, которое состоит в том, чтобы обеспечивать переход от пралогичного и мистического сознания к научному и рационалистическому сознанию. Я правильно понял вашу мысль?

— Совершено точно, профессор, — ответили мы все хором.

— Взамен моей идеи реабилитации вы предлагаете идею войны с парадигмой, с тем, чтобы новая парадигма стала способна осуществлять такую реабилитацию путем образования. Что ж, господа, мне нравится ваша идея! И я готов ее поддержать! Ведь мы ищем одного и того же, мы ищем гуманизма и пацифизма, и видим панацею в образовании, а не в юридизме или войне.

Вы ребята поразили меня в самое сердце глубиной своих познаний и серьезностью вашего подхода. Я вижу, что Ричард в хороших руках. Я обещаю помочь вам всем, чем смогу. И прежде всего, я буду вашим первым самым строгим критиком, чтобы вы были готовы к той войне, которую развяжут против вас ортодоксы. И чтобы вы отточили свое мастерство вести дебаты с оппонентами.

Значит, первое и главное — сформулируйте, что такое сознание как объект научного исследования.

Вскоре приехала Патриция, и они обнявшись плакали с мистером Уэйном, перемежая слезы взаимными извинениями и обещаниями держать себя впредь в руках. Профессор хвалил Ричарда и восхищался нами, и они вместе вышли в сад о чем то увлеченно беседуя.

Глава 6. Левый Дух

Следующие два месяца мы работали как проклятые, погрузившись с головой в библиотеку мистера Уэйна. По утрам мы бегали, занимались йогой в саду, наскоро завтракали и спешили в библиотеку набрать книг. Мы старались читать на свежем воздухе, если погода позволяла, так удавалось увеличить нагрузки.

Патриция помогала единственной домработнице мистера Уэйна, Мари, и они неплохо справлялись с хозяйством. Мы предлагали свои услуги, но Патриция наотрез отказывалась. Все же мы старались обслуживать себя сами, накрывать и убирать со стола, прибирать свои комнаты, менять постельное белье, ходить за продуктами, и Патриции пришлось нам уступить. Ребята, которых мы с Гией научили смотреть фильмы Данелии, смеялись, что мы строились по утрам на зарядку как Леонов и его команда в «Джентльменах удачи». Гия и Флер нас покинули: у Флер заболела мама и Гия вызвался сопровождать ее в Париж. Впрочем, ребята вскоре сообщили, что мама поправилась, чтобы мы не волновались, и что они решили провести оставшееся время в Париже. Все оставшееся время ребята импровизировали на тему того, как Гия чувствует себя в роли Сартра в Париже. Это была своего рода тема релаксации, к которой обращались всегда, когда хо-

тели отойти немного от книг, дружно смеясь и сравнивая наши нагрузки с их парижскими каникулами.

Мы отчаянно искали ответ на вопрос, который поставил нам сэр Уильям Уэйн, профессор антропологии и дед Ричарда: как мы определим сознание как объект научного исследования. Я нашла прекрасный отчет Гордона Олпорта на этот счет о том, как позитивизм и эмпиризм в целом исключили сознание, личность из объектов исследования психологии, оставив ей только условные и безусловные рефлексы Павлова и Скиннера. Что такое психология без изучения сознания и личности? Павлов изучал собак, Скиннер создал смешную теорию бихевиоризма, которая не делала качественного различия между человеком и животным. В полном соответствии с парадигмой дарвинизма. Гордон Олпорт критиковал такое положение вещей в психологии, как и все представители гуманистической психологии. Мы предлагали деду Ричарда те попытки признать сознание объектом научного исследования, которые делали гуманистические психологи, каждый в своей системе. Особенно тщательно к обоснованию методологии гуманистической психологии подошел Маслоу. Но дед последовательно отмел все наши попытки:

— Все это не потерянные папирусы античности, а хорошо известные труды современной науки, современной парадигмы. Они ведь нашли компромисс с эмпиризмом и дарвинизмом насколько я знаю. Маслоу построил эту свою пирамиду потребностей, где первые этажи у него занимают биологические потребности, от которых зависят последние этажи уже психических потребностей. То есть представил эту пирамиду в основе которой биологические потребности как систему психики. Чем не фрейдовский подход, у которого тоже в основе психики биология? Где у Маслоу психика, сознание как самостоятельный объект научного исследования?

Наконец недель через шесть, когда силы наши уже были на исходе, Гюнтер собрал нас всех в библиотеке, когда мы уже совсем было легли спасть:

— Получилось! — сказал он. — Я сформулировал новую парадигму. Это теория психической энергии. Я сейчас все по порядку объясню.

Мы конечно и думать забыли о сне и о многодневной усталости. Мы с готовностью расселись в пижамах в кресла, превратившись в одно только обостренное внимание. Неужели мы близки к развязке? Сколько серьезных людей сделали на нас ставку, мы не могли, не должны были подвести их доверия.

— Я понял чего нам не достает, когда прочел книгу Вильгельма Оствальда, немецкого химика, «Лекции по натурфилософии». — торжественно начал Гюнтер.

— Я хорошо знаю этого Оствальда, Нобелевский лауреат по химии, — сказал, зевая Барух, — он отказался брать молодого Эйнштейна в аспирантуру, подлец. А потом у Эйнштейна был шанс взять реванш, когда Оствальд представил свою ущербную теорию познания — «энергетику». Ее раскритиковали в пух и прах.

— Вот именно, Барух, и я так думал, пока не прочел его книги на тему энергетики. Все, и Эйнштейн, и Планк, и Ленин — все кто критиковал его энергетику в том виде, в котором он ее изложил, были правы. Он ведь изложил ее как эмпирик, но ведь был эмпириком, как и его друг Мах. Но если посмотреть на энергетику с точки зрения рационализма — о! тогда совсем другой дело. Тогда начинается новая парадигма, господа! — и Гюнтер подпрыгнул от радости сделанного им открытия.

— Сейчас объясню. Существо его теории энергетики состояло в том, что он понимал понятие энергии как эмпирики: как «работу», которую надо измерить. Поэтому когда он сказал, что вся вселенная — это так сказать пу-

чок различных природных энергий — химической, биологической, тепловой, электрической, психической (да, да! и психической тоже!) — то для него важно было объяснить, как измерять «работу» каждой из этих энергий. И он создал свой эвристический метод, над которым все эти почтенные ученые и посмеялись потом хором. Он сказал, что поскольку все энергии определяет закон сохранения силы, то энергии переходя из одного вида в другой, просто трансформируют «силу», «работу» из одного вида энергии в другой. И что новая теория познания, которую он и называет энергетикой, будет состоять в том, чтобы измерять эту единую силу, которая на основе закона сохранения силы переходит из одного вида энергии в другой. Эти измерения и должны были заменить все прочие законы естественных наук. Понятно, что его и этот его эвристический метод подняли на смех.

Однако, господа, если мы посмотрим на энергию не глазами эмпирика, а глазами рационалиста. Если энергия это не «количество работы», а система законов природы, которая открывает доступ к силе данной природной энергии? Например, чтобы вам было понятно, система уравнений электромагнитных волн Максвелла — это и есть энергия электромагнетизма. А то как Герц серией опытов доказал верность теории Максвелла — это как раз доступ на практике к силе энергии путем контроля ее закономерностей! Вот в чем разница! Если мы даем энергии определение рационалистическое, мы получаем энергетику как теорию познания!

— Потрясающе! — выдохнул Барух. — Завтра доложим сэру Уильяму Уэйну!

— Какое это имеет отношение к проблеме научного определения сознания, которую поставил нам дед Ричарда? — спросил Дежймс

— Самое прямое. — сказал Гюнтер. — Сознание, которое мы пытаемся научно изучать и не можем в рамках дарвиновской парадигмы, становится одним из видов природных энергий! А именно психической энергией! Господа, мы с вами открыли психическую энергию! — расхохотался Гюнтер, совсем по детски прыгая на месте, не умея сдержать переполнявшего его энтузиазма

— Смотрите сами. Это единственный способ изучать сознание как объект научного анализа. Эмпирики исключили сознание из объектов научного исследования, как нечто чего нельзя измерить (как «метафизику»), кантианцы заявили, что сознание обладает свободной волей и потому не имеет закономерностей как вся остальная природа, исключив сознание из естественных наук на этом основании. Мы же, рационалисты и энергетики, предлагаем концепцию сознания как особого вида психической энергии, которая также как любая другая природная энергия детерминирована законами природы. Да, человек в отличии от других энергий способен познавать законы природы и ставить их под контроль, в этом специфика психической энергии. Но контролировать законы природы не значит обладать абсолютной свободой воли, поэтому человек не выпадает из естественных наук как думали кантианцы, его энергия также детерминирована как все прочие энергии природы.

Наконец, наш подход, в отличии от подхода эмпириков, которые со времен Юма, потеряли связь теории с практикой, позволяет нам показать каким образом практика доказывает теорию. Только энергетика делает это возможным, ведь энергетика говорит, что объектом научного исследования могут быть только природные энергии. В этом случае, если природная энергия — это система законов, описывающая механизмы этой энергии, то проверка на практике истинности открытых законов — это доступ к силе данной энергии путем контроля откры-

тых законов. В точности то, что продемонстрировал Герц, когда доказал, что уравнения электромагнитных волн Максвелла — это открытие энергии электромагнетизма.

Что скажете, господа?

— Гюнтер, ты гений, дружище! — мы все обнимали Гюнтера по очереди, пока наконец Джеймс не остудил наш пыл.

— Это все верно, не к чему придраться. Но в том что касается психической энергии. Каковы те самые механизмы, те самые законы психической энергии, которые позволили бы нам контролировать ее на практике? Ведь совершенно очевидно, друзья, что пока мы не сможем сформулировать законы этой самой психической энергии, и подобно Герцу не покажем на опыте, что способны контролировать эту энергию на практике, наша работа по смене новой парадигмы, или как говорит Гюнтер, по открытию психической энергии, не будет законченной.

На том мы тогда и разошлись. С щемящей надеждой в сердце и с предчувствием скорой победы. Теперь задача была четко сформулирована, и нам, физикам, не составило труда вскоре окончательно ее разрешить. На этот раз всех опередил Барух.

— Есть! — сказал он мне, подсаживаясь ко мне на скамейку в саду, где я читала «Тотем и табу» Фрейда, — Брось эту книгу, его можно понять только если есть ключ. У меня теперь есть такой ключ! — и он весело расхохотался. — Я кажется, нашел то, о чем говорил Джеймс: механизмы психической энергии, ее закономерности, которые можно проверить контролем этой энергии на практике.

Мы обнялись с Барухом на радостях, и пошли искать друзей. Вскоре мы уже все собрались в библиотеке под председательством деда Ричарда.

— Я долго читал Фрейда, и старался абстрагироваться от его биологической теории, которой он объясняет фак-

ты. Но ведь факты он не придумал, это опытные данные, полученные им из анализа из общения с сотнями конкретных пациентов. Я старался концентрировать на этих фактах. И вот что у меня получилось.

Вы помните его теорию «психического аппарата»: Эго и СуперЭго как система взаимосвязанных психологических фигур. Более того, эти фигуры описаны им как противостоящие. Факты, обнаруженные им — это эта система двух взаимосвязанных психологических фигур. А вот его теории, которыми он пытается объяснить механизмы действия этих фигур — одно абсурднее другого. Все эти объяснения связаны с его биологической теорией либидо, где вся психика объявляется производной от биологических потребностей животного, которым в интерпретации Фрейда (и Дарвина) остается человек. В одном случае он говорит, что эти две фигуры противостоят друг другу из-за «страха кастрации», в другом случае изобретает поэтическую метафору противостояния инстинктов жизни смерти. Во всех случаях в его объяснениях нет смысла.

Но сами факты, сама Эгосистема (я буду так называть Эго и СуперЭго) — это безусловно революционная находка и большая заслуга Фрейда перед наукой. В частности его большой вклад в открытие психической энергии.

И вот почему. Если мы посмотрим на эти факты с точки зрения теории психической энергии, мы увидим ПОЛЕ, господа! — удовлетворенно засмеялся Барух, не умея сдерживать радости переполнявших его эмоций. — Да, да Эгосистема — это поле психической энергии, образованное законом сохранения силы психики, где Эго и СуперЭго — это противоположно заряженные полюса этого поля. По крайней мере, теперь у нас есть очень солидная гипотеза господа. Но это еще далеко не все.

Фрейд как известно, трактовал свою Эгосистему как «психический аппарат» всей психики. Это его вторая

грубая ошибка (после биологической интерпретации фактов психики). Поле Эгосистемы не только не единственное поле психики, не единственная энергия психики, но даже не основная энергия.

Именно исследователи, которые трудились в рамках гуманистической психологии первыми указали на эту фундаментальную ошибку Фрейда: это Фромм, Юнг, Карен Хорни, Маслоу, Франкл, Адлер, Олпорт, Роджерс. Конечно они не говорили в терминах энергетики, они не говорили о полях и энергиях психики, но они как мы помним, говорили о двух «Я» — ложном и истинном, и об их антагонизме.

Так вот то, что гуманисты называли истинным Я и чего Фрейд в упор не видел составляет другое поле психики, и это поле тоже образованно противоположными полюсами, но на этот раз полюсами интеллекта: активный и пассивный интеллект. Законы природы с одной стороны, мышление для познания этих законов с другой стороны. Это поле мы ощущаем как страть к познанию, как интеллектуальный голод, а его движение и активность как процесс познания, как способность открывать законы природы.

Таким образом, если животное это только биологическая энергия, только поле биологического голода, то человек — это две энергии (биологическая и психическая энергия) и три поля, ощущаемые как три разных голода:

Биология: пищевой и сексуальный голод

Психика:

1. Поле Эгосистемы: голод тщеславия

2. Поле Интеллекта: голод познания

Понятно, что биологический и интеллектуальный голод должны быть удовлетворены, а голод тщеславия является ложным голодом, тем что Фромм называет иррациональными потребностями, когда «хочется того что

вредно», то есть болезнью. Этот голод не следует удовлетворять. Поле эгосистемы должно быть нейтрализовано, как источник всего психического нездоровья, того что испокон веков называют пороком и противопоставляют добродетели. Действительно, добро и зло исходя из нашего открытия — не относительные понятия, а объективные характеристики двух разных полей психики.

Уровень психической энергии отделен от уровня биологической энергии, так что мы можем изучать поля психики отдельно от полей биологии, что невозможно в рамках парадигмы Дарвина.

Понятно, что теория психической энергии как двух полей психики полностью объясняет не только изыскания Леви-Брюля, но и полностью вписывается в гуманистическую философию от Платона до Кьеркегора, а также в теории гуманистических психологов, разделявших ложное и истинное «Я»

У меня все. — закончил Барух под гром наших аплодисментов.

— Подождите радоваться, — остановил нас мистер Уэйн, — с первой частью задачи вы действительно справились великолепно. Да, два поля психической энергии как возможное объяснение теории гуманистической психологии об истинном и ложном «Я» вполне приемлемы как научная гипотеза, поздравляю вас, друзья. Но! Вы еще обещали показать связь вашей теории с практикой. А вы насколько я помню, определили эту связь как способность контролировать открытую энергию, получать доступ к ее силе.

— Мне есть что вам ответить и на это, сэр. Тут мне очень помогло исследование самоактуалов Маслоу, вовсе не его пирамида. Он конечно входит в явное противоречие с самим собой в теоретической части, но это неизбежно на время формирования теории. Зато в рамках

теории психической энергии все кусочки сходятся как в детском пазле.

О своем исследовании самоактуалов он говорит как об открытии некоего «синдрома» психических характеристик здоровых людей. Как раз эта система характеристик и должна полностью описывать наше поле интеллекта, поскольку именно поле интеллекта есть источник здоровой энергии, того самого истинного Я, о котором пишут гуманистические психологи. И вот, сэр, все сходится! И прошу не забывать, что данные Маслоу — это тоже опытные данные!

Поле Эгосистемы, как я уже говорил, тоже открыто опытным путем Фрейдом. Он много наблудил в теории, и тогда казалось что его психоанализ и гуманистическая психология противоречат друг другу и исключают друг друга. Но теперь все кусочки открытия психической энергии, которые совершались постепенно сходятся в нашей теории двух полей психики.

— Гипотеза действительно очень продуманная. Вы уже сделали большой шаг в науке. Я вас еще раз поздравляю, — улыбнулся нас старик с нескрываемым удовлетворением, — но я все же боюсь, Барух, вы не ответили на мой вопрос. Как можно проконтролировать эту энергию на практике? Как добиться развития здорового Я и нейтрализации ложного Эго (давайте будем отличать Я и Эго для здорового и нездорового полей психики)?

— Конечно же системой образования! — сказал вставая Гюнтер. — Мы доказываем в этой теории ведущую роль образования, и опровергаем экономизм дарвинизма-марксизма, будь то правый или левый экономизм!

— У меня еще кое-что есть, господа, — встал вдруг Джеймс, — я тоже не терял времени даром. Чем известен Йельский университет? Увы, «Черепами»! А ведь в стенах этого университета в прошлом веке совершенно грандиозное открытие великим Стенли Милграмом! Я нашел

у вас эту потрясающую книгу, сэр, «Подчинение авторитету». Она как нельзя лучше доказывает мою теорию о том, что мир современного демократического капитализма разрывается двумя антагонистичными силами.

Этот благословенный профессор психологии Йельского университета поставил в прошлом веке серию остроумных экспериментов на Подчинение авторитету. И какие потрясающие результаты, сэр! Прежде всего они напрямую доказывают существование двух полей психики, о которых говорит Барух! Пока я слушал его я нашел ответы на все вопросы, которые поставил Милграм исходя из полученных данных. Как правильно сказал Барух, сходятся все кусочки мозаики просто потому что найдена правильная теория, которая вместила все скопление фактов.

В ходе этого эксперимента Милграмм неожиданно обнаружил две противоположные психические силы, что он зафиксировал в сильном напряжении, когда им одновременно хотелось и не пойти против совести и выполнить приказ авторитета, который приказывал бесчестный поступок. Фромм называет эти две силы гуманистической совестью и авторитарной совестью. А мы вполне могли бы объяснить теорией Баруха об антагонизме двух полей психики.

Эксперименты проводились тысячи раз в университетах всего мира и всегда давали примерно один результат: примерно 30 процентов испытуемых находили в себе силы идти против приказов авторитета, принимать собственное решение на основе разума и совести, так сказать. Однако, остальные 70 процентов, после сильного напряжение и борьбы со своей совестью, все же не нашли в себе силы ослушаться авторитета и выполнили его приказы. Эксперимент специально был построен так, что приказы авторитета были безнравственны, надо было наносить удары электрошокером беззащитным «ис-

пытуемым» (актерам, которые на самом деле ничего не чувствовали), у которых даже было больное сердце и они могли умереть, например. Тем не менее, 70 процентов выполнили эти приказы. Таковы были шокирующие результаты экспериментов Милграмма.

На мой взгляд, сэр, если нужен опытный материал, который доказал бы теорию психической энергии на практике, то трудно найти что-либо более убедительное.

— Браво, Джеймс! — вскочил старик и обнял Джеймса. — Вот теперь я доволен вами, дети. Теперь можете смело ехать назад в Корнелл и начинать свою войну с парадигмой!

До начала занятий оставалось около двух недель. Еще несколько дней мы горячо спорили и обсуждали детали, формулировали тезисы нашего научного открытия и предавались той блаженной эйфории первооткрывателей, о которой я читала в воспоминаниях Кропоткина, Лауэ, Рассела. Они писали об этих переживаниях как о самом глубоком эмоциональном опыте, который они имели, и что Маслоу вероятно назвал бы «пиковыми переживаниями». Когда и эта работа подошла к концу, ребята собрались разъезжаться, чтобы успеть еще провести несколько дней дома до начала занятий. Меня Ричард пригласил с собой в Кембридж, и я с удовольствием согласилась посмотреть этот старейший академический центр мира.

— Мы открыли Левый Дух, — сказал Ричард в один из последних вечеров, когда мы все сидели в саду. — Теперь у нас есть теория, которая доказывает правоту левых, также как дарвиновская парадигма доказывает правоту правых. Маркс хотел построить левую теорию на дарвинизме — в этом его радикальная ошибка. Если человек — это животное, которое борется не на жизнь, а на смерть с другими такими же животными за место

под солнцем, что общего может быть у людей друг с другом? Имущество нельзя сделать общим насильно — можно только ограбить людей, подобно тому как их грабили все деспоты всех известных в истории деспотий. И в этом смысле империя построенная по лекалам марксизма ничем не отличалась от этих известных деспотий.

Левая теория, то есть убежденность в том, что люди есть нечто единое, нечто глубоко тождественное в своем существе может быть обоснованна только исследованием духа человека, его сознания, его личности. Они пугают сторонников «леваков» смертью индивидуальности, и шаблонностью вкусов и ассортимента советского человека. Но эта советская шаблонность была результатом насилия и сама по себе являлась насилием, подобно тому как униформа рабов или зэков не говорит о внутреннем единстве этих людей, но только о насилии над ними.

Люди могут быть глубоко различны во вкусах, в в пороге чувствительности, в способностях к абстракциям, в творчестве и работоспособности. Но все здоровые люди имеют один и тот же здоровый дух — поле совести, справедливости, сочувствия, юмора и потребности в знании. Именно этот единый дух составляет сердцевину всякого здорового общества. Имелся ли такой левый дух в советской России с ее марксизмом, биологизмом, экономизмом, тоталитаризмом, вычеркивавшими вообще сферу духа не только из науки, но и из каждодневных отношений? На чем строились отношения там? На навязанном мировоззрении, которое не разрешалось оспаривать под страхом смерти — удар в самое сердце поля интеллекта. На репрессиях силовиков, на доносах и принудительном неинтересном труде, на ненависти к интеллигенции, которую отлавливали и уничтожали как заразный вирус.

Марксизм отрицал дух и теоретически и практически. Также как его отрицал другой поклонник Дарвина — Гитлер. Именно в этом схожи они — в отрицании духа, в био-

логизме дарвинизма, в экономизме и в культе войны как локомотива развития. Национал-социализм Гитлера в этом смысле такая же классическая деспотия как пролетарская диктатура марксизма-ленинизма. В этих системах нет места доброте, нет места совести и состраданию, нет места объективному знанию, нет места науке, то есть всему тому что составляет общий дух человечества.

Маслоу пишет в исследовании самоактуалов что сильную личность сильную индивидуальность характеризует способность к близким дружественным отношениям с другими людьми: индивидуальность и социализация оказываются двумя сторонами одной медали. А что до собственности о которой столько спорили, то не собственность соединяет людей. Она может быть общей как в советской России, и оставлять людей глубоко разъединенными ненавистью друг к другу, а может быть частной как в Скандинавии, и успешно содействовать развитию социальной экономики. Нет экономических законов, двигающих общество. Есть психологические законы, определяющие экономику.

— Это ты правильно заметил, — сказал Джеймс, — только вот не мы конечно открыли левый дух, — он усмехнулся, — это ты далеко замахнулся. О нем пишут со времен Заратустры и Сократа, Христа и Спинозы. Но мы, просто подкинули немного бревен в костер научного обоснования гуманизма, которые в наше время разожгли гуманистические психологи. Что как не гуманизм твой левый дух?

— Ну конечно гуманизм. Я выразился так для того, чтобы заострить различие между экономическими левыми теориями, которые не имеют никакого отношения к гуманизму и даже прямо противоречат ему, и психологическими левыми теория в основе которых представление о человечестве как этике гуманизма. Вот только и всего, Джеймс.

Глава 7. Консерваторы и дарвинизм

Ребята разъехались по домам, счастливые сознание выполненной работы, а мы с Ричардом отправились знакомиться с достопримечательностями Кембриджа.

— Наш город — это история реки Кам! — сказал мне Ричард. — Когда-то римляне сделали на берегу этой реки лагерь для своей армии, положив, таким образом, начало Кембриджу. Потом потянулись монахи, монашеские ордена построили монастыри и, вуаля, основы старейшего на сегодня научного центра Европы были заложены. Нашему городу 2000 лет. Он начинал под управлением монахов, а в прошлом году нашим мэром стал транссексуал Дженни Бейли! Так то вот. — смеялся Ричард моему удивлению. — И главное! ВО времена кромвелевской революции, Кембридж был важным плотом парламента!

С большим интересом я разглядывала Кавендишскую лабораторию, пусть только снаружи. Я помнила из биографии Джона Максвелла, что он был ее первым директором, превратившим ее в международный научный центр. Ричард показал мне музей искусств Фицуильяма и старую романскую церковь Святого гроба с почти 1000-й историей.

В один из таких вечеров Ричард меня обнял по дружески, и вдруг его горячие губы с такой нежностью коснулись моей шеи, что я отскочила от него как от удара тока.

— Извини, пожалуйста, Ричард! Прости меня, если сможешь. Я дала себе слово посвятить себя учебе. Я очень тебя люблю, но я так запуталась. Тогда мы так смело рассуждали о романтике и настоящих отношениях, мне казалось, я все об этом знаю. И ты видел, что из этого получилось.

Он был так обескуражен, что я сказала то, чего совсем не собиралась говорить.

— Ричард, я так волновалась за тебя после угроз Андре. Я поклялась себе не сделать ничего такого, что могло бы поставить тебя под удар. Я так люблю Патрицию и так уважаю твоего деда. Ты должен меня понять.

Ричард молча меня обнял, ушел к себе и больше я его в тот вечер не видела. Я проплакала всю ночь. Все пережитое было так свежо в моей памяти, я и не знала, какой глубокой окажется эта травма.

А на следующий день он мне сказал:

— Давай сегодня никуда не пойдем, просто поболтаем. Я думал над тем, что ты мне вчера сказала. Я с тобой согласен. Но ведь мы друзья? Друзья или нет?

— Друзья, конечно, Ричард! Я для тебя все сделаю.

— Достаточно просто искренности и доверия. Давай поговорим о том, что с тобой случилось. Давай обсудим это так, как мы бы с тобой обсудили какой-нибудь внешний случай. Вспомни, как много мы уже знаем по психологии! Просто будем исследователями, какими мы были все эти два месяца у деда. Просто будем искренни и объективны, будем анализировать и делать выводы. Идет?

— Честно говоря, дружище, мне бы больше не хотелось об этом вспоминать. Врать я тебе не могу, а если говорить все как было, мне стыдно показаться тебе такой дурочкой.

— Это не разговор исследователя, Аврора. Мы ведь исследователи, так или не так? Факты всегда факты для ученого, стесняются фактов малые дети. Не верится, что я слышу это от тебя. Милая Аврора, тогда наш уровень анализа не выходил за рамки литературы. Сейчас мы проштудировали всю антропологию и психологию. Вспомни, сколько всего интересного узнали мы этим летом вместе Гюнтером, Барухом и Джеймсом! Сейчас мы будем рассуждать как психологи, а не как литераторы. Разве тебе не интересно.

— Очень интересно! — рассмеялась я, обняв Ричарда со всей теплотой и нежностью, которую я испытывала к своим друзьям.

— Ричард, я тебя обняла и поняла, почему я так испугалась, когда ты меня поцеловал.

— Почему же?

— Потому что, мои чувства к тебе сейчас такие чистые, такие прекрасные и глубокие, какой только может быть дружба. А те чувства, которые я испытывала к Андре, были такими болезненными, непонятными для меня самой, в них было столько страха, напряжения и тревоги, что мне никогда больше не хочется их испытывать. Тем более, мне ни за что на свете не хочется променять мою дружбу к тебе, на то, что они называют «любовью».

— Уже прогресс. Давай попробуем проанализировать то, что ты сказала. Неужели любовь так радикально отличается от дружбы?

— Да, безусловно, Ричард. По крайней мере, то, что я тогда чувствовала, было как наваждение, как дурной сон, от которого я не могла проснуться. И мне все время было очень больно. Но главное даже не это. Главное то, что... как бы это выразить... я бы сказала... эмоции мало того что стали как бы внешними, сковывая меня....они перестали быть однородными...

— Это уже интересно. Как это перестали быть однородными?

— Ну знаешь, словно бы все эмоции сгустились в одном месте и ушли из всех других мест. И это место было конечно объектом влюбленности, то есть Андре. Было такое чувство, словно бы все остальное перестало иметь значение, зато он стал сверхценным и сверхзначимым. Все остальные вещи обретали свое значение только в той степени, в какой они были связаны с ним. Мир как бы поделился на то, что называлось любовью и все остальное. Но если бы меня попросили дать определение тому,

что я тогда называла любовью, я бы не смогла сказать ничего другого. Просто что-то что стало сверхценным.

— Теперь я понимаю, почему ты мне тогда сказала о Прусте, когда я остановил тебя. Он ведь построил свою книгу именно на этом чувстве сверхценного, которое дает влюбленность. Но в отличии от тебя он готов идти на все жертвы, которые связаны с этим чувством — на расстройство воли, как он описывает свои навязчивые мысли об Одетте, на унижения, на «взаимную пытку», на «горе ревности». Главное, он согласен на то, чтобы потерять контакт с реальностью, ему достаточно маски, фантазии, миража, мелодии или картины, которые он видит вместо девушки. И тогда он говорит, что эта фантазия, то есть любовь, принесла смысл сверхценного в его уже никчемную жизнь.

— Да, но не для меня. Это жуткое состояние, которое лишило меня моего собственного «Я». Оно лишило меня способности концентрировать мышление, я чуть не завалила сессию. Я помню, он называет это «леностью интеллекта», ему это нравится, ведь он, в сущности, бездельник. И главное это сверхценное, которое так перестроило все мои внутренние приоритеты и так изменило всю палитру чувств, оно оказалось бесконечно мне чуждым. Там в центре сиял страшный своей красотой и силой Андре, но там больше не было меня самой. Я куда-то пропала и испарилась в этой прустовской драгоценности любви. Вот этого бы мне никогда больше не хотелось пережить, и в особенности с тобой или с другими моими друзьями: чтобы вместо нормальных, естественных дружеских отношений вдруг появилась эта сверхценность любовника, который вдруг превращается в тайну, а я сама и вся моя жизнь становятся бессмысленными без него. Я не хочу, чтобы ты стал тайной, Ричард, я хочу, чтобы ты был моим другом Ричардом.

Ричард принялся хохотать от всей души.

— Аврора, насмешила! Мы с тобой никогда не перестанем быть друзьями! Но твоя исповедь навела меня на интересные мысли... Помнишь, мы долго обсуждали с дедом теорию Деркгейма, когда спорили о Леви-Строссе и Леви-Брюле?

— Да, хорошо помню. Подожди..., сакральное?

— Вот именно! Тебе не кажется?

— Да, точно, абсолютно точно Ричард! Это тот же феномен сакрального, который аборигены переживают в отношении своего тотема! Ты гений, Ричард. Какие из этого выводы для нашей теории?

— Получается, этот феномен сакрального или сверхценного, как ты говоришь, связан с тем, что Барух назвал полем Эгосистемы. Это значит, Аврора, что самолюбие и влюбленность — это особое качество эмоций психики, порождаемое этим полем.

— Это все так и есть Ричард. Я чувствовала, что было задето мое тщеславие, и что именно с тщеславием была связана влюбленность. Он сделал так, что я почувствовала себя актрисой, стала искать публики и аплодисментов, стала строить планы о карьере и замужестве. Я думала только о личном, стала эгоцентричной. Все, что было для нас и для меня по настоящему важно до этого отошло на задний план и постепенно переставало существовать. Наши научные, политические проекты, идея служения обществу, в конце концов мои друзья. Самолюбие и влюбленность созревали во мне одновременно, отчуждая меня от себя самой.

— Я помню те стихи, которые ты опубликовала в газете наизусть:

Липкие руки чувства пьянящего
Сердцем играют впотьмах
Гиблая мысль как-то навязчиво
Гулко стучит в висках

Я тогда очень переживал за тебя и не знал, как тебе помочь. Это ужасно когда не знаешь, как помочь человеку, который тебе дорог.

— Да, Ричард, я чувствовала всем своим существом, что эта влюбленность моя погибель, но не знала, как объяснить это. Литература не дает такого инструментария и современная психология тоже. Но теория психической энергии легко объяснила, Ричард! Значит самолюбие и влюбленность — всего лишь болезненные притяжения поля эгосистемы, которые разрушают истинное Я человека. Вот почему я чувствовала себя так, словно моя влюбленность похоронила меня живьем! Эта скованность и потеря воли, это жуткое напряжение, эта таинственность объекта влюбленности и непонимание самой себя. Да, Фромм прекрасно выразился, называя подобное состояние отчуждением от самого себя. И ведь он понимал, что это болезнь, поглощающая истинное Я, а Фрейд именно это болезненное состояние влюбленности считал настоящей любовью! Помнишь, сколько мы спорили о его книге «Величие и ограниченность Фрейда»?

Это открытие так глубоко нас потрясло, что следующие несколько дней мы говорили только об этом, искали цитаты в книгах, и совсем забыли о своем туризме.

— А что было в той книге Роберта Грина, которую тебе отправила моя мама?

— О, эта книга меня спасла. Сейчас я уже смогу сформулировать почему, наверное. Видишь ли, закономерности поля эгосистемы ведь совсем несложные, если уже знаешь о его существовании. Житейское наблюдение научило людей в течение векового опыта «игр в любовь»

видеть эти закономерности. Помнишь, как Байрон пишет:

Из кожи лезь — у вас не будет лада!
К чему моленья? Будь остер и смел,
Умей смешить, подчас кольни, где надо,
При случае польсти, и страсть — твоя награда!

Прием из жизни взятый, не из книг!
Но многое теряет без возврата,
Кто овладел им. Цели ты достиг.
Ты насладился, но чрезмерна плата:
Старенье сердца, лучших сил утрата,
И страсть сыта, но юность сожжена,
Ты мелок стал, тебе ничто не свято,
Любовь тебе давно уж не нужна,
И, все мечты презрев, душа твоя больна.

Видишь, он понимал, что игры на поле эгосистемы ничего кроме болезни не дадут. А такие как Роберт Грин считают, что нашли философский камень управления человеческими чувствами. Вот и Андре был одним из них. Я когда прочитала пассажи этого Грина о том, как надо незаметно для «жертвы» растравливать его тщеславие, как надо «наносить раны самолюбию» и играть болью этих ран, меня не столько его цинизм возмутил, сколько возмутила моя собственная наивность и глупость. Мне стало так стыдно, что влюбленность сразу закончилась. Потом я тоже стала потихоньку видеть эти механизмы, мой разум снова взял контроль в свои руки, и я была спасена. Отчуждение от самой себя закончилось.

Мы так радовались, что нашли научное подтверждение тому, что любовь бывает настоящей и ненастоящей, о чем раньше читали только в литературе. Более того, эта находка была очередным подтверждением нашей

теории психической энергии. Энтузиазму нашему не было конца.

— Ты видишь, Аврора, ты напрасно переживала, что если полюбишь опять, то сверхценность влюбленности опять разрушит твой внутренний мир. Это только в том случае, если это не любовь, а влюбленность поля эгосистемы. — хохотал Ричард. — Что касается настоящей любви, смотри как об этом у Маслоу: дружба и любовь не имеют качественного отличия. То же пишет Фромм: в основе настоящей любви братская любовь ко всему человечеству. Знаешь, что я подумал, когда анализировал эти два состояния? В случае со сверхценностью влюбленности человек подобно аборигенам, которые не умеют объяснить, в чем сверхценность тотема, не умеет объяснить, в чем ценность и смысл любви? Вот спроси какого-нибудь влюбленного, спроси свой прошлый опыт, что есть любовь? Они, как правило, говорят: я любил и был слеп и ничего не понимал. Любовь есть любовь, и больше ничего сказать не могут, потому что говорят о сакральном абориген, которому нет разумного объяснения. Как Пруст, который любил Одетту, какой бы глупой, необразованной, лживой и продажной она не была. И ведь потом он так и сказал: я ее любил, а ведь она мне в сущности даже не нравилась. К чему я тебе это говорю? Совсем другое дело в случае с настоящей любовью: тут всегда можно сказать о своих чувствах, не прибегая к любовной терминологии донкихотских романтиков. Можно сказать что любишь, ни разу не сказав слова любовь.

— Тонко подмечено....Это видимо потому, что здесь все настоящее, и ты понимаешь, что есть реально ценного и в дружбе и в любви.

— Ты могла бы сказать мне другими словами о своей любви?

— Ричард, мы договорились не возвращаться к этой теме. Посмотри, какое грандиозное открытие за нашими

плечами. И сколько еще серьезной работы нам предстоит. Давай не будем ждать оставшиеся три дня и завтра улетим в Корнелл?

А вдруг он больше вообще не прилетит в Корнелл? А вдруг он останется заканчивать обучение в Кембридже? А вдруг я его больше никогда не увижу? Нет, я не могла уехать, не повидав его. Но как его теперь искать? Я проплакала до самого утра, а когда проснулась Ричард сидел у моего изголовья и гладил мои волосы.

— Ричард! — сказала я, крепко его обнимая. — Ричард, милый, я всю ночь говорила с тобой другими словами. Ты такой добрый, такой чуткий, такой отважный! Ты столько всего знаешь. В тебе столько настоящего мужества. Ты столько работаешь, и так любишь своих друзей. В тебе столько ответственности и столько отчаяния, когда ты берешься что-то сделать. Ты столько раз поддерживал меня, когда я думала, что вот-вот умру от боли. И я всегда, всегда чувствовала, что ты стоишь рядом и всегда готов поддержать меня, даже если я этого не сознавала. И тогда когда я тебя впервые увидела в библиотеке Корнела с книжкой Селинджера в руках, когда услышала твой искренний смех, я впервые почувствовала себя дома в Корнелле. И тогда когда ты пришел ко мне с книжкой Грина, я почувствовала, что найду в себе силы справиться со своей бедой. И потом когда ты предложил мне напечатать о нашей помолвке, вся боль которую мне причинила эта выходка фигляров, превратилась в радость глубокой благодарности тебе, даже если я не отдавала себе в этом отчета. И все это прекрасное время, что мы провели у тебя в гостях с нашими друзьями, было лучшим в моей жизни.

— И сейчас, — сказал Ричард, улыбнувшись, и не переставая гладить мои волосы, — когда ты обнимаешь и целуешь меня, ты не боишься что переходишь от дружбы к сверхценному сакрального аборигенов?

— Нет, — засмеялась я сквозь слезы, еще крепче прижимаясь к нему, — я просто чувствую, что мы всегда останемся друзьями.

— А что же наша помолвка?

— Я ведь дала обет безбрачия, Ричард. Зачем друзьям помолвка.

— Нас обвенчала церковь рационализма Гюнтера и Баруха, — расхохотался Ричард, а я подумала, что так оно и есть. Нас соединили наши знания.

Мы остались в Кембридже до конца каникул, сосредоточившись на предстоящей интеллектуальной битве в Корнелле.

Вот смотри что пишут на эту тему в интернете:

«Английский писатель Малкольм Бауден обращает внимание на связь между дарвинистской теорией и геноцидом, совершенным нацистской Германией: «Известна эволюционная основа ницшеанских теорий о сверхчеловеке, известно также и практическое их применение Гитлером в осуществлении замысла о «расе господ». Леденящие кровь последствия доведения эволюционной теории до ее логического конца — уничтожение «слабых» рас осуществилось в концлагерях Бельзен, Освенцим и др. Историки тщательно собирают сведения о зверствах гитлеровского режима, но никому не приходит в голову поставить на первое место факт, что он основан на эволюционной философии. Фактически теория Дарвина признается священной. Она заботливо охраняется от какой бы то ни было критики». Того же мнения придерживается и американский ученый Генри Моррис: «Несмотря на то, что каждый школьник осведомлен о зле, которое принес в мир Гитлер и его национал-социализм, детям вообще не объясняется, что основой всего этого является эволюционная теория. Столь очевидная попытка скрыть истину не является ничем иным, как искажением истории. Современные эволюционисты весьма гневно реагируют, ко-

гда им напоминают, что эволюционная теория послужила обоснованием нацизма, но дело обстоит именно так».

А у нас задача еще труднее. Не просто доказать вред, который несет его теория происхождения человека, но опровергнуть его гипотезу происхождения человека как научную теорию. Это научная революция. Смена парадигмы. К тому же консерваторы давно облюбовали дарвинизм для обоснования своей любимой борьбы всех против всех, которая, как они считают, естественным путем порождает неравенство людей, преобладание сильных и подчинение слабых. И Шлезингер пишет в «Циклах американской истории», что консерваторы оправдывают свое нежелание социальной поддержки бедных слоев социальным дарвинизмом Спенсера.

Мы нашли это место у Шзезингера:

«Кредо манчестерской группы подкреплялось теорией Дарвина. Теоретики неограниченного экономического либерализма, ссылаясь на эволюционное учение Дарвина, приходили к выводу о том, что выживание наиболее приспособленных в процессе свободной конкуренции на рынке является гарантией прогресса цивилизации. „Если вообще возможно говорить о какой-то теории в стране, обходящейся без всяких теорий, — писал Брайс в 1888 г. в своей работе „Американская республика“, — то ортодоксальная теория экономического либерализма составляет ныне основу как федерального законодательства, так и законодательства штатов“. Верховный суд, ядовито заметил в свою очередь судья Холмс, повел себя так, будто 14-я поправка возвела в закон „Социальную статику“ Спенсера. Судьи, подобные Дэвиду Брюэру, нанесли тяжелый удар по социальному законодательству во имя святого принципа laissez-faire (лессеферизм)»

Шлезингер Циклы американской истории

— Да, ты абсолютно прав. Я вспомнила, что у Бертрана Рассела в «Борьбе за счастье» тоже читала, что в современном мире победили динозавры, которые предпочитают силу разуму, и что подобно своим древним предкам они убивают друг друга в борьбе за власть. Так что интеллектуалы, которые наблюдают за этим побоищем со стороны в конце концов унаследуют их королевство. — этот пассаж нас очень рассмешил.

— Не только лессеферизм Спенсера, но и библию капиталистов «Богатство народов» Адама Смита обосновывают борьбой за выживание Дарвина. Свободный рынок как социальные джунгли, а конкуренция как борьба за выживание в этих джунглях. Вообще, вся философия разумного эгоизма и индивидуализма в его противопоставлении коллективизму нашла себе, научное, так сказать обоснование в дарвинизме. И прежде всего по этой причине стала катехизисом консерваторов. Интересно другое. Поппер, который считает себя защитником индивидуализма свободного общества против «племенного духа» тоталитарных обществ отказывается рассматривать лессеферизм как всеобщей экономической конкуренции как свободное общество. Он пишет о «парадоксе свободы» в «Открытом обществе»: что дескать полная экономическая свобода приводит к несвободе, так как экономически более сильные порабощают более слабых. Но это ведь именно то, что защищают консерваторы: неравенство из честной и естественной борьбы! А Поппер пишет нет, нам не надо такой свободы, и вводит государственное регулирование, от которого так открещиваются консерваторы лессеферизма.

— Да это только либертарианцы открещиваются, это они за невидимую руку Адама Смита стоят. Но ведь известно, что дарвинизм лежит в основе не только теорий борьбы индивидов, как лессеферизм, но и теорий государственного социализма, таких как национал-социа-

лизм или диктатура пролетариата Маркса. Просто здесь вместо индивида становится нация или класс, а отношения господства и подчинения, вечной борьбы и войны, которые проповедует дарвинизм остаются — сказала я. — Вот смотри, что пишет по этому поводу Википедия:

«Элементы социал-дарвинистской теории используются различными консервативными движениями, сторонниками лессеферизма и милитаризма. В своих крайних проявлениях социал-дарвинизм служит основанием евгеники и расизма. Социал-дарвинисты в своих учениях часто использовали мальтузианство, а также положения евгеники для обоснования превосходства наследственных свойств господствующих классов, групп или рас.

В Соединенных Штатах писатели и мыслители золотого века, такие как Эдвард Л. Юмэнс, Уильям Грэм Самнер, Джон Фиск, Джон В. Бёрджесс и другие развивали собственные теории социальной эволюции в результате воздействия на них работ Дарвина и Спенсера. В 1883 Самнер издал очень авторитетную брошюру, названную, «Что социальные классы должны друг другу?», в которой Самнер настаивал на том, что социальные классы ничего не должны друг другу. Самнер синтезируя идеи Дарвина с идеями капитализма свободного предпринимательства для оправдания этого капитализма. Согласно Самнеру, те, кто чувствует потребность помочь людям, не способным конкурировать за ресурсы, приведет свою страну к положению, где слабые и худшие люди будут размножаться быстрее сильных и лучших людей. В конечном счете, это ослабляет страну. Самнер также верил, что самым лучшим человеком, способным выиграть борьбу за существование, является американский бизнесмен. Самнер пришёл к заключению, что государственные налоги и предписания угрожают выживанию этого бизнесмена. Значительное большинство американских бизнесменов от-

вергло заявления Самнера, направленные против филантропии. Вместо этого эти бизнесмены давали миллионы долларов, чтобы построить школы, колледжи, больницы, художественные галереи, парки и т. д.. Эндрю Карнеги, который восхищался Спенсером, был ведущим филантропом в мире и крупным лидером, выступавшим против империализма и войны.

Трудность в установлении разумного и последовательного использования этого термина состоит в том, что принадлежность естественного отбора и выживания сильнейшего к области биологии не имеет ничего общего с социологией или политологией. Социальный дарвинист может с большим успехом оказаться как защитником такой теории, как Laissez-faire, сторонники которой настаивают на минимальном вмешательстве государства в экономику), так и защитником такой теории, как государственный социализм. Социальный дарвинист может оказаться как защитником империализма, так и защитником евгеники внутри собственной страны..

Социальный дарвинизм использовался, главным образом, в либеральных обществах, где индивидуализм оказался преобладающей точкой зрения. Сторонники социального дарвинизма считали, что прогресс общества будет способствовать индивидуалистической конкуренции. Другая форма социального дарвинизма была частью идеологических основ нацизма и других фашистских движений. Эта форма не предлагала выживание сильнейшего как социальный заказ для общества, а скорее оправдывала тип расовой и национальной борьбы, где государство направляло человеческое размножение через евгенику. Например, представители такого теоретического направления, как «дарвинистский коллективизм» отделяли свои взгляды от индивидуалистического типа социального дарвинизма.

Некоторые доктрины 19 века, впоследствии описанные как социальный дарвинизм, кажется, ожидали, что

государство будет поддерживать евгенику и расовые теории нацизма. Критики часто связывали развитие идей Чарльза Дарвина и социальный дарвинизм с расизмом, национализмом, империализмом и евгеникой, утверждая, что социальный дарвинизм стал одним из столпов фашизма и нацистской идеологии. Критики часто утверждали, что последствия применения политики «искусственного отбора» с помощью концентрационных лагерей и газовых камер в нацистской Германии, в конечном счете, настроили людей против теории социал-дарвинизма. Как упомянуто выше, социальный дарвинизм часто был связан с национализмом и империализмом. Во время эпохи нового Империализма, концепция эволюции оправдывала эксплуатацию «низших рас высшими расами без всякого закона». Элиты и сильные страны были составлены из белых людей, которые были успешными при расширении их империй и таким образом, эти сильные страны должны были выжить в борьбе за господство. С таким отношением к жителям колоний, европейцы, за исключением христианских миссионеров, редко принимали обычаи и языки местных жителей, входящих в их империи».

— Все верно, и либертарианцы и нацисты и марксисты — все одинаково обязаны дарвинизму. Тем труднее будет с ним бороться. Однако, до дарвинизма консерваторы делали ставку на религию, причем религию тайны и откровения, на догму и мистику, которые мешают думать. Как только Реформация протестантов стала препятствовать превращению христианства в такую магию мистики и ритуалов, Лойола со своим орденом Иезуитов начал КонтрРеформацию для борьбы за поддержку тронов по всему миру. Вспомнить хотя бы войну протестантской армии Кромвеля с иезуитским воинством Карла Первого. Что общего между магией и дарвинизмом, которые предпочитают консерваторы? То, что они

оба одинаково далеки от науки. И заметь, они прекрасно уживаются в современном обществе.

Вот смотри, что пишет на эту тему Википедия:

«Сторонники современного сатанизма описывают себя как сторонников социального дарвинизма и евгеники. Сатанинская Библия создана Антоном Ла-Вей, основателем церкви Сатанизма в XX веке. Социал-дарвинистские идеи представлены всюду в этой Библии, Антон Шандор Ла-Вей описывает сатанизм как «религию, основанную на универсальных чертах человека», и люди описаны в его Библии как всецело плотские и как животные. Каждый из семи смертельных грехов описан им как естественный инстинкт человека и таким образом оправдан. Идеи социального дарвинизма имеют особое значение в книге Сатаны, где Ла-Вей использует идею Рагнара Редбёрда: «Сила есть право», хотя эту идею можно найти повсюду в ссылках на врожденную силу человека и инстинкт самосохранения. Сатанизм Ла-Вея есть «обобщение Маккиавелевского личного интереса». Интернет-страница Церкви Сатаны озаглавлена «Сатанизм: Религия, которую боятся». Питер Гилмор писал: «... современный Сатанизм [...] есть зверская религия элитизма и социального дарвинизма, которая стремится восстановить господство сильного человека над идиотами...». «Сатанисты стремятся усилить естественное право, требуя содействовать практике евгеники».

Нет, в этом нет противоречия или парадокса. Консерваторы мистики с архаичным сознанием войны, господства и подчинения: все это предлагает в равной мере догмы мистиков и борьба всех против всех дарвинизма. И даже то, что они не чувствительны к противоречию, тоже вполне в рамках закономерностей мистического сознания. Взять хотя бы современный консерватизм путинского режима в России: как органично сочетаются

в нем старое ортодоксальное православие, с которым воевал Толстой (подобно тому как протестанты воевали с католиками) марксизм-ленинизм в поклонении Сталину или мифологизация истории советской России.

Мы вместе улетели в Корнелл, где нас встретили наши друзья в полном составе.

Глава 8. Предательство интеллектуалов

Настоящая битва началась только в тот год, когда мы официально объявили о своей борьбе со старой парадигмой. Мы противопоставили рационализм эмпиризму, и заявили о полной непригодности теории происхождения человека Дарвина, как основы социальных наук. Эта борьба с новой парадигмой и стала основой нашего научного и политического сообщества. Взвесив все «за» и «против» мы остановились на названии «Церковь Рационализма», которое наиболее полно выражало существо нашего общества:

- как противостояния Эмпиризму
- как противостояния Биологизму и Экономизму
- как противостояния Дарвинизму
- как противостояния Догме.

Мы противопоставили эмпиризму — рационализм, биологизму Дарвина — теорию психической энергии, догме религий — метафизику законов природы. В этом и состояла суть церкви рационализма. Девизом церкви рационализма мы взяли слова Эйнштейна: «Мы глубоко религиозные неверующие. Вот такая новая религия»

«Ученый чувствует, что все вокруг связано цепью причин и следствий... Его религиозное чувство принимает фор-

му восхищения и восторга перед гармонией законов природы, в которых ему открывается интеллект такой силы и высоты, что в сравнении с ним ничтожными выглядят все систематическое мышление и деятельность человечества. Несомненно это чувство очень близко тому, что испытывали религиозные гении всех эпох.

Всякий кто серьезно занят научным поиском, приходит к убеждению, что в законах, правящих вселенной, проявляет себя некий дух, стоящий бесконечно выше человека... Таким образом, научный поиск ведет к особого рода религиозному чувству, весьма отличному от религиозности людей более наивных.

К религиозной сфере принадлежит вера в возможность того, что правила нашего мира рациональны, то есть умопостижимы. Не могу вообразить себе подлинного ученого, обходящегося без такой веры.

Основной источник современных конфликтов между религией и наукой — представление о личном Боге.

Чем дальше продвигается духовное развитие человечества, тем, на мой взгляд, становится яснее, что путь к истинной религиозности проходит не через страх перед жизнью, не через страх перед смертью, не через слепую веру, а через стремление к рациональному знанию.

Не знаю лучшего слова, чем «религиозность», для уверенности в рациональной природе реальности, постольку поскольку она постижима для человеческого разума. Там, где это чувство отсутствует, наука деградирует до плоского и бездушного эмпиризма.

Я глубоко религиозный неверующий... Вот такая новая религия» А.

Эйнштейн Цитаты и афоризмы

Большую помощь нам оказала находка Гии и Флер, которые привезли с собой из Франции книгу 1946 года издания Жюльена Бенды «Предательство интеллектуалов».

«Поистине губительным было влияние Леви-Стросса, заявившего, что он будет сражаться против иерархической классификации культурных различий и против „ложной“ антиномии логического и пралогического мышления».

Однако, наши сторонники в Корнелле не спешили перенимать нашу новую символику. Они не были готовы к такой радикальной научной революции, предпочитая оставаться в рамках литературной борьбы «Сэлинджеров» с набоковцами из «Черепов». Визинарные компании, которые поддержали нашу идею об организации широкого левого политического течения, тоже не были готовы к программе этого течения как радикальной научной революции. Однако, некоторые проявили большой интерес, остальные заняли выжидательную позицию. Мы должны были доказать, что мы способны действительно открыть новый фронт в науке, противопоставив дарвинизму теорию психической энергии. Что эта идея не является плодом нашей фантазии и амбиций юношеского максимализма, и мы способны обосновать выдвигаемые нами тезисы. Это было справедливо и мы, забыв о своей социальной и политической поддержке, просто засели за свою научную работу.

Затем мы все вместе написали речь, которая должна была стать преддверием манифеста нашего сообщества, и напечатали ее в СМИ университета. Ричард прочитал ее по радио:

— Нас лишили знаний. Нас лишили науки. И, следовательно, нас лишили свободы. Потому что свобода — это знание о себе и об окружающем мире, знание, которое позволяет нам контролировать наши отношения с окружающим миром.

Платон говорил наш мир есть копия другого идеального мира, мира идей, знание которого скажет нам все

и о нашем мире. Дельфийские оракулы говорили «Познай самого себя». Античный мир понимал под наукой метафизику законов природы, которая и была так живо представлена в философии Платона. Законы природы как мир идей, как источник нашего материального мира. Эта метафизика очень далека от догм откровения религиозного мышления. Ее еще называют деизмом, противопоставляя теизму догматиков и мистиков. Деистами были не только Парменид, Пифагор, Сократ, Платон, но и Декарт, Спиноза, Лейбниц, Ньютон, Эйнштейн, Максвелл, Фарадей, Тома Пейн и многие другие ученые. Например, Френсис Бэкон, Джон Локк или Джон Беркли, которых традиция относит к эмпирикам. Однако, они все прямо говорят о метафизике законов природы.

Эти ученые утверждали что мир идей Платона в самом деле существует, и эти идеи есть законы природы, в существовании которых мы убеждаемся опытным путем каждый день, включая компьютеры, пользуясь телефонами, путешествуя на автомобилях, поездах и самолетах. В отличии от религий откровения, которые называют богом, идеей и духом догмы своих священных писаний, законы природы всегда можно проверить опытом, контролем на практике открытых энергий. Догма может быть вымыслом и часто является таковым. Закон природы, как говорил Томас Пейн в «Веке Разума», вот единственное слово Божье, которое говорит с нами во всем нашем взаимодействии с природой, узнается из природы и проверяется нашим контактом с природой.

Философия Платона, Декарта, Спинозы, Эйнштейна — это то, что мы привыкли называть Рационализмом, то есть учением о мире идей, о законах природы как метафизике, лежащей в основе природного мира.

Однако, есть другая философия, которую представляют такие известные мыслители как Томас Гоббс, Давид Юм, Иммануил Кант, Огюст Конт, Карл Поппер и мно-

гие другие. Это философия эмпиризма. Она, как известно, отрицает существование законов природы. Отрицает мир идей Платона, отрицает метафизику двух миров: интеллектуального и материального. Эмпирики признают только один материальный мир, в котором нет места интеллекту законов природы. То, что физика, химия и биология называет законами природы, эмпирики называют «регулярностями», которые сегодня существуют, а завтра могут прекратить существовать. Считается, что Юм доказал, что поскольку причинные связи законов нельзя наблюдать органами чувств, нельзя доказать, что эти связи необходимы, то и законов никаких нет, есть только наше воображение, которое придает этим связям статус законности. Юма поддержал Кант, создав критическую философию. А Канта поддержал Конт, создатель позитивизма. Их всех вместе поддержал Карл Поппер. Так получилась противоположная рационализму теория познания — эмпиризм, существо которой сводится к тому, что поскольку законов природы нет, то нет и истины, и сам процесс познания только иллюзия или временное наблюдение опыта.

Эйнштейн писал, что ни один настоящий ученый не может не чувствовать этого природного детерминизма, этой метафизики интеллекта, управляющей нашей вселенной. Но не в этом суть.

Суть в том, что эмпиризм напрочь заблокировали социальные науки, поскольку извлекли сознание, дух человека из объектов научного исследования. Но ведь именно сознание составляет существо человека. Сегодня социальные науки представляют теории дарвинизма, позитивизма, фрейдизма, бихевиоризма, марксизма, лессеферизма. Все эти теории исключают из своего предмета изучения сознание или дух, как его принято было понимать в традиции философии до победы эмпиризма. Дарвинизм представил человека как разновид-

ность животного, которое имеет количественные, но не качественные отличия с «царством животных». Интеллект в его интерпретации всего лишь служанка тела (как когда-то был «служанкой богословия» у схоластов), способ адаптации организма к окружающей среде, преобладающий у человека, тогда как у животных преобладают когти, челюсти или мышцы. Фрейд тоже рассматривает человека как «зверя» с его животными инстинктами, которые всегда просятся наружу в инстинктах жизни и смерти, где все поставлено на службу сексуальному голоду, и разум превращается в служанку секса. Бихевиоризм Павлова и Скиннера тоже сводит психику человека к условным и безусловным рефлексам животного. Позитивизм Конта как известно на место психологии поставил френологию, исключив вообще психологию из своей иерархии наук. Джон Милль писал в своей книге о позитивизме Конта, что ему стыдно говорить о том, что Конт противопоставил френологию психологии. «Он ничего не сделал для изучения духа», — заключает Милль. Марксизм-ленинизм также называет сознание «функцией мозга», сводя подобно всем дарвинистам сознание человека к высшей нервной системе животного.

Кант, признает сознание, как дух, независимый от тела. Но отказавшись признавать интеллект, законы природы, он возвращается в религиозную мистику, поскольку его сознание это уже не мышление открывающее законы природы, как это имеет место у рационалистов, а всего лишь мистика абсолютной свободы воли, которая сама себе придумывает и предписывает законы, «законотворчествует». И конечно такая мистика превращается в догмы откровения, как всегда имеет место в религиозном сознании. Особенно ярко это проявится у последователей Канта: Фихте, Гегеля, Ницше, Шопенгауэра, Маркса, Сартра, и других ми-

стиков и представителей философии антиинтеллектуализма.

Так, эмпиризм оставил нас без сознания, без науки об обществе, без научного контроля в обществе. Гордон Олпорт писал, что позитивизм сделал теорию личности в психологии непрестижной, лишив ее научного статуса, извлекая тем самым изучение личности из психологии. Гордон Олпорт последователь гуманистической психологии подобно Фромму, Маслоу, Хорни м другим ученым, чьи труды не могут получить своего завершения в рамках эмпиризма дарвиновской парадигмы.

Кризис в теории познания, который наступил с победой эмпиризма, не только лишил нас науки, знаний, истины. Этот кризис стал источником хаоса множественных гипотез, которые отрицают друг друга. Этот хаос подается нам как преимущество «свободы мнений», однако свободу дает знание истины, потому что знание дает контроль. Хаос теорий, отрицающих друг друга, отнимает и силы и свободу, дезориентируя нас. Более того, кризис в теории познания стал источником ложных теорий, которые привели к величайшим трагедиям двадцатого века: Холокосту и ГУЛАГу.

Целый ряд ученых представил исследования о непосредственном влиянии теории происхождения человека Дарвина на национал-социализм Гитлера. Также Маркс прямо писал Энгельсу, что дарвинизм составляет существо и основу и его теорию смертельной борьбы классов.

Жюльен Бенда в известной книге «Предательство интеллектуалов» пишет о том, что победа эмпиризма над рационализмом уничтожила разум и истину заменив их на множество иррациональных теорий. Тем самым эта победа уничтожила и нравственность, мораль как вечные метафизические ценности заменив их на относительные ценности, которые прямо оправдывают зло. Все вместе это привело к примату силы над разумом, к подчинению

ученых и интеллигенции военному правительству, к победе милитаризма над демократией, к колоссальным войнам. О том же пишет Альбер Камю в «Бунтующем человеке». Общей природе человека, выражающие абсолютные вневременные трансцендентные ценности нравственности предпочли субъективизм относительных ценностей, относительной этики, которые проповедуют доминирование силы, убийство и войну. Национализм и классизм Гегеля, Барреса, Сореля, Ницше, Маркса привели ко второй мировой войне. Оба автора особенно подчеркивают влияние иррациональной философии Гегеля, Маркса, Ницше. Камю пишет о Саде и сюрреализме Бретона, Бенда пишет о Барресе, Сореле, Бергсоне, философию которого он отождествляет с иррационализмом Маркса. Нации и классы — обострение вражды групп, противопоставление индивидов и групп вместо подчеркивания общих ценностей, общей метафизической этики человечества, ее абсолютного характера, который вне времени и пространства.

Однако, традицию эмпиризма продолжает Мишель Фуко, который спустя всего 10—20 лет после этих двух своих соотечественников рационалистов (Бенда и Камю) пишет книгу «История безумия» в которой, герои и антигерои оказываются поменяны местами. Теперь герои Ницше и маркиз де Сад, Маркс и Гегель, а антигерои — Декарт и все прочие рационалисты, которые говорили о законах природы, об объективном знании, об абсолютных ценностях этике, об общей природе человека. Истина исчезает между совершенно противоположными теориями, которые не просто не доказаны, но недоказанность и недоказуемость которых возводится в принцип. Мы восстаем против этого принципа. Мы утверждаем, что истинность позиции Бенды и Камю можно и нужно доказать.

Существо победы эмпиризма над рационализмом вполне выражено в книгах Бенды и Камю. Но они

не упоминают Дарвина, который и для этих бунтующих ученых, смело заявивших о предательстве интеллектуалов своего времени, оказывается табу.

Между тем, дарвинизм является самым мощным и самым вредоносным следствием победы эмпиризма над рационализмом. Дарвинизм отказывается признавать природу человека, которая для Дарвина всегда в процессе становления, как Дух у Гегеля и потому никогда неизвестно чем тот и другой являются. Отсутствует принцип тождества как называет этот «динамизм» Бенда.

Рационализм напротив утверждает закономерности человеческой природы, которые просто разворачиваются в историческом процессе. Мы уже говорили об этих закономерностях, как двух полях психики: поле эгосистемы, ответственное за мистику и войны, и поле интеллекта, ответственное за науку и продуктивный труд. Мы утверждаем, что то, что Дарвин называет естественной борьбой за выживание у людей, в отличие от животных, является проявлением патологии поля Эгосистемы. И потому не может быть никаким локомотивов или даже стимулом прогресса, но прямо противоположно все здоровым, творческим прогрессивным силам в человеке. Об этом писали Бертран Рассел, Джон Милль, Огюст Конт, Руссо, Кропоткин и многие другие.

Напротив, прогрессивной силой человека является его интеллект, который работоспособен только в сотрудничестве, в доверии. Это поле совести и сочувствия, которое объединяет людей. И именно страсть к познанию и контролю в основе продуктивного труда, но никак не состязательность как инстинкты борьбы и не алчность как пищевые инстинкты. Интеллектуальный голод — это самостоятельный вид голода, который не сводится к пищевому или сексуальному, как думали Фрейд и Дарвин. И часто, чтобы удовлетворить голод интеллекта, свою потребность в истине, они прямо шли

на смерть, то есть против пищевого и сексуального голода организма»

Трудно сказать какой скандал подняла наша статья в университете. Кто-то был возмущен до глубины души, кто-то откровенно смеялся, кто-то называл нас коммунистами, другие говорили, что мы посягнули на святая святых — принцип множества истин, заявив о предательстве интеллектуалов.

«Черепа» выступили в прессе, обвинив нас в посягательстве на святая святых либерального мира, на свободный рынок и частное предпринимательство. Они писали о том, что дарвинизм составляет неотъемлемую часть капиталистической культуры, составляя идеологический базис для ее экономических и политических теорий. Со времен Хайека и Мизеса, писали они, известно, что национали-социализм Гитлера и марксизм-ленинизм объединяет вовсе не дарвинизм, а именно плановая экономика, общественная собственность. Они называли нас новыми коммунистами, которые лицемерят о том, что им не интересна экономика. И Гитлер и Маркс не терпели инокомыслящих, говорили они, и тот факт, что мы называем признанных мыслителей предателями интеллектуалов только за то, что они выразили свою точку зрения, обогатили философию, науку, культуру своей оригинальной мыслью выдает в нас будущих диктаторов, последователей и проводников тоталитарной культуры. Множество истин составляет костяк, фундаментов нашего либерального общества. Вспомните наконец эпистемологию Карла Поппера, писали они. Разве его принцип фальсификации теорий не есть дарвиновский принцип выживания сильнейшего, примененный к теории познания? Много теорий борются между собой, критикуют друг друга и остается, выживает только та, которую не смогли фальсифицировать. И то, до поры, пока не найдется более сильная,

более неуязвимая теория, которая сметет и эту. Разве вы видите где-то у Карла Поппера поиски единой истины? Он говорит, что только множество истин гарантируют нас от догмы? Поппер, пишут они далее, столп либеральной культуры, который прямо выступил за радикальный индивидуализм и против коллективизма «племенного духа» социализма.

Наконец, другие столпы нашей культуры — Айн Рэнд и Герберт Спенсер. Всем известна «Добродетель эгоизма» Айн Рэнд-Розембаум, разумный эгоизм индивида, который она противопоставляет жертвенности социализма. Герберт Спенсер, соединивший позитивизм Конта и теорию происхождения человека Дарвина, является великим гуманистом нашего времени. Кто после этого осмелится заявить, что какое-то там «поле Эгосистемы» — это источник патологии, а не двигатель прогресса? Разве что экстрасенс, заканчивалась статья, но ученый не стал бы нести такого абсурда. Или красный экстрасенс»

Эта статья «Черепов» имела большой успех. Над теорией ПЭ откровенно потешались. Мы сделали своим девизом тождество Маркса, Дарвина и Гитлера, написав под их портретами: «Если A = B, а B = C, то A = C.». То есть если Дарвин породил учение Маркса, и он же в основе учения расизма Гитлера, то именно биологизм Дарвина объединяет Маркса и Гитлера, стирая в нигилизме все понятия о духе и о морали. Антигуманизм берет начало в стирании человеческой природы в дарвинизме, и оба последователя Дарвина продемонстрировали это с наглядной убедительностью. «Биологизм убивает социальную науку!»

«Черепа» выбрали другой лозунг. Они тоже поставили в центр Дарвина, но окружили его Адамом Смитом, Гербертом Спенсером и Айн Рэнд. «Добродетель эгоизма — это свобода!», стало их девизом. Тем временем, они позаботились о том, чтобы в прессе деятельность нашей орга-

низации постоянно сопровождалась параллелями с марксизмом, с коммунизмом, с красной заразой, с фашизмом и тоталитаризмом, одновременно измываясь над «новыми красными экстрасенсами», как они нас прозвали. Мы теряли своих сторонников на глазах, а академические круги по прежнему отказывались начинать с нами научную дискуссию на защиту диссертации по теме психической энергии.

«Селинджеры» нашли что ответить «Черепам» вдохнув в нас новые силы, когда мы уже было совсем расстроились. Они подняли новые плакаты с высказыванием Поппера о парадоксе экономической свободы, которая сама себя упраздняет и написали: «Поппер против либертарианцев! Поппер за социальную инженерию и государственную интервенцию!» Вот это высказывание Поппера:

«Парадокс свободы в том, что свобода сама себя упраздняет, если она не ограничена. Неограниченная свобода означает, что сильный человек свободен запугать того, кто слабее, и лишить его свободы. Именно поэтому мы требуем такого ограничения свободы государством, при котором свобода каждого человека защищена законом. Никто не должен жить за счет милосердия других, все должны иметь право на защиту со стороны государства.

Даже если государство защищает своих граждан от запугивания физическим насилием (как оно, в принципе, делает в системе не ограниченного законодательно капитализма), наши цели могут оказаться недостижимыми из-за неспособности государства защитить граждан от злоупотребления экономической властью. В таком государстве экономически сильный все еще свободен запугивать того, кто экономически слаб, и может отнять у него свободу. В этих условиях «неограниченная экономическая свобода может быть столь же саморазрушающей, сколь и неограниченная физическая свобода, и экономиче-

ская сила может быть почти так же опасна, как и физическое насилие»

Карл Поппер Открытое общество и его враги

Вспомнили и том, как резко отрицательно относилась Айн Рэнд к консерваторам Либертарианской партии, заявившим, что без нее, не было бы их движения:

«Либертарианцы крадут мои идеи, мешают их с совершенной противоположностью — религиозным фанатизмом, анархизмом и другими несуразицами, — а потом называют себя либертарианцами и претендуют на президентское кресло. Это худшее надругательство над идеями и философией рационализма. Я отвергаю гнусный лозунг „цель оправдывает средства“. Нельзя достичь хорошего дурными средствами. Наконец, либертарианцы не заслуживают звания „средства“ ни для какой цели, и уж тем более для цели распространения объективизма»

Бостон, Форум Форд-холла, 1976, 1981

Но не это позабавило нас больше всего, а тот лозунг, который они взяли непосредственно из «Над пропастью во ржи» Селинджера, где Холден Калфилд смеется над своим учителем, который говорит, что жизнь это игра по правилам: «Игра, мой зад. Для кого-то игра. Если все фишки на вашей стороне, то игра будет, я готов признать. Но если вы на другой стороне, где нет никаких фишек, тогда в чем игра? Ни в чем. Нет игры!»

Впрочем, это действительно была только игра не имевшая к нашим амбициям сменить парадигму никакого отношения. Серьезным препятствием была реакция профессоров. Академические круги университета отказывались допускать нас к защите диссертации, коллективным автором которой, мы все являлись. Нам говорили, что эта работа не может быть признана научной,

так как понятие «психической энергии» не попадает под определение объекта научного исследования.

— Вы же понимаете, — говорили нам, — что объект научного исследования должен быть доступен опытному наблюдению. Нет такого факта, такого эмпирического опыта как психическая энергия. Нет такого объекта научного исследования как сознание или дух. Вы знаете, философия предлагает подобные темы для диссертаций, но только не социальная наука. Нам нужен эмпирический материал.

Они изучают мозг, условные рефлексы, половое влечение, борьбу за выживание животных, чтобы изучить сознание человека, потому что это вещество, которое можно потрогать.

— Но ведь когда Максвелл написал свои уравнения электромагнитных волн, ему тоже никто не поверил, что такие волны действительно есть. Он вычислил их чисто теоретически. Только спустя несколько десятков лет Герц провел серию экспериментов, доказав его правоту. В нашем случае такие эксперименты уже есть. Это эксперименты Стенли Милграма на Подчинение авторитету, проведенные в Йельском университете.

К тому же не мы вводим понятие психической энергии в научный оборот. Им активно пользовался уже Фрейд. Именно Фрейд открыл поле Эгосистемы, не мы. Именно Фрейд собрал множество эмпирических фактов из каждодневного опыта общения с пациентами. Гуманистическая психология не опровергает его открытия поля Эгосистемы, хоть опровергает его интерпретацию этого поля.

В свою очередь о двух полях психики говорит именно гуманистическая психология: истинное и ложное Эго. Почему вы считаете такую размытую формулировку, как «два Я» более научной, чем два поля психики. Ведь мы полностью основываем нашу теорию на материалах ис-

следований гуманистической психологии, в частности исследования самоактуалов Абрахама Маслоу?

Так мы препирались очень долго, нашу теорию психической энергии не хотели принимать всерьез. Тот факт, что она наносила решающий удар по дарвинизму, означал научную революцию и смену парадигмы, к чему наши профессорские круги оказались совсем не готовы. Не знаю, чем бы все это закончилось, если бы мы не вышли на Ричарда Вейкерта, историка в университете Калифорнии и старшего научного сотрудника в Центре науки и культуры института Дискавери, который также был весьма воинственно настроен к дарвиновской парадигме: и по причине ее связи с расизмом Гитлера и по причине того, что предпочитали позицию рационализма. Вот только некоторые книги, которые мы нашли у них сайте о связи теорий Дарвина и Гитлера.

«Darwin and Hitler: In Their Own Words,» Benjamin Wiker, Human Events, May 5, 2008.

«Was It Immoral for «Expelled' to Connect Darwinism and Nazi Racism?» Richard Weikart, Discovery Institute, May 2, 2008.

«Connecting Hitler and Darwin,» David Berlinski, Human Events, April 19, 2008.

«Think about the Connection between Hitler and Darwin,» David Klinghoffer, Jewcy.com, April 18, 2008.

«Don't Doubt It,» David Klinghoffer, National Review Online, April 18, 2008.

«Darwin and the Nazis,» Richard Weikart, The American Spectator, April 16, 2008.

Hannah Arendt «*The Origins of Totalitarianism» 1951* wrote:

Поддержка этих замечательный ученых из института Дискавери решила вопрос в нашу пользу. И нас допустили к защите диссертации. Тут же перед нами встал следующий серьезный вопрос: на каком опытном материале

защищать диссертацию? Мы не были действующими психологами, подобно Фрейду или Маслоу, которым понадобились годы, чтобы собрать свой фактический материал. Эксперименты Милграма уже так нашумели, что вряд ли в Америке найдутся наивными для их повторения (ведь важно чтобы они не знали, что вместо «испытуемых» актеры). Мы предлагали проанализировать биографии и автобиографии великих мыслителей и художников, чтобы продолжить исследование Маслоу о синдроме самоактуалов, но нам отказали на том основании, что нужна работа с печатными источниками не является фактами в полном смысле слова. Мы не были согласны, но нам пришлось подчиниться. И вот, когда мы уже совсем опустили руки, Джеймс опять вспомнил о своих визинарных компаниях.

— Ну конечно, — сказал он, вскакивая на ноги, — как же я раньше не подумал! Ведь Порас и Коллинз настаивают на том, что произвели открытие! Что они нашли общие закономерности построения визинарных компаний. Чтобы вы думали в основе этих закономерностей? Да, да, да! Отказ от эгоцентризма, и посвящение себя делу, прямо как у самоактуалов Маслоу. Там сходство во всем! Нам только остается провести параллели и доказать что синдром самоактуалов Маслоу и синдром визинарных компаний — это одни и те же закономерности психической энергии! И самое главное, менеджеры этих компаний не печатный факт, а живые люди и всегда доступны к общения с нами!

Так мы защитили свою диссертацию. Победа наша была блестящей. «Черепа» были просто уничтожены нашей защитой. Ведь образ коммунистов, которые они так настырно нам навязывали, никак не вязался с самыми успешными в мире компаниями, ставшими опытным материалом нашего исследования. Но мы не остановились на этом. Мы написали статью, в которой доказали, что

не только визинарные компании будучи левыми ничего общего не имеют с коммунизмом, но и люди, которых «Черепа» пытались представить как авторитетов дарвинизма — Айн Рэнд и Герберт Спенсер были на нашей стороне.

Мы назвали нашу статью «Свобода — это знания», и начали с известного определения Спинозы: Свобода есть осознанная необходимость.

«Свобода — это знание!

Спиноза говорил, что свобода есть осознанная необходимость, потому что будучи рационалистом признавал метафизику истины, трансцендентность законов природы. Камю, который также отказался от экзистенциализма Сартра в пользу рационализма тоже пишет в бунтующем человека об общих закономерностях природы человека, которые ограничивают его свободу. Человек действительно имеет доступ к свободе, поскольку имеет разум, мышление, активный интеллект, которых нет у других энергий природы. Он способен познавать закономерности природы и контролировать их. В том числе закономерности своей собственной природы. Это и есть его свобода — доступ к силам других энергий, который открывает мышление, контроль открытых закономерностей. Также и в отношении себя: познавая себя он тогда становится свободным, когда становится самим собой. Он избавляется от того чуждого в себе, что Спиноза вслед за Платоном называл аффектами, порожденными ложными представлениями, а гуманистические психологи «ложным эго», которое ведет к «Тирании Надо» (Хорни), к компульсии, к автоматизмам, навязчивым влечениям и расстроенной воле.

Интересно, что Айн Рэнд также говорит об этом, как один из видных защитников рационализма и объективизма. Она настаивает на существовании объективной

истины и смеется над субъективистами. Особенно над Кантом, который утверждал, что наше познание иллюзия, которую мы приписываем миру, говорит она. Влияние Канта в этой связи представляется ей хуже влияния Маркса. По тем же причинам она ненавидит философию Ницше. Так Айн Рэнд оказывается в лагере тех, кто осуждает интеллектуалов за их предательство истины, за потерю объективности в пользу относительных ценностей и приспособленчества прагматизма. По той же причине она всегда громко заявляла о том, что не имеет ничего общего с идеологами либертарианской партии Америки, которые напротив, считали ее столпом своей философии. Но ее высказывания об этом движении говорят сами за себя.

Точно также Карл Поппер не является частью либертарианского движения, о чем он прямо заявляет в своей книге «Открытое общество и его враги», где пишет о том, что экономическая свобода в условиях конкуренции рынка приводит к порабощению слабых, к «парадоксу свободы», которая сама себя упраздняет. Он противопоставляет лессеферизму либертарианцев теорию государственной интервенции, государственного контроля экономики. Но окажется ли такой контроль эффективным, защитит ли граждан от самих себя, не превратится ли в государство в самостоятельную тиранию? Может быть лучше Попперу пересмотреть свою теорию познания? И перестать сравнивать процесс познания с выживанием животных? Потому что только наличие истины и знаний гарантирует свободу человека, его защиту от порока других и самого себя, в котором берет начало насилие всех видов. Хорошо об этом сказал Спенсер: тот кто раболепствует склонен и к тирании. Садомазохизм «ложного эго» у Фромма, или поля Эгосистемы, если пользоваться терминологией теории ПЭ.

И Айн Рэнд и Герберт Спенсер согласны в определении «дикого эгоизма» как порока и пути к погибели, который отрицает истинную природу человека, а потому его свободу и счастье. Айн Рэнд пишет о том, что человек который отказывается от истины, который не хочет делать усилий чтобы постигать объективную реальность, либо спит в своей иррациональности, либо подобно Ницше придумывает себе фантастический мир. И в том и в другом случае, он потерял себя. Поэтому «эгоизм» в ее понимании — это обретении себя в мышлении, в рационализме, в спинозовской свободе быть самим собой, узнавая свою настоящую природу через усилие рефлексии, через активность мышления. Она пишет, что вне рационального мышления, человек теряет себя и погружается в животное состояние силового противостояния с миром, которое уже есть гибель, уже есть потеря себя. Никоим образом, Айн Рэнд не уравнивает выживание животных с разумным существованием человека, всячески подчеркивая качественные (не количественные как у Дарвина) различия между человеком и животным.

Ее «добродетель эгоизма» — действительно добродетель, поскольку она разумеет под эгоизмом здоровье того, что гуманистические психологи называют «настоящим я» противопоставляя его «ложному эго». Фромм например, когда пишет о ложном эго говорит, что беда «эгоиста» не в том, что он слишком о себе заботится, а в том, что он напротив не умеет о себе заботится, что он потерял самого себя в садомазохизме. И Рэнд противопоставляет настоящее Я человека «жертвенности» союзов садомазохизма, где одни поглощают, а другие пожирают; в ее понимании и садист и мазохист потеряли себя, пожертвовав своим разумом иррациональности и перейдя в область насилия. В этом смысле рационализм Айн Рэнд примыкает к гуманизму всех рационалистов. Вот слова самой Айн Рэнд из ее сборника «Добродетель эгоизма»:

«Право *действовать в собственных разумных интересах применимо только в контексте рационального, объективно ясного и законного кодекса моральных принципов, который определяет и ограничивает его личный интерес. Эгоизм не означает «делать все, что угодно», и не имеет отношения к созданному этикой альтруизма образу «эгоистического» дикаря, равно как и к любому человеку, которым управляют иррациональные эмоции, чувства, побуждения, желания и прихоти.*

Все, сказанное мною выше, это предупреждения тем «ницшеанским эгоистам», которые на самом деле являются продуктом альтруистической морали и представляют собой другую сторону монеты альтруизма: это люди, которые считают, что любое действие, независимо от его сущности, должно считаться добром, если выполняется ради собственной выгоды. Точно также как не может быть критерием моральной ценности удовлетворение иррациональных желаний других людей, не может им быть и удовлетворение собственных иррациональных желаний. Подобную ошибку совершает и тот, кто заявляет что поскольку человек должен судить обо всем самостоятельно и независимо, значит все что он делает морально, если он сам делает такой выбор.

Что требуется для его выживания определенно его природой и неподвластно его выбору. Во власти человека только одно: решить будет ли он пытаться узнать, что именно ему требуется, выберет ли он нужные цели и ценности, или нет. Он свободен сделать неверный выбор, но не свободен достичь при этом успеха. Он свободен бежать от реальности, распылить свое мышление и слепо спотыкаясь, следовать любой дорогой, какой захочет, но он не сможет избежать бездны, которую он отказывается видеть.

Грех грабителя заключается не в том, что он преследует собственные интересы, в том, что именно он считает

своими интересами; не в самом факте руководства личными понятиями о ценностях, а в том каковы эти ценности;, не в том, что он хочет выжить, а в том, что он хочет существовать на недочеловеческом уровне.

Самопожертвование означает жертвование разумом, более того, оно не может означать ничего другого.

В психологическом смысле выбор «думать или не думать» это выбор «фокусировать или не фокусировать свое мышление». В экзистенциальном смысле выбор «фокусировать или не фокусировать мышление» — это выбор «быть или не быть сознательным». В метафизическом смысле, выбор «быть или не быть сознательным» — это выбор между жизнью и смертью. Для человека основным средством выживания является разум. Человек не может выжить подобно животным с помощью одной лишь способности к восприятию.

Рациональность — фундаментальная добродетель человека, источник всех прочих его положительных качеств. Главный человеческий грех — источник всех прочих грехов — это акт распыления мышления, остановки работы сознания: это не слепота, а нежелание видеть, не невежество, а нежелание знать. Иррациональность — это отказ от средств выживания, и следовательно подчинению процессу слепого разрушения; это выступление против разума и против жизни.

Добродетель Рациональности означает осознание и принятие разума как единственного источника знаний, единственного мерила и единственного руководства к действию.

Люди, которые пытаются выжить не при помощи разума, а при помощи силы, ведут себя как животные. Но если животное не могло бы выжить если бы действовало как растение, отказавшись от движения и рассчитывая, что почва сама его накормит, то и человек не может выжить отказавшись от разума и рассчитывая на людей производи-

телей как на добычу для себя. Такие агрессоры на какое-то время могут добиться своего ценой уничтожения — как своих жертв, так и себя.

Человек не может выжить если будет подобно животному руководствоваться только текущим моментом. Выбрать для себя направление движения, цели и ценности в контексте и в масштабе всей жизни — в этом смысл определения «то что требуется человеку, чтобы выжить в качестве человека». Это не означает сиюминутного физического выживания. Это не означает сиюминутного выживания неразумного дикаря, который ждет когда другой дикарь раскроит ему череп. Это не означает сиюминутного физического выживания пресмыкающейся совокупности мышц, готовой принять любые условия, подчиниться любому бандиту и отказаться от любых ценностей ради того, что называют «выживание любой ценой», которое может продолжаться, а может и не продолжаться неделю или год. «выживание человека в качестве человека» подразумевает условия, способы, факторы, и цели, необходимые для выживания разумного существа на протяжении всего срока его жизни и во всех сферах существования, открытых для его выбора.

Человек не может выжить не будучи человеком. Он может отказаться от своих средств выживания, от своего мышления, он может превратить себя в недочеловеческое создание и может превратить свою жизнь в короткий период агонии, подобно тому как его тело какое то время может существовать в процессе разрушения болезнью. Но в качестве недочеловека он не может достичь успеха ни в чем, кроме недочеловеческого состояния, как было продемонстрировано в отвратительные исторические периоды антирационализма»

Добродетель эгоизма Рэнд

Еще меньше оправдывает «дикий эгоизм» Герберт Спенсер в смысле дарвиновского учения выживания

сильнейших в животном мире. Спенсер пишет об эгоизме представителей архаичных военных обществ в точности в соответствии с патологическим синдром «ложного эго» у гуманистических психологов, или полем Эгосистемы в теории ПЭ. Вот его собственные слова в «Социальной статике»:

«Постоянно можно наблюдать, как для дикого эгоизма необходим соответствующий размер обожания силы. Такое чувство, служащее противовесом антиобщественности, заключается в обожании власти. Это чувство заставляет людей преклоняться перед проявлениями силы и подчиняться ей, в ком бы она ни проявлялась — в родоначальнике, феодальном владельце, короле или конституционном правительстве. Мы предположили, что уважение к авторитету пропорционально варварству членов общины и соразмерно с недостатком нравственного чувства, со стремлением искать для себя удовлетворения за счет ближнего. По каким признакам узнаем мы недостаток нравственного чувства? На первом месте тут стоит невнимание к человеческой жизни; затем частые покушения на человеческую свободу; далее — воровство и однородная с ним бесчестность. Если наше учение верно, то мы должны встречать все эти явления в самых значительных размерах именно там, где уважение к власти наиболее глубоко. И что ж? Не видим ли мы, в самом деле, что низкопоклонное подчинение деспотическому правлению процветает бок-о-бок с обычаем человеческих жертв, детоубийством и частыми покушениями на человеческую жизнь? Что нарушения свободы должны достигать наибольших размеров там, где уважение к власти всего значительнее, это само собой разумеется, так как рабство — учреждение, подающее повод к наибольшим нарушениям человеческой свободы, невозможно в среде, в которой обожание власти недостаточно сильно. Если бы влияние этого чувства не было крайне могущественно, то древние персияне не могли бы считать себя частною

собственностью своего государя. Всем известно, что готовность подчиняться всегда сопровождается страстью тиранизировать, и эта признанная истина служит лучшим доказательством связи раболепия с недостатком нравственного чувства. Сатрапы также господствовали над народом, как их царь господствовал над ними. Столь же многочисленны факты, убеждающие в том, что наклонность к воровству всегда связана с преобладанием чувства личной преданности. Записки путешественников показывают, что у племен, стоящих на низкой ступени цивилизации, бесчестность и воровство существуют рядом с безотчетною властью начальников. Среди более развитых народов встречается та же самая связь между бесчестностью и раболепием. Можно привести бесчисленное множество фактов в доказательство того, что при первобытных правительствах личность стесняется всего более и что стеснение это уменьшается по мере развития общества»

Спенсер Социальная статика

Можно наглядно видеть, что Спенсер полностью разделяет мнение Леви-Брюля о качественном различии двух типов мышления, и о том, что в первобытном обществе больше развито «ложное эго». Он дает то же определение его, что и гуманисты (Фром или Хорни): садомазохизм, преклонение перед силой, бессовестность, невежество и тп

В то же время, эволюцию Спенсер понимает не как вечный процесс борьбы за жизнь и выживания дикого эгоизма, который он презирает, а как качественное новое сознание, которое приведет к качественно новому обществу. Обществу, где раз и навсегда установится порядок нравственных людей, свободных, сотрудничающих и во всем друг друга поддерживающих.

«При развитии цивилизации обожание «власти» и нравственное чувство изменяются в противоположных

направлениях. И в настоящее время люди настолько же проникнуты уважением к авторитету, насколько в них недостает уважения к правам других людей.

Между временным и окончательным законным руководителем наших действий происходит непрерывная борьба, во время которой постоянно уменьшающееся влияние одной стороны дает рост другой. Выше было разъяснено, что чувство справедливости, симпатическое возбуждение которого заставляет людей поступать должным образом по отношению к другим, есть то же самое чувство, которое заставляет их настаивать на своих собственных справедливых требованиях. Оно побуждает их требовать свободы деятельности, свободы упражнять свои способности и понуждает их сопротивляться всякому нарушению в этом отношении. Этот стимул не терпит никаких ограничений за исключением тех, которые налагаются сочувственными побуждениями. Он оспаривает всякое притязание на излишнее преимущество, с какой бы стороны это последнее ни появлялось. Мало-помалу, когда нравственное чувство окрепнет до того, что станет препятствовать людям совершать самое грубое насилие, оно будет уже достаточно могущественно для успешной борьбы с излишними теперь крайностями принуждения. Если оно, наконец, достигнет такой силы, что чрез посредство своего рефлективного отправления внушит людям самое полное уважение к правам других и сделает правительство излишним, тогда непосредственная его деятельность породит столь бдительную ревность в охранении своих прав, что правительство сделается невозможным.

Наконец мы должны обратить внимание на тот существенный факт, для которого предыдущий очерк служит введением. Означенный факт состоит в том, что то, что мы называем нравственным законом — закон равной свободы, — есть именно такой закон, при котором

индивидуализация достигает своего совершенства, и что способность понимать и действовать на основании этого закона — самое совершенное свойство человечества, свойство, которое теперь вырабатывается. Эта высшая индивидуализация должна быть связана с наибольшей взаимной зависимостью. Несмотря на кажущуюся парадоксальность такого взгляда, прогресс ведет в одно и то же время и к полному сепаратизму, и к полному объединению. Сепаратизм тут такого рода, что он вполне согласен с самыми сложными комбинациями для удовлетворения общественных нужд: объединение в свою очередь таково, что ни в чем не мешает полному развитию каждой личности. Окончательная тожественность личных и общественных интересов сделается для нас еще яснее, если мы раскроем, какая существенная жизненная связь находится между каждым лицом и обществом, к которому оно принадлежит. Хорошие порядки в самых отдаленных и незначительных общинах полезны для *всех* людей, а дурные на *всех* накликают бедствия. Каждое дурное и хорошее влияние, действующее в данной среде, может лишь слегка касаться отдельной личности.

Для достижения полного счастья гражданин не только должен сам сообразоваться с нравственным законом, но для него чрезвычайно важно, чтобы и всякий другой поступал точно так же. Эта взаимная зависимость, необходимо порождаемая общественным состоянием, более или менее, посредственным путем приходит к тому, что всякий человек получает личный интерес к делам всех остальных людей.

Глазам, которые не видят далее своих счетных книг, кажется, что для них все равно, как бы ни шли дела человечества. Эти люди полагают, что гораздо умнее не мешаться в общественные дела, не делать себе этим врагов и не вредить своей торговле. Если они до того эгоистич-

ны, что вовсе не заботятся о своих ближних, так как их собственный горшок с мясом достаточно полон, то пусть же они знают, что в этом деле у них есть интерес, который приносит фунты, шиллинги и пенсы. Если они не имеют высших побудительных причин, чтобы заботиться о дальнейшем развитии человеческого благосостояния, то к этому должно побуждать их благоразумие, охраняющее собственный свой карман. Водворение большей справедливости в человеческих делах вознаграждает тех, которые за это берутся. Распространение здравых принципов и улучшения в общественной нравственности приводят наконец к тому, что уменьшают домашние издержки. Разве эти господа не видят, что покупая мясо, хлеб и лакомства, они должны вместе с тем расходоваться и на содержание тюрем и полиции? Покупая платье, они должны дорого платить, чтобы вознаградить портного за убытки, причиняемые ему бесчестными должниками. Всякий оборот в их жизни до известной степени затрудняется общей безнравственностью.

Как можно видеть, ни Айн Рэнд, ни Герберт Спенсер не говорили об «эгоизме» в его дарвиновском смысле выживания сильнейшего, употребляя его в рамках терминологии гуманистической психологии, которая резко разграничивает два поля психики: истинное я и ложное эго. Эти авторы также разделяют психику на два эти поля: для Айн Рэнд ложное эго связано с мистикой, с садомазохизмом и бессовестностью точно также как для Спенсера и как для гуманистических психологов.

И эти авторы также как мы ставят в центр внимания институты образования. Дарвинизм и марксизм исказили перспективу общественной инфраструктуры, поставив в центр внимания институты экономики. Это в корне неверно, хотя Поппер хвалит Маркса именно за это.

Мы, авторы теории психической энергии, говорим, что институты экономики второстепенны и малозначи-

мы. Первостепенное значение имеют институты образования. И да, надо приложить все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы образование было не только качественным, но и доступным всем. Только качественное образование позволит нам обрести доступ к той общей нравственности, о которой Спенсер пишет как о залоге здорового и свободного общества. Но как нам узнать насколько качественно образование, если истина отвергается, а психика не признается предметом научного анализа?

Теория психической энергии предлагает такой качественный критерий из общей теории энергетики, как теории познания: доступ к силе открытых энергий как подтверждение истинности открытых законов.

Если наше образование будет позволять нейтрализовать или хотя бы довести до сознания закономерности функционирования того, что классики гуманистической психологии называют ложным эго, и в то же время содействовать становлению сильного интеллекта и поля совести и справедливости — мы можем говорить о качественном образовании. И именно это мы называем левым Духом. Общую, качественную систему образования.

Глава 9. Циклы американской истории

Все это время мы активно обсуждали с Джеймсом его книгу об американской истории, которую он взялся написать, чтобы доказать Артуру Шлезингеру (ученому, демократу, члену правительства Джона Кеннеди, автору «Циклов американской истории»), что консерваторы и демократы не циклы американской истории, а противоборствующие силы.

— Не как обезьяны у Дарвина, и не как классы у Маркса, и даже не как расы у Гитлера и цивилизации у Хантингтона, — говорил он нам со всей страстностью первооткрывателя. — У нас ведь психологический подход! Правильно, психологизм Милля против экономизма Маркса или Поппера! Их противоборство обусловлено психологически! Только теперь, после того как мы сформулировали основы теории психической энергии, я могу закончить свою книгу.

— Для начала скажи, как Артур Шлезингер формулирует различия между консерваторами и демократами? — спросил его Барух

— Это обычный в сегодняшней науке вульгаризм — как эгоизм и альтруизм. Эту терминологию ввел Конт, который ничего не понимал в психологии, но интуитивно видел духовный прогресс в противоборстве двух психических сил: он назвал их эгоизмом и альтруизмом. Он считал что прогресс человечества — это прежде всего нравственная эволюция от эгоизма к альтруизму.

Конт был очень невежественным в психологии, еще Милль смеялся над ним. Он определили эгоизм как заботу о себе, как любовь к себе. А альтруизм как заботу о других людях, как принесение себя и своих интересов в жертву служению другим людям. У Фрейда такое же понимание «экономии либидо», как он это называет: либидо тратится либо на себя, и тогда это эгоизм, нарциссизм, любовь к себе; либо либидо тратится на других, и тогда это жертва себя другим, энергия, которую отнял у себя и потратил на других.

Конечно же, гуманистическая психология, о которой мы пишем, говорит совсем другое. Лучше всех это сформулировано у Фромма в «Человек для себя». Эгоист говорит он, не тот человек, который слишком себя любит, а тот, который совсем себя не любит, потому что не знает своего истинного «Я». Это садомазохист, который либо

ищет власти и насилия, либо раболепствует и подчиняется. И в том и в другом случае, он считает, что действует для себя, но на деле совсем не знает себя. И напротив тот, кто по настоящему себя любит, всегда в равной степени любит и других здоровых людей: любить других не значит отдавать свою энергию, а значит одновременно любить и себя, и отдавать и получать. Искренность, сочувствие, справедливость, юмор, сотрудничество — это взаимная энергия здоровых людей.

Поэтому Айн Рэнд так жестко выступила против альтруизма Конта. Удивительная история этих двух учений, которые внешне выглядят противоположными, а по существу одинаковы. И все из-за путаницы в понятиях, пока не была открыта психическая энергия, и даны четкие определения ее двух силовых полей. Конт называет поле эгосистемы — эгоизмом, и считает что поле интеллекта — это альтруизм, жертва себя другим. Айн Рэнд напротив, называет поле эгосистемы — альтруизмом, потому что садомазохизм имеет в своей основе иррациональность субъективизма и самопожертвования, а поле интеллекта она называет эгоизмом. В итоге, они говорят оба о борьбе против поля эгосистемы, но терминология и понятия так запутаны, что их учения кажутся противоположными.

Поэтому когда гуманисты говорят о разделении «ложного эго» и «истинного Я», они конечно же имеют ввиду не эгоизм и альтруизм в смысле Конта и Фрейда, где эгоист любит себя, а альтруист других. Они имеют ввиду поле эгосистемы как чужеродную энергию, которая поглощает энергию истинного Я (то есть поля интеллекта и совести). Любовь к себе и любовь к другим у них не противопоставляется, а соединяется в одном понятии истинного Я (в нашей теории поля интеллекта). Противопоставляются две силы психики, одна чужеродная, тупая, мертвая; другая живая, разумная, ис-

тинное «Я». Поле эгосистемы — это желание того что вредно, иррациональные желания, как их определяет Фромм. Именно поэтому он говорит, что эгоист не любит себя, потому что не знает себя.

Шлезингер принимает точку зрения Конта, он считает, что эгоизм и альтруизм это не две противоположные психические силы, а дополняющие друг друга моральные настроения. Чередование прагматизма и идеализма. Сначала для себя, потом приносят себя в жертву и начинают служить идеалам. Потом надоедают идеалы, и их приносят в жертву узкому эгоизму. Так он понимает циклы американской истории. Вот послушайте его самого:

«Общественное действие, рассчитанное на долгий период, тем более истощает эмоционально. Способность нации к выполнению политических обязательств, требующих от нее высокого напряжения, ограниченна. Природа требует передышки. Люди неспособны более заставлять себя продолжать героические усилия. Они жаждут погрузиться в свои личные житейские дела. Издерганные постоянными боевыми призывами, истощенные непрерывной общенациональной активностью, разочарованные полученными результатами, они стремятся к освобождению от взятых обетов, передышке для отдыха и восстановления сил. Так сходят на нет публичные акции страсти, идеализм и реформы. Общественные проблемы передаются на попечение невидимой руки рынка.

Эпохи господства частных интересов также порождают противоречия. Такие периоды характеризуются скрытыми под поверхностью течениями неудовлетворенности, критики, брожения, протеста. Целые группы населения оказываются позади в гонке приобретательства. Интеллектуалы отчуждаются. Загнанные внутрь проблемы обостряются, грозят стать неразрешимыми и требуют вмешательства. Людям надоедают эгоистиче-

ские мотивы и перспективы, они устают от погони за материальными благами в качестве наивысшей цели. Период отдыха от бремени общественных забот восполняет национальную энергию, подзаряжает батареи нации. Люди начинают искать в жизни смысл, не замыкаясь на себе самих. Они спрашивают не что их страна может сделать для них, а что они могут сделать для своей страны. Они готовы к звуку боевой трубы. Наконец, что-то играющее роль детонатора — какая-либо проблема, грандиозная по масштабам и по степени опасности и которую неспособна разрешить невидимая рука рынка, — ведет к прорыву в новую эпоху в политической жизни страны. Как говаривали во времена династии Чжоу в Китае за тысячу лет до Рождества Христова, «мандат Неба дается не навечно».

Первые десятилетия нашего столетия были временем прогрессистского движения и первой мировой войны. Два требовательных президента — Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон — заклинали американский народ демократизировать политические и экономические институты внутри страны, а затем сделать и весь огромный внешний мир безопасным для демократии. Спустя два десятилетия непрестанной общественной активности американцы выдохлись. Их способность дальнейшего реагирования на кризис была истощена. Они разочаровались в дисциплине, жертвенности и неприносимых ощутимого удовлетворения целях. Они были сыты «крестовыми походами». «Лишь один раз на протяжении жизни поколения можно сделать так, чтобы люди встали выше своих материальных интересов, — заметил Вильсон помощнику своего морского министра. — Вот почему консервативные правительства находятся у власти две трети всего времени». Позже, в 1920 г., тот помощник министра ВМС стал кандидатом в вице-президенты от демократической партии. После поражения демокра-

тов Франклин Д.Рузвельт, размышляя вслух, промолвил: «Люди быстро устают от идеалов, а мы сейчас повторяем историю»

«Спустя двадцать лет американцы устали, — писал Г.Л.Менкен, рассматривая ситуацию с другой точки зрения, — от постоянного обрабатывания их... претенциозными и бессмысленными словами; им дурно от идеализма, неопределенного, запутывающего, бесчестного и бескомпромиссного... Уставший до смерти от интеллектуального шарлатанства [гражданин] обращается к честной глупости». Новый президент определил основные черты нового настроения. Нация, сказал Уоррен Дж. Гадинг, желает «не рвения, а исцеления, не напора, а нормализации, не революции, а реставрации, не пропаганды, а примирения, не скальпеля, а успокоения... «24. Ему бы следовало добавить: не активности, а убаюкивания. Политика общественной целеустремленности уступила место политике частного интереса. Добродетель отступила перед коммерцией. «Но-вал эра» стала десятилетием ничем не сдерживаемой свободной игры рыночных сил, когда устами президента главным занятием, делом Америки был провозглашен бизнес. Это было десятилетие, кульминацией которого стала Великая депрессия.

Затем наступили еще два десятилетия активности и игры страстей, идеализма и реформаторства: Франклин Рузвельт и «новый курс»; вторая мировая война; Гарри Трумэн и «справедливый курс». В 30-х и 40-х годах американцы пережили худшую в своей истории депрессию, худшую «горячую войну» и худшую «холодную войну», а также вызвавшую наибольший (на тот момент) психологический надлом «ограниченную войну». Кризисные годы в очередной раз оставили людей истощенными, с перегоревшими страстями. Дуайт Эйзенхауэр стал президентом, как писал тогда Уолтер Липман, к мо-

менту, когда «эта страна и западный мир испытали на себе весь динамизм, все новации, всю воинственную непримиримость, какие только может вытерпеть человеческая природа». В 50-е годы, как и в 20-е, устремленность людей на общественные цели спала, доминировал частный интерес. Годы президентства Эйзенхауэра обеспечили необходимую передышку посреди бурь двадцатого столетия.

По истечении этого десятилетия американцы еще раз ощутили потребность вновь привести страну в движение. Как частный интерес в 20-е годы привел к общественной активности в 30-е, так и 50-е годы привели теперь к 60-м и новой лихорадке обязательств: Кеннеди и «новые горизонты», Джонсон и «великое общество», расовая революция, война с бедностью. На этот раз циклическому взмаху придали зловещий уклон драматические события — сначала убийство в Далласе, затем война во Вьетнаме. Цели, на которые возлагались огромные надежды, — расовая интеграция, активность местных сообществ, обновление городов, защита окружающей среды — вызвали непредвиденные отрицательные последствия. Высвобожденная энергия превратилась в разрушительную силу, вылившуюся в городские бунты, беспорядки в студенческих городках, еще два ужасных убийства, наркоманию и насилие, уотергейтский скандал и вынужденную отставку президента. И так длилось до тех пор, пока, казалось, не начала расползаться сама ткань общества. Болезненные явления такой силы, спрессованные в столь короткий отрезок времени, вызвали у нации разочарование и усталость быстрее, чем за обычные два десятилетия. Как в 20-е и 50-е годы, американцы к концу 70-х годов почувствовали себя по горло сытыми общественной активностью и разочарованными в ее последствиях. Теперь стрелка компаса качнулась в сторону частного интереса и удо-

влетворения самих себя. Этот период получил соответствующие его характеру наименования — «десятилетие моего „Я“, „культура нарциссизма“. Ответная реакция достигла своей кульминации при Рейгане в 80-е годы».

Заметьте, терминологию консерваторов «десятилетие моего Я», «культура нарциссизма».

— А как предлагаешь сформулировать проблему ты? Что есть консерваторы и демократы?

— Очень просто. Демократическая позиция — это позиция «истинного Я», здоровья, когда любовь к себе и любовь к другим не противопоставляется. Поэтому и экономика принимает вид сотрудничества отдельных людей и всего общества. Как в скандинавских странах например. Или как в любом капитализме с широкой социальной политикой, поддерживающей неимущие слои населения. Частное предпринимательство, уравновешенное социальными программами. Ведь именно это предлагают демократы. И это есть выражение здоровой обоюдной любви к себе и к обществу. Вот послушайте Шлезингера:

«Капитализм выжил потому, что сумел найти ответ на острейший вопрос, сформулированный еще английским политиком Джозефом Чемберленом в 1885 г.: «Какие жертвы должна принести частная собственность на алтарь своей неприкосновенности?» Капиталистическая система выжила потому, что пусть и неохотно, но взяла на вооружение идею Джорджа Бэнкрофта о необходимости заботиться обо всех без исключения членах общества. Она выжила потому, что демократические силы заставили правительство гуманизировать производственные отношения, смягчить последствия неограниченной конкуренции, дополнить принцип о всемерном развитии частной инициативы принципом социальной ответственности. Капиталистическое общество выжило не в последнюю очередь и благодаря соци-

ал-либералам, которые, преодолевая сопротивление консерваторов, вели длительную кампанию за справедливость в отношении социально-слабых, обездоленных от рождения или по воле случая и тем самым способствовали уменьшению недовольства и революционного потенциала в обществе.

Маркс и не предполагал, что демократическое буржуазное государство призовет общество к социальной ответственности. Апологеты неограниченного индивидуализма, отвергающие начисто социальную ответственность государства, льют воду на мельницу марксизма, причем куда более эффективно, чем коммунистические лидеры»

— Тогда получается, что позиция консерваторов — это одновременно «Эгоизм» Конта и «альтруизм» Айн Рэнд, то есть поле эгосистемы. Садомазохизм иррациональных желаний: ненасытная власть или жертвенность подчинения.

— Вот именно. Шлезингер пишет, что хотя формально они заявляют себе борцами с государственным контролем экономики, выступающими за свободу частной инициативы, на деле они всегда оказываются за жесткий государственный контроль там, где это кажется им совпадающим с их интересами. Более того, их поиск свободы от внешнего контроля напоминает потребность восточных деспотов в абсолютной власти в пределах своих собственных владей — в своих корпорациях они короли, облеченные неограниченной властью. Современные демократические государства — это системы, в которых власть контролируется конституцией и народом, худо-бедно, но контролируется. А современные корпорации, как частные владения — это деспотии абсолютной власти. Стенли Бинг, когда пишет о современных топ-менеджерах, прямо говорит о них, как о «средневековых королях». Джон Перкинс в «Исповеди экономического

убийцы» пишет о «корпоратократии», которая захватила власть в стране, подчинив себе институты государства. Конечно, выглядит логичным, что государства должны контролировать рынок. Первым об этом писал идеолог свободного рынка — Карл Поппер, когда говорил о том, что корпорации поживают друг друга, и господству силы в экономическом мире государство должно положить предел. А вот что пишет об этом Шзезингер:

«Гигантские корпорации становились угрозой для демократии. Генри Адаме поднял этот важнейший вопрос еще в 1870 г. Железнодорожная компания «Эри», писал он, «попирала закон, традиции, мораль и любые другие регуляторы общественной жизни, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести и действуя совершенно бесконтрольно. В Америке широко распространено убеждение, что в недалеком будущем корпорации еще более могущественные, чем «Эри»... возьмут под контроль деятельность правительства».

Правительство с ограниченной властью, полагал Адаме, бессильно в борьбе против сил, порожденных индустриализацией. В самом деле, пока реформаторы в Конгрессе ликовали, добившись в законодательном порядке незначительного снижения расценок на штыковой чугун, была основана новая тихоокеанская железнодорожная компания — «всемогущая корпорация с собственными территориальными владениями, империя внутри республики, правители которой обладали большей властью, чем правительство в любом независимом государстве. Подобная империя несовместима с благородными республиканскими институтами и, более того, с безопасностью любого государства — демократического или авторитарного. Пока идет борьба с одной монополией, на свет появляются две новых... и все это в соответствии с волей граждан, но, если бы они и были против, чудовищная концентрация частного и корпора-

тивного капитала сделала бы любое сопротивление бессмысленным».

Но вопреки пораженческим настроениям Адамса в стране все же нарастало сопротивление господству корпораций. Люди, воспитанные в духе идей Джексона, приходили к осознанию того, что отрицание роли государства в традициях Джефферсона, ставившего целью удерживать капитализм в определенных рамках, ныне лишь служило его интересам. Принцип экономического либерализма, гарантировавший некогда равные возможности граждан, с течением времени превратился в оплот неравенства и эксплуатации. Последователи Джефферсона заклеймили государство как источник социального неравенства; в действительности оно медленно, но верно превращалось в инструмент социальной помощи неимущим.

Однако миф о том, что своим развитием Америка обязана неограниченной свободе частного предпринимательства, оказался на редкость живучим. Этот миф одновременно и льстил самолюбию бизнесменов, и служил их интересам. Он оставался главным символом делового мира, лейтмотивом пропаганды монополий. В 20-е годы он как бы обрел новую жизнь, возродив веру в саморегулируемую экономику.

Приоритет личного благополучия над общественным благосостоянием, естественно, питает рост коррупции в правительственных учреждениях. При господстве ориентации на общественные цели правительство склонно к идеализму. У идеалистов много недостатков, но они редко крадут. В ходе осуществления «нового курса» Рузвельта правительство США тратило куда больше денег, чем когда-либо раньше в мирное время. Оно проводило беспрецедентное регулирование экономики, однако при этом заметно было отсутствие коррупции. Линдон Джонсон был печально известен своими хитроумными

комбинациями, однако в его «великом обществе» было гораздо меньше злоупотреблений служебным положением, чем при консервативных администрациях 20-х, 50-х и 80-х годов. При либеральных администрациях коррупция возникает в основном под конец их правления, когда идеалисты сходят со сцены, а их место занимают временщики.

С наступлением периода господства частного интереса общественная мораль резко меняется. Большинство из сотрудничающих с консервативными правительствами бизнесменов нельзя заподозрить в нечестности. Но некоторые из них не стесняются использовать общественное положение в личных целях. Эти берут все, что само плывет в руки. Все помнят скандалы с администрацией Гардинга в 20-е годы. Правление администрации Эйзенхауэра было отмечено скандалами, повлекшими за собой вынужденные отставки министра авиации, председателя Международной торговой комиссии, управляющего общими службами, начальника Управления общественными зданиями, председателя Национального комитета республиканской партии и даже помощника самого президента. Более сорока членов администрации Никсона подверглись преследованию за преступления. Его вице-президент, два министра, дюжина членов аппарата Белого дома и еще пятнадцать представителей исполнительной власти признали себя виновными или получили судебные приговоры. Администрация Рейгана по мере того, как список ее сотрудников, осужденных или вынужденных уйти в отставку под тяжестью обвинений, все рос, добавила в словарь политических терминов выражение «расползание» («расползание» отсутствует в «Политическом словаре Сэфайра» 1978 г. издания). «Совершенно нечего сказать, — заметил Теодор Рузвельт, — о правительстве плутократов, правительстве людей, которые весьма

сильны в определенных областях и овладели искусством делать деньги, но которым присущи идеалы, по самой своей сути восходящие всего-навсего к идеалам славной когорты ростовщиков»

Как видите, Шлезингер говорит о консерваторах как об искателях абсолютной власти, которые совершенно лишены чувства ответственности перед обществом и сострадания к слабым и неимущим. Они отказываются признавать те фундаментальные достижения цивилизации которыми стало воплощение демократического государства, как гаранта общего закона для всех, института гражданства, как заботы членов общества друг о друге в благотворительности и социальных программах, как о правах и обязанностях каждого в отношении всех. Они называют своей свободой свободу от этих установлений цивилизации, воплощенных в современном демократическом государстве, и говорят о заботе о неимущих через социальные программы государства как о тенденции тоталитаризма и диктата государства. В итоге рейгоновская программа снижения налогов на богатых и урезания социальных выплат привела к «беде», пишет Шлезингер, обнищания 6 миллионов американцев.

«В результате проводимой в 80-е годы политики снижения налогового бремени для состоятельных слоев и сокращения социальных программ для неимущих число бедняков в США увеличилось на 6 млн. В результате 5-летнего правления Рейгана по меньшей мере один из каждых пяти американцев в возрасте до 18 лет живет в бедности. «Наше общество — первое в истории, — указывает сенатор Мэйнихен, — в котором самой обездоленной группой населения являются дети». В результате классовая и политическая борьба вновь приобрела остроту и размах, невиданные со времен Великой депрессии.

Политика Рейгана обернулась бедой для людей, и без того едва сводивших концы с концами. Говорят об очи-

щении через страдание. Пусть так. Но препохабен тот порядок, при котором имущие классы призывают обездоленных очиститься страданием. Социальная ответственность должна быть неотъемлемой чертой любого свободного политического устройства.

Гарантия прочности любого свободного общества — в осознании социальной ответственности. Государственный активизм в экономике необходим, наконец, для сохранения нравственных устоев общества. Алексис де Токвиль более всего опасался губительных для общества последствий ничем не ограниченного господства частного интереса, вытесняющего все иные ценности. Он полагал, что сдерживающим фактором могла бы стать религия. Да и сам Адам Смит считал, что реализацию личного интереса следует ограничить нравственными заповедями. «Богатство народов» немыслимо без «Теории нравственных устоев». Но по мере того, как религия утрачивала свое влияние в обществе, а принцип личного интереса начинал приобретать доминирующее значение, заколебалась моральная опора всей рыночной системы. Уже в наше время Фред Кирш доказывал, что культ личного интереса затмил более широкие и перспективные взгляды и лишил рыночную систему ее морального стержня. Но еще задолго до этого

Токвиль пророчески писал: «Правительство должно возродить в людях веру в будущее, которую ни религия, ни положение дел в обществе не в состоянии в них больше поддерживать»

Предпринимаются попытки доказать, что правительственное вмешательство в экономику отрицательно сказывается на общественной морали. Государственное попечительство разлагает, мол, неимущих, избавляя их от чувства неуверенности в завтрашнем дне, что, по мнению состоятельных слоев, остается главным стимулом прогресса. Уверенность в завтрашнем дне, доказывают

эти критики, подавляет инициативу, гасит веру в собственные силы, порождает чувство зависимости. Джордж Гильдер, публицист правого толка, писал в этой связи: «Чтобы добиться успеха, бедняки более всего нуждаются в шпорах нищеты». Однако, рассуждая о том, что чувство уверенности в завтрашнем дне подавляет-де инициативу, зажиточные слои имеют в виду лишь неимущих. Сами же они не больно-то верят в благотворное воздействие чувства незащищенности, иначе почему бы им не поддержать введение 100%-ного налога на наследство, который позволил бы их потомству испытать на себе столь неоценимые моральные преимущества? Вместо этого соответствующий рейгановский закон вдвое понизил ставку федерального налога на наследство. По мысли Рейгана и его команды, «шпоры нищеты» для успеха в жизни нужны лишь самим нищим, имущие же обходятся «шпорами богатства».

Имущие классы выступают против правительственного вмешательства не только под предлогом заботы о моральных устоях обездоленных. Иногда утверждают, что правительственное вмешательство таит в себе опасность для гражданских свобод и даже толкает республику назад к рабству, факты свидетельствуют, однако, что распространение функций федеральных органов на экономику не только не подавляет индивида, но, напротив, весьма способствует росту у большинства американцев чувства собственного достоинства и личной свободы. Впрочем, кое-какие «свободы» федеральное правительство, вмешиваясь в экономику, и впрямь ликвидировало — например, свободу отказывать черному населению Америки в его элементарных гражданских правах, свободу нанимать малолетних детей на работу на фабрики, заставлять иммигрантов работать по потогонной системе, платить мизерную заработную плату, свободу создавать бесчеловечные условия труда, устанавливать непосиль-

ную продолжительность рабочего дня, свободу махинаций в торговле товарами и на рынке ценных бумаг и, наконец, свободу разбазаривать национальные ресурсы и отравлять окружающую среду. Но без подобных «свобод» цивилизованное общество вполне может обойтись.

Странным образом — вновь непроизвольная ирония — самые рьяные противники правительственного вмешательства в экономику, выступавшие против подобного вмешательства под предлогом защиты прав слабых и неимущих, всегда безоговорочно одобряют деятельность правительственных институтов, действительно представляющих реальную угрозу индивидуальным свободам, таких, в частности, как ЦРУ и ФБР. Как и в случае с национальным долгом, именно милитаристское государство, а отнюдь не государство всеобщего благоденствия порождает спесивую бюрократию и подвергает преследованию тех самых бедных граждан, о судьбе которых так сокрушаются противники социальных программ. Именно правые явились инициаторами неприкрытых покушений власти на индивидуальные свободы, прибегая к цензуре, запрету на книги, подписке о лояльности, преследованию гомосексуалистов. Либералы добивались возможности регламентировать деятельность корпораций при освобождении личности, целью же консерваторов, судя по их делам, напротив, всегда была полная свобода для корпораций при ущемлении прав личности.

История вряд ли когда-либо подтвердит предположение, что социальные программы толкают нацию на путь к тоталитаризму. Еще сорок лет назад Трумэн Арнольд саркастически писал: «Идея о том, что диктатуры есть не что иное, как результат постоянного превышения центральным правительством своих полномочий, попросту абсурдна». Истина, констатировал он, как раз в обратном. «Любая диктатура заполняла вакуум власти там, где центральное правительство, столкнувшись с кон-

кретными трудностями, не сумело в полной мере использовать свои полномочия». По замечанию Рузвельта, сама история доказала, что «сильное, деятельное правительство никогда не выродится в диктатуру. Диктатура всегда приходит на смену слабой и беспомощной власти»

— Шлезингер противопоставляет демократа Франклина Рузвельта и его новый курс — консерватору Рональду Рейгану с его рейганомикой. Вот что он пишет:

Рузвельт и Рейган:

«Но в том же году Франклин Рузвельт, тогда еще губернатор штата Нью-Йорк, сформулировал прямо противоположную точку зрения. «Я считаю, — заявил он, выступая в законодательном собрании штата Нью-Йорк, — что в настоящий момент наше общество должно вменить в обязанность правительству спасение от голода и нищеты тех сограждан, которые сейчас не в состоянии содержать себя». У тех, кто, наблюдая безмерные страдания людей, уповает на принцип laissez-faire, говорил он год спустя, «как видно, нервы куда крепче, чем, например, у меня. Такие люди в отличие от меня предпочитают верить скорее в незыблемость экономических законов, чем в способность человека контролировать творения рук своих»

В противовес саморегулирующейся экономике Рузвельт выдвинул идею «сочетания интересов». «Я имею в виду не всеобъемлющее регламентирование и планирование экономической жизни, — пояснял он в 1932г., — а необходимость властного вмешательства государства в экономическую жизнь во имя истинной общности интересов не только различных регионов и групп населения нашей великой страны, но и между различными отраслями ее народного хозяйства». Рузвельт особо подчеркивал, что абсолютный приоритет должен быть отдан интересам всего общества. «Отвлечься от этого означало бы

шараханье от одной группы к другой, предлагая временные и, как правило, неэффективные меры... Каждой социальной группе надлежит осознать себя частью целого, звеном общего плана»

В послевоенное время веру Рузвельта в «способность человека контролировать творения рук своих» разделяли Трумэн, Кеннеди и Джонсон. Отвергая понимание национального правительства как «агрессора, противника», Кеннеди в 1963 г. назвал его «органом, в котором граждане наших 50 штатов объединяют свои усилия на благо нации». Он вновь и вновь старался показать американцам, насколько ухудшилось бы их положение «без деятельности национального правительства»

Президент Рейган позднее поставил перед собой куда более простую задачу — вернуть республиканскую партию на позиции Кальвина Кулиджа.

«Правительство не решит наших проблем. Правительство — само проблема», и, как только «оно оставит нас в покое, проблемы эти решатся сами собой». К 1982 г., к столетию со дня рождения Рузвельта, администрация Рейгана, извлекши из сундука ветхие знамена с начертанными на них лозунгами laissez-faire, сконцентрировало всю свою деятельность на опровержении идей Рузвельта и ликвидации его достижений. Никто в XX в. не обрушивался на принципы правительственного вмешательства в экономику столь страстно и яростно, как Рейган. Подобно своим предшественникам-консерваторам, он ставил целью свести на нет роль правительства как регулятора народного хозяйства. И в отличие от них он нашел способ добиться этого. Вся новизна его подхода заключалась в создании колоссального бюджетного дефицита за счет повышения оборонных расходов при одновременном снижении налогов. Бюджетный дефицит в свою очередь дал ему повод для непрерывного ограничения функций национального прави-

тельства. Кроме того, Рейган ратовал за приватизацию, но не в социологическом, а в самом что ни на есть прямом смысле, то есть за распродажу с аукциона движимой и недвижимой собственности государства и его учреждений. Это была, по выражению Гарольда Макмиллана, политика «распродажи семейного серебра». (Американский союз гражданских свобод немедленно подал заявку на имущество министерства юстиции.)

Итак, спор, начавшийся на заре американской истории, продолжается и по сей день. Переходы от государственного вмешательства в экономику к его отрицанию соответствуют смене фаз политического развития — от приоритета частных интересов к приоритету общественного блага»

— Шлезингер понимает это как спор между приоритетом частного и общественного интереса, как дополнение эгоизма и альтруизма. Именно поэтому американские теоретики бессильны решить эту проблему. А между партиями демократов и консерваторов в конце концов стираются теоретические границы и остается только формальное деление как политических оппонентов в борьбе за власть.

Поскольку нет понимания причин и источников, которые будут видны только если перейти от экономизма к психологизму.

«В современной Америке имеются мощнейшие деструктивные факторы — углубляющееся неравенство в доходах и возможностях, численный рост бедноты и деклассированных элементов, пробуксовка в деле расового равноправия, структурная заданность экономики на инфляцию, спад в тяжелой промышленности ввиду иностранной конкуренции и повсеместного внедрения микросхем, ухудшение уровня образования, загрязнение окружающей среды и упадок

инфраструктуры, постепенная деградация городов, кризис фермерских хозяйств, растущее бремя государственной и частной задолженности, распространение преступности и насилия.

Можно не сомневаться, что ни общественная активность, ни частный интерес, ни широкое государственное вмешательство, ни свободный рынок не покончат с этими тягостными проблемами. Именно это и приводит двух наших наиболее квалифицированных специалистов по диагностике болезней общества — Уолтера Дина Бернхэма, занимающего левые позиции, и Кейвина Филлипса, стоящего справа, — к пессимистическим выводам относительно будущего демократии как таковой. По мнению широких общественных кругов, как считают ученые, либеральное правительство, настроенное на активное вмешательство во все дела общества, имело шанс показать себя с наиболее выгодной стороны, однако оно упустило этот шанс и тем самым спровоцировало рейгановскую контрреволюцию. Когда обнаружится, что контрреволюция только усугубляет беды страны, народ неизбежно придет к мнению о «двойном провале» — и государства всеобщего благоденствия, и свободного рынка. Усилится чувство раздражения и бессилия. Цикличность утратит свой естественный упорядоченный характер. Со времен 50-х годов прошлого века, отмечает Филлипс, не наблюдалось такого сочетания двойного провала и такой же двойной устарелости, а мы знаем, что тогда произошло. Аккумуляция недовольства взорвет традиционный политический порядок и в американской политической жизни стремительно, и неминуемо наступят новые и опасные времена. Филлипс ожидает не возрождения либерального духа «нового курса», а, скорее, прихода националистического правопопулистского авторитаризма, направляющего действия всепроникающего и репрессивного государства. Бернхэм мрачно предсказывает «нарастающий кризис

правления — кризис... в самих основах конституционного режима»

В нынешний период деградации традиционной партийной системы сильна ностальгия по «золотому веку», когда партии играли главенствующую роль в политической жизни страны. Не следует, однако, переоценивать славное прошлое американских политических партий. Еще в 1835 г. Токвиль писал: «В Америке были в свое время великие политические партии, ныне прекратившие существование», — имея при этом в виду, что партии, объединявшие борцов за идею, тогда уже уступили место партиям мелких карьеристов и корыстолюбцев.

По глобальным вопросам наши главные партии никогда и не занимали принципиальных позиций, меняя свою тактику в зависимости от требований времени. «Каждая партия, — писал Генри Адаме, — меняет свои принципы в зависимости от того, находится ли она у власти или же в оппозиции». Так, федералисты выступали и как сецессионисты (на Хартфордском конвенте), и как сторонники сильного федерального правительства. Демократы в разные периоды то отстаивали права штатов, то выступали за централизацию, а республиканцы поступали так же, только в обратном порядке. «Символами американских партий, — заметил как-то Шлезингер-ст., мой отец, — являются слон и осел, а не леопард, который, как известно, не меняет своих пятен». Только мелкие партии позволяли себе роскошь последовательно отстаивать свои неизменные принципы «и в результате почти всегда так и оставались незначительными»

— Как видите, они бессильны разрешить проблему в рамках экономизма. Но если мы обратимся к психологизму, то положение вещей сразу меняется. Мы ясно видим, что «лессеферизм» консерваторов, их дарвинизм в стремлении объяснить движущие силы и прогресс об-

щества не стоит выеденного яйца. Более того, толкует истинное положение вещей превратно и наносит этим большой вред. Со времен теории выживания сильнейшего Дарвина они говорят, что движущие силы развития экономики, государства, даже морали — это борьба за выживание, конкуренция, соревнование.

История, биографии великих людей, исследования гуманистических психологов говорят прямо противоположное, но фанатики не слышат голоса разума. Потому что социальный дарвинизм — это вера, религия, не наука. Вот вспомнить хотя бы сатанизм Антона Ла-Вея:

Википедия:

«Сторонники современного сатанизма описывают себя как сторонников социального дарвинизма и евгеники. Сатанинская Библия создана Антоном Ла-Вей, основателем церкви Сатанизма в XX веке. Социал-дарвинистские идеи представлены всюду в этой Библии, Антон Шандор Ла-Вей описывает сатанизм как «религию, основанную на универсальных чертах человека», и люди описаны в его Библии как всецело плотские и как животные. Каждый из семи смертельных грехов описан им как естественный инстинкт человека и таким образом оправдан. Идеи социального дарвинизма имеют особое значение в книге Сатаны, где Ла-Вей использует идею Рагнара Редбёрда: «Сила есть право», хотя эту идею можно найти повсюду в ссылках на врожденную силу человека и инстинкт самосохранения. Сатанизм Ла-Вея есть «обобщение Маккиавелевского личного интереса».

Ла-Вей намного более последователен, когда говорит, что дарвинизм как теория происхождения человека — это возведенная в закон порочность, чем те, кто пытается говорить наоборот.

То, что нормально для животных, ненормально для человека. Дарвин этого не понимал, потому что считал,

что между людьми и животными только количественная разница, не видел разницы между психической энергией человека (сознанием) и биологией животного. Человек имеет обе энергии, животное только одну. Возможно, человек произошел от обезьяны, но это не было количественным переходом, это был качественный скачок, когда появление интеллекта сделало человека носителем психической энергии. С этих пор «царство животного» и «царство» человека стали качественно различными и несопоставимыми.

Тот факт, что внешне противоборство людей напоминает биологическое выживание животных, ввел в заблуждение Дарвина и всех современных псевдоученых-дарвинистов. Для животного борьба всех против всех закон биологического выживания, они живут, пожирая друг друга, и перестанут жить если перестанут пожирать друг друга. Но люди не животные, они делают много вещей, необъяснимых с точки зрения биологического выживания уже начиная с первобытного сознания, которое насквозь мистично. Они отдают последние силы на жертвоприношения и самоистязания, поклоняясь тотемам, они убивают друг друга по обвинению в колдовстве, они выпивают коллективно яд, чтобы проверить, кто из них колдун. Они делают все это просто потому что у них есть поле эгосистемы психической энергии, кривое зеркало которого заставляет их жить среди сверхъестественных сил Эго и СуперЭго. Этого биологическому инстинкту животного никогда не понять. Человек отличается от животного не только на уровне поля интеллекта, но и на уровне примитивной детерминированной психической энергии поля эгосистемы.

Люди воюют по совсем другим причинам, по тем же по каким аборигены обвиняют друг друга в колдовстве: по иррациональным причинам, связанным с мистикой кривого зеркала эгосистемы. В этой борьбе нет ничего

от развития и становления, от прогресса и здорового состязания. Это только смерть людей в результате их тяжелой болезни, которой является активное в сознании поле эгосистемы.

А дарвинисты считают это борьбой за выживание по аналогии с миром животных. Поэтому их главное оправдание, когда они вслед за Дарвином и Гитлером говорят, что заботится о слабых плохо, это вред который наносят прогрессу социальные программы, снижая конкуренцию в борьбе за выживание. Это конечно смешно звучит, но это тот самй биологизм и экономизм, на котором стоит так называемая современная социальная наука. Аронсон пишет в «Общественном животном» какой колоссальный вред нанесла культуре Америке эта проповедь конкуренции как источника и залога успеха. Много пишет о вреде конкуренции в «Образовании и здоровом обществе» Бертран Рассел.

Великие мыслители знают по собственному опыту, что движущими силами прогресса является не поле эгосистемы, война которого тормозит и разлагает всякое развитие, а поле интеллекта, которое порождает страсть к познанию и любовь к профессионализму. Вот что пишут на этот счет Олпорт и Маслоу, два гуманиста:

«Верно, что упражнение талантов способного человека часто вознаграждается. Но упражняется ли он просто для получения вознаграждения? Это кажется маловероят¬ным. И такая мотивация не объясняет влечения, стоящего за гением. Мотив гения — творческая страсть сама по себе. Насколько несерьезно думать о том, что самоотдача Пастера коренилась в его заботах о вознаграждении, здоровье, еде, сне или семье. В пылу исследований он надолго забывал обо всем этом. И такая же страсть двигала ге¬ниями, которые в течение жизни не получали почти или

совсем никакого вознаграж¬дения, как Галилей, Мендель, Шуберт, Ван Гог и многие другие».

Гордон Олпорт

«История человечества — пишет Маслоу, — знает немало примеров самоотверженного стремления к истине, наталкивающегося на непонимание окружающих, нападки и даже на реальную угрозу жизни. Бог знает, сколько людей повторили судьбу Галилея»

Мне кажется, заключил Джеймс, из всего этого более чем очевидно, что демократы имеют дело с полем интеллекта, подобно гуманистической философии и психологии, а консерваторы с полем эгосистемы, которое они «научно» обосновывают дарвинизмом. А это значит, что речь идет не о циклах, а об антагонизме, который может, увы, плачевно закончится для демократов. Вот Шлезингер цитирует других исследователей ведущих партий Америки:

«В книге 1984 г. политологов Герберта Макклоски и Джона Заллера «Американская этическая система» опираясь на опросы общественного мнения, а также на исторические данные, выявляют наличие продолжающейся борьбы между капиталистическими ценностями — неприкосновенностью частной собственности, максимизацией прибыли, культом свободного рынка, выживанием сильнейших — и демократическими ценностями — равенством, свободой, социальной ответственностью и всеобщим благосостоянием, которые в случае необходимости обеспечиваются общественными мерами по регулированию вопросов собственности и ограничению прибылей. Пока это скорее напряженность, чем непримиримое противоречие. Капитализм и демократия начинали как союзники в ходе революции против абсолютной монархии и феодальной аристократии и продолжают разделять веру в личную свободу, сувере-

нитет народа, ограничение власти государства и равенство всех перед законом. В Америке капитализм включает в себя демократию, а демократия — капитализм. Тем не менее эти две системы взглядов указывают в разные стороны. Обзорное исследование «недвусмысленно», по определению Макклоски и Заллера, показывает, что, хотя ни одна из этих сторон не стремится к ликвидации другой, те, кто наиболее привержен демократическим ценностям, оказывают минимальную поддержку капитализму, а те, кто наиболее привержен капиталистическим ценностям, оказывают минимальную поддержку демократии.

Демократические ценности глубоко укоренились в американской жизни. Похоже, более глубоко, чем капиталистические ценности. По крайней мере, когда пути демократии и капитализма разошлись, демократические ценности доказали свою более заметную силу. Колебания нации назад, в сторону бесконтрольного частного интереса, носят обычно характер сдерживающих действий. Колебания в направлении демократии склонны вести к устойчивым изменениям. Эффект спирали свидетельствует о продолжающемся накоплении результатов демократических реформ. Рейгановская контрреволюция оставила в основном неприкосновенными итоги «нового курса» и даже программы «великого общества». В исследовании Макклоски — Заллера делается вывод о том, что демократические ценности укрепились теперь более прочно, чем это было столетие назад, чего нельзя сказать о ценностях капиталистических.

И действительно, когда сегодня капиталисты защищают себя, они не призывают на помощь традиционные капиталистические аргументы — наивысшую добродетель личного интереса и священное право частной собственности. Вместо этого они используют аргументы демократические, представляя капитализм как средство

достижения наибольшей пользы для наибольшего числа людей. Конфликт между капитализмом и демократией, пишут Макклоски и Заллер, «скорее всего, будет разрешен в пользу демократической традиции».

Цикличность политического развития позволяет сделать вывод, что соотношение «личный интерес — общественное благо» со временем сдвинется в пользу последнего, превращая его в национальной приоритет. Многие сомневаются, что в условиях нерегулируемого рынка при господстве гигантских корпораций вообще можно успешно решить такие проблемы, как оздоровление инфраструктуры и тяжелой промышленности, преодоление кризиса городов, быстрый рост числа малоимущих и расширение обездоленных слоев за счет молодых людей, не могущих найти работу, беспрецедентные внешнеторговые дефициты, отток капиталов в страны «третьего мира» и соответствующее сокращение рабочих мест. Возвращение к государственному вмешательству в экономику в ближайшем будущем станет, таким образом, функционально необходимым, поскольку решить перечисленные проблемы в рамках нерегулируемого рынка действительно невозможно»

— Ну, Шлезингер старается быть оптимистом. А какое решение следует из психологизма Джеймс? Мы за государство или за частный интерес?

— Конечно, за государство, но что такое государство? Вся история человечества — это спонтанные сообщества, от первобытных племен до восточных деспотий и античных демократий. Где тут начинается государство? Были ли восточные деспотии государством или только частным интересом вождей, подавившим и сожравшим разум и волю своего населения? Очевидно, что только частным интересом. Государство начинается с общественных институтов, служащих благу общества,

как было в античных демократиях например, как имеет место в современных демократических государствах, как в Америке например. Мы безусловно на стороне общественных институтов государства, которые говорят о здоровом обществе, где любовь к себе и любовь к обществу представляют единое целое.

Исходя из нашей позиции психологизма, история представляется тремя большими переиодами: насилием физического контроля, справедливостью научного контроля и промежутком между двумя этими периодами. Мы живем в самом длительном промежутке истории, в безвременье. История делится на два основных этапа. Политическое государство — это период Левиафанов, садомазохизма, где власть поглотила волю рабов. Это период правления голой Силы, naked power. Научное государство — это период демократических сообществ, у которых уже есть знания о закономерностях своего общества и доступ к другим энергиям природы, общества НТП. Здесь правит Интеллект, Знания. В первом случае правит физический контроль поля эгосистемы психики человека. Во втором случае правит интеллектуальный контроль поля интеллекта психики человека. Мы живем между двумя этими временами, в пору Юридического государства, когда между народом и голой силой правительства становится юридическое, позитивное право, которое защищает народ от произвола государства. Почему мы называем этот период безвременьем? Потому что это нестабильное состояние общества, которое не имеет основы в психике человека. Оно между физическим контролем (голого насилия садомазохизма) и научным контролем естественного права. Такое государство будет стремиться для достижения равновесия либо вернуться к прежнему состоянию (тот путь, который предлагают консерваторы всех стран), либо найти равновесие в научном контроле естественного права,

либо в физическом контроле прошлого, либо в научном контроле будущего, третьего не дано, так как психика имеет всего два поля. Но пока социальная наука не окрепла, второе невозможно, остается только крепко держаться за позитивное право, за юридизм. А это возможно только если связать его с естественным правом, как со своим источником.

Мы должны стремится к тому, чтобы всячески поддерживать юридические государства в этот переходный период, чтобы тяга к равновесию привела их вперед, к прогрессу научных государств, а не вернула их назад к левиафанам. Послушайте консерваторов всех толков, особенно современных русских консерваторов — они расскажут вам, что золотое время было в прошлом варварских полицейских государств времен Ивана Грозного. Мы стараемся укрепить позитивное право, чтобы наша цивилизация не скатилась назад к отсутствию всякого права. Но делаем мы это путем поисков научных корней позитивного права — то есть его связи с естественным правом. В этом смысле деятельность юристов очень важна. Но по мере того, как наше безвременье будет заканчиваться, и мы будем приближаться к периоду научного государства, значение юридизма действительно снизиться. Не могу сказать, как скоро это случится и как сильно снизится. Главное в нашей деятельности не отказаться от позитивного права, а увязать его с естественным правом, как это делали Платон, Цицерон, Прудон, Конт, Локк, Пейн, Гроций, Кондорсе, Руссо, Кропоткин, Милль, Спенсер и многие другие. Преждевременный отказ от позитивного права стал бы катастрофой возврата к бесправию полицейских государств.

Так Джеймс своей книгой о циклах американской истории заложил начало Международного сообщества научного контроля, ставшего в скором времени одним из институтов церкви рационализма.

Глава 10. Визинарные компании и церковь рационализма

Мы доказывали в своей диссертации, что общие закономерности в организации самых успешных мировых компаний, которые обнаружили Стендфордские ученые — это закономерности всех свободных организаций разума. Вообще сам факт, что эти исследователи нашли некие общие закономерности в организации этих вековых гигантов, был действительно большим открытием.

Мы поставили себе целью увязать это открытие с открытием двух полей психики в теории ПЭ, и соответственно показать, как механизмы каждого поля обуславливают типические свойства своей организации, то есть своей общественной структуры.

Это оказалось несложно. Всем известны эти два типа человеческих сообществ: Левиафаны восточных деспотий, с их мистикой, садомазохизмом и грабежом вместо продуктивного труда; и Демократии, с их наукой, сотрудничеством, и растущей экономикой производительного труда.

Первый яркий пример свободных обществ (или их зарождения) известный нашей истории — это конечно античные демократии Древней Греции. При всем своем несовершенстве — это очевидный пример того, как радикальное изменение сознания с мистического на рациональное (или с пралогичного на логичное по Леви-Брюлю) повлекло такие же радикальные изменения в структуре общества. Эта корреляция рационального сознания с демократиями и мистического сознания с левиафанами наблюдалась на протяжение всей доступной нашему наблюдению истории.

«From good to grate»):

Прежде всего, наличие у компаний философии своего существования, не связанной с получением прибыли. Безусловно, пишут они, прибыль важна, но не прибыль является целью существования этих компаний. Большинство компаний ставило цели развития технологий, служения обществу, науке. Важно, говорят авторы исследования, что эта философия не формальность, а реально движущий фактор их активности. Так что, если выгодная операция противоречит их философии, они просто не будут ее делать. В этой связи эти компании известны своей благотворительной деятельностью. Так например, компания Мерк, разработала за свой счет лекарство для болезни от глаз, от которой страдали тысячи людей в Африке, и за свой счет поставила в Африку

— Далее, это большие вклады в научные исследования. Так например, та же компания Мерк имела корпус научных исследований сопоставимый с университетом штата и по уровню оборудования и по бюджету, и по уровню исследований, проводимых сотрудниками

— Авторы пишут о специфике лидеров этих компаний, которые, подобно маслоуским самоактуалам, были выражено неэгоцентрично. Это не значит, что у них нет амбиций, говорят они, просто их амбиции связаны с их делом, а не с ними самими. В точности как у Маслоу занятость самоактуалов связана с широкими научными, творческими, общественными вопросами, с «точкой зрения вечности», где места узкому карьерному интересу. Эта черта прямо противоречила сравниваемым компаниям, где лидерами были как правило выраженные эгоцентрики (о каких пишет например Стенли Бинг или Роберт Грин), подражавших кумиру всех желающих стать «князьями» — Макиавелли. Если там преобладала структура «гений с тысячью помощниками» или генерала и солдат, то визинарные компании — это сообщество людей, кото-

рые постоянно ведут дискуссию, о том как совместно управлять компанией.

Приняты все меры, чтобы «слышались» все голоса по горизонтали и по вертикали. Топ-менеджмент сплоченная команда близких по духу людей, которые совместно принимают все решения. Отсутствует разделение на менеджмент и рядовой персонал, поскольку менеджмент принимает все меры к обеспечению лучших условий для всех работников. По той же причине отказываются от профсоюзов. Авторы пишут, что топ-менеджмент компаний как правило очень хорошие люди, которые очень любят друг друга и свою работу.

— Такое взаимопонимание достигается важной особенностью этих компаний: особой строгостью к подбору персонала. И особой важностью этого вопроса. Вплоть до того, что будут терять миллионы долларов, но не примут самостоятельных решений, пока не подберут настоящую команда. Команда нравственных и профессиональных людей решает все. При подборе рядовых работников важны те же критерии, и многие становятся частью менеджмента со временем. Важно, чтобы люди разделяли философию компании. Важна самодисциплина, отличительная черта самоактуалов по Маслоу. Поэтому у всех работников много свободы, дисциплина обеспечивается высокой самодисциплиной и высокой требовательностью к уровню кадров в конечном итоге. «Иначе вас сотрут как вирус» — пишет авторы. И Маслоу пишет, что самоактуалы способны к особой близости в дружбе, но только с такими же здоровыми людьми.

Уже на примере этого исследования Стендфордских ученых можно видеть насколько необоснованно противопоставление «коллективизма» «индивидуализму» в попытке объяснить специфику двух качественно различных сообществ людей. Дарвинизм, которым стараются обосновать индивидуализм как борьбу всех против всех,

породил также тоталитарные левиафаны фашизма и коммунизма. А коллективизм древних греков и визинарных компаний породил сообщества, которые максимально благоприятствуют раскрытию индивидуальности во всем ее потенциале.

Поэтому уместнее будет противопоставлять «коллективизму» демократов — левиафаны консерваторов. И те и другие необходимо будут коллективами, будучи человеческими сообществами. Но качество соединения людей в коллективы совершенно различно в этих двух сообществах. В Левиафанах, как и писал Гоббс, одна воля поглощает все прочие воли, поживает их. Это системы садомазохизма с абсолютной властью вождя, которая поглотила волю своих рабов, способных только подчиняться приказам. Коллекивизм демократов являет совсем другое соединение людей, что можно видеть на наглядном примере визинарных компаний: общую истину, которая руководит всеми и которую совместно ищут и изучают. Соединение энергии людей не в садомазохизме поля Эгосистемы, а в доброте, совести, справедливости поля интеллекта, где такое соединение не ломает ничью волю, не делит людей на потребителей и доноров, а многократно увеличивает ментальную силу каждого человека и всего общества в целом.

Успешно защитив на этом примере диссертацию о связи двух полей психики и двух типов сообщества, мы теперь ставили перед собой политические цели. Доказать, что не только визинарные компании имеют общие механизмы и закономерности, но и все здоровые государства имеют те же механизмы и закономерности. Мы решительно выступили в защиту гуманистического космополитизма против всеобъемлющего национализма нашего времени, поставив своим манифестом труды Бертрана Рассела, Жюльена Бенды и Алена Финкелькраута, которые много писали о вреде национализма. Высказы-

вание Эйнштейна, который боролся с национализмом вместе с Бертраном Расселом о том, что «национализм есть детская болезнь человечества» мы поставили девизом нашей политической компании.

В книге «Предательство интеллектуалов» Бенда пишет о том, как общая и абсолютная истина и мораль, которые происходят из Разума и Рационализма были уничтожены поражением разума в борьбе с эмпиризмом и анти-интеллектуализмом. Как это повлекло расцвет национального и классового эгоизма, и нарастание враждебности между нациями и классами. Как мораль и справедливость не только стали игнорировать, но превратили в свой антипод, в безнравственность и аморальность, и стали апостолами этой безнравственности. Макиавелли или Ришелье признавали зло, если это необходимо, но они не говорили, что это добро, пишет Бенда. Предательство интеллектуалов в том, что они стали апостолами зла, апостолами глупости, отказавшись признавать разум, многократно усилив на базе национализма враждебные политические страстей. Потеря общего разума, общей истины, общей морали привела к дроблению общества на враждебные группы наций и классов. И если раньше интеллектуалы всячески противодействовали такому положению вещей, пишет автор, то теперь напротив, они убеждают людей что истина и мораль могут быть только относительными, своими для каждого времени, нации и класса, причем говорят это от имени науки. Прагматизм вытеснил метафизику рационализма стараниями интеллектуалов. Согласно Бенда, фашизм Третьего Рейха, коммунизм марксизма-ленинизма стали левиафанами одного толка именно в силу этого предательства интеллектуалов. Более того, национализм, который процветает и сейчас также порождает левиафаны военных государств, а вовсе не демократии научных сообществ.

«Они провозглашают, что не существует высшей морали, перед которой должны склоняться все люди; что если рассматривать, в частности, международные отношения, то у каждого народа своя собственная, специфическая мораль, имеющая такую же ценность, как и мораль его соседей; и что те должны понимать эту мораль и к ней приспосабливаться.

Отметим другую заслуживающую внимания форму поощрения интеллектуалами партикуляризма: возвеличение особой морали и презрение к морали всеобщей. Как известно, целая школа, включающая не только политических и общественных деятелей, но и солидных философов, в течение полувека доказывает, что народ должен составить понятие о своих правах и обязанностях, обусловленное изучением его особого духа, его истории, его географического положения и конкретных обстоятельств, в которых он находится, а не велениями иллюзорного сознания человека всех времен и народов; что класс должен построить для себя шкалу блага и зла, определенную рассмотрением его особых нужд, особых целей, особых условий его жизненной среды, и не помышлять о ≪справедливости самой по себе≫, «гуманности самой по себе≫ и другой ≪мишуре≫ общей морали. Сегодня мы наблюдаем у интеллектуалов, в лице Барреса, Морраса, Сореля и даже Дюркгейма, полный крах той формы души, которая от Платона и до Канта требовала, чтобы в сердце беспристрастного вечного человека было понятие блага. К чему ведет учение, призывающее группу людей назначить себя единственным судьей нравственности своих действий (обожествление группой собственных вожделений, узаконение применяемого ею насилия, невозмутимость в осуществлении своих замыслов), — это мы видели на примере Германии в 1914 году. Возможно, мы когда-нибудь увидим это во всей Европе на примере буржуазии, если только нам не доведется увидеть это на примере рабочего класса, способного обратить ее доктрины против нее самой

Интеллектуал позорно нарушил свой долг, когда в час торжества фашистов принял несправедливость, потому что она была ≪фактом≫; более того, он сделался рабом философских учений, наиболее глубоко презирающих любой идеал, и объявил несправедливость справедливой, поскольку она воплощала то, что в данный момент было ≪волей истории≫. Закон интеллектуала — когда все встают на колени перед несправедливостью, превратившейся во властительницу мира, устоять на ногах и противопоставить несправедливости человеческую совесть. Образы, которым поклоняются в его корпорации, — это Катон, противостоящий Цезарю, или викарий Христа, противостоящий Наполеону

Наконец, высший атрибут политических страстей, обожествление присущего им реализма, тоже признается откровенно как никогда: Государство, Отечество, Класс — сегодня это поистине бог; можно сказать, что для многих (а некоторые этим гордятся) иного бога и не существует. Характер современных политических страстей говорит о том, что человечество становится более реалистичным, чем когда бы то ни было, — оно становится чрезвычайно, до религиозности реалистичным.

Это только наши современники — стараниями интеллектуалов — превращают государство в башню, бросающую вызов небесам. Другая новая черта в патриотизме современных интеллектуалов — их стремление соединить свой духовный строй с некой национальной духовной формой, которую они, естественно, противопоставляют иным национальным духовным формам.

Они призывают народы сознавать себя в том, что составляет их наиболее характерное отличие, — не столько в своих ученых, сколько в своих поэтах, не столько в своих философских системах, сколько в своих легендах, ибо, как они верно подметили, поэзия является неизмеримо более национальной, более разделяющей, нежели творения чистого

разума. Они призывают народы дорожить своими специфическими чертами именно как частными, а не общими для многих. Они призывают народы сознавать себя во всем, что делает их отличными от других, — не только в языке, искусстве, литературе, но и в одежде, жилище, обстановке помещений, кулинарии.

Современный интеллектуал порицает чувство всеобщего не только в интересах нации, но и в интересах класса. В наши дни моралисты внушают и буржуазии, и рабочим, что они не должны стремиться к тому, чтобы умерить чувство своего отличия и сознавать в себе общность человеческой природы, а, наоборот, должны стараться прочувствовать это отличие во всей его глубине, во всей его неизбытности; что именно это старание прекрасно и благородно, всякая же воля к единению в данном случае служит признаком низости и трусости, равно как и умственной ограниченности. Такова, как известно, главная мысль «Размышлений о насилии» Сореля, восхваляемая целой плеядой апостолов современной души. В этой позиции интеллектуалов, без сомнения, новизны еще больше, чем в их национальной установке. Что же касается ответственности этого учения за небывалое обострение ненависти у каждого из классов, выливающееся в насилие над противником, то относительно буржуазии о мере ее можно судить по итальянскому фашизму, а относительно другого класса — по русскому большевизму.

Чтобы читатель в полной мере уяснил новизну позиции современного интеллектуала, приведу высказывание Ренана, под которым подписались бы все мыслящие люди со времен Сократа: «Человек не принадлежит ни своему языку, ни своей расе; он принадлежит лишь себе самому, ибо это существо свободное, т.е. существо нравственное». На что Баррес отвечает под овации единомышленников: «Вот что нравственно: не желать быть свободным от своей расы». Этого очевидного возвеличения стадного инстинкта народы не сумели распознать у священнослужителей духа.

Можно сказать, что в последние пятьдесят лет все авторитетные моралисты Европы — Бурже, Баррес, Моррас, Пеги, Д'Аннунцио, Киплинг, значительное большинство немецких мыслителей — одобряют готовность людей сознавать себя принадлежащими своей нации, своей расе, поскольку нация и раса отличают их от других и противопоставляют их другим, и стыдят их за всякое стремление сознавать себя в качестве человека, со всем, что есть в этом качестве общего, превосходящего этническое деление. Те, кто со времен стоиков не переставали проповедовать растворение национального эгоизма в чувстве отвлеченного вечного бытия, теперь порочат любое чувство этого рода и провозглашают высокую нравственность такого эгоизма.

В наше время потомки Эразма, Монтеня, Вольтера обличают гуманитаризм как моральную деградацию; более того, и как умственную деградацию, поскольку он сопряжен с «полным отсутствием практического чутья»

Очевидно, что истина — большая помеха для намеревающихся утвердиться в своих отличиях: коль скоро они ее принимают, они принуждены сознавать себя во всеобщем. Какая радость для них — узнать, что это всеобщее лишь фантом, что существуют одни только частные истины, ≪истины лотарингские, провансальские, бретонские, согласие между которыми, устанавливавшееся веками, определяет то, что благотворно, почитаемо, истинно во Франции≫ (соседи наши говорят об истинном в Германии); иными словами, им приятно узнать, что Паскаль — не более чем грубый ум, что истина по сю сторону Пиренеев — полнейшее заблуждение по другую. — Подобное поучение человечество слышит и относительно класса: оно узнает, что есть буржуазная истина и рабочая истина; что даже функционирование нашего разума различно в зависимости от того, рабочие мы или буржуа. Источник ваших зол, назидает Сорель трудящихся, в том, что вы

не усвоили способ мышления, подходящий вашему классу; его ученик Жоанне говорит то же самое капиталистическому миру. Быть может, скоро мы будем пожинать плоды этого подлинно высочайшего искусства современных интеллектуалов обострять у классов чувство своего отличия. Преклонение перед частным и презрение к общему — это ниспровержение ценностей, характерное для всего мировоззрения современного интеллектуала и провозглашаемое им в гораздо более высокой области мысли, чем политика.

Как мы убедились, современные моралисты превозносят человека воюющего, а не человека справедливого и не человека исследующего и опять-таки проповедуют миру преклонение перед практической деятельностью, в противоположность созерцательному существованию. Ницше негодовал на кабинетного человека, ученого — «человека-отражение», — чья единственная страсть — страсть к постижению; он проявлял уважение к жизни духа, лишь поскольку в ней есть волнение, восторг, действие, пристрастность, и насмехался над методичным, «объективным» изысканием, верным той «гнусной карге», что зовется истиной. Сорель подвергал критике общества, которые «отводят привилегированное место любителям чисто интеллектуальных занятий». Баррес, Леметр, Брюнетьер тридцать лет назад призывали «интеллектуалов» помнить, что они представляют тип человека, «низший по отношению к военному»

Предательство интеллектуалов Ж. Бенда

Таким образом, позиция Бенды (как и позиция Бертрана Рассела и Эйнштейна) прямо противоположна цивилизационному подходу Тойнби, Шпенглера, и их современных последователей в лице Хантингтона или Алейды Ассман. И Хантингтон и Ассман националисты с той лишь разницей, что Хантингтон пишет о неминуе-

момо столкновении различных цивилизаций, с различной национальной, культурной и религиозной идентичностью, и о победе сильнейшего в этом противостоянии. А Ассман пишет о том, что если ядром национальной идентичности сделать «миф» раскаяния в прежней агрессии нации, ее вину перед невинными жертвами, то нации смогут сосуществовать в мире, поскольку, несмотря на различную национальную, культурную и религиозную идентичность, они не захотят повторять ошибок прошлого. Очевидно, что из этих двух позиций авторов националистов более правдоподобным выглядит прогноз Хантингтона. Жюльен Бенда дает совершенно другое определение цивилизации, как общих культурных достижений человечества, объединяющей их, а не противопоставляющей.

«Цивилизация, как я ее здесь понимаю — моральное первенство, отдаваемое культивированию духовного и чувству всеобщего». Это определение цивилизации у Бенда прямо противоположно пониманию цивилизации у националистов, которые считают их равнозначными самобытными культурами, а вовсе не общей для всего человечества духовностью.

Ален Финкелькраут продолжил мысль Бенды в противопоставлении понимания цивилизации как общей человеческой культуры в противовес множественным самобытным нациям. И как следствие, Финкелькраут пишет о губительном влиянии работ Леви-Стросса, который на уровне теоретической антропологии стремился опровергнуть точку зрения гуманитарного космополитизма об общей человеческой природе и единой цивилизации развитого духа человечества.

«Новый автор исследует предательство интеллектуалов посткоммунистического мира, в котором доминируют серые императивы поп-культуры, возрождающийся нацио-

нализм и этнический сепаратизм. Как и Бенда, он ратует за Просвещение и его идеалы, особенно за идеал всеобщей человеческой сущности, стоящей над всеми этническими, расовыми и половыми различиями людей. Теперешние интеллектуалы оказались много дальше своих предшественников в деле дискредитации высших ценностей. Они дошли до того, что объявляют мысль и неразумие имеющими одинаковый статус, а саму истину — ложным идеологическим конструктом. Отречение отразума происходит сегодня в значительной степени под влиянием мультикультурализма: отказа от признания существования универсального культурного канона; утверждения идеи равноценности различных культур; размывания грани между ≪высокой≫ и ≪низкой≫ культурами — а точнее вследствие подчинения культуры антропологии. В этом смысле поистине губительным, по мнению Финкелькраута, было влияние Леви-Строса, заявившего, что он будет сражаться против иерархической классификации культурных различий и против ≪ложной антиномии≫ логического

и пралогического мышления Леви-Брюля. Но главное, что понял новый последователь Бенда, — это то, что ≪современные атаки на элитарность культуры ведут не к расширению культуры, а к ее разрушению»

Предисловие к Предательство интеллектуалов Бенда

Гуманисты, выступающие в защиту общей человеческой природы, говорят не о том, что эта природа непременно здорова и добродетельна. А о том, что понятия добродетели и порока общие для всего человечества, об абсолютной этике в противовес относительной, которая признает то добром, то злом одни и те же вещи в зависимости от времени и пространства (для каждой нации, «культуры», эпохи свои понятия добра и зла). Гуманисты говорят о том, что хоть изначально

природа человека добродетельна и прекрасна, она также как все живое уязвима для болезни, которые и порождают порок, зло. Но болезни эти также объективны, как и фундаментальное здоровье человека, имеют общие закономерности для всего человечества и потому добро и зло всегда одно и то же, потому они утверждают абсолютную этику неизменных понятий добра и зла. Вот, например, Бенда пишет, что, не признавая различных наций и классов, следует говорить о различных «моральных расах», как о порочных и добродетельных людях. Он пишет, что его термин не точен, и действительно, когда Леви-Брюль говорит о пралогичном и логичном сознаниях, он имеет ввиду, что эти два типа мышления могут умещаться в одном сознании, в одной психике. Порочным или добродетельным оказывается тот человек у которого преобладает одно из них, и та группа, в которой больше тех, у кого преобладает пралогичное или логичное мышление. И Финкелькраут и Бенда одинаково предпочитают видеть общие закономерности во всем человечестве, проявляющиеся в частности в пралогичном и логичном мышлении Леви-Брюля, вместо относительной морали равноценных и самобытных наций и культур.

«Позиция интеллектуала выражена в следующих словах корифея: ≪...Мы... разумеем жизнь человеческую, которая определяется не только кровообращением и другими функциями, свойственными всем животным, но преимущественно разумом, истинной добродетелью и жизнью духа≫. Точно так же если интеллектуал, верный своей сущности, не придает значения биологическим расам у людей, то он должен допустить у них расы моральные, а именно группы людей, которые сумели подняться до определенной нравственности, в отличие от других, оказавшихся к этому неспособными. Слово

≪раса≫, может быть, является здесь не вполне точным, поскольку ничто не доказывает, что в низком моральном уровне этих вторых групп есть нечто фатальное и что они никогда не смогут его преодолеть»

Предательство интеллектуалов Ж. Бенда

«Добавлю, что только такой гуманитаризм, который чтит человеческое как отвлеченное качество, позволяет любить всех людей; ясно, что, рассматривая людей конкретно, мы с необходимостью обнаруживаем это качество распределенным в разных количествах и должны согласиться с Ренаном: ≪В действительности индивидуум является в большей или меньшей мере человеком, в большей или меньшей мере сыном Божьим...

Я не вижу причин, по которым папуас был бы бессмертным≫. Современные эгалитаристы, не понимая, что равенство может быть лишь в области абстрактного, что сущность конкретного — неравенство, показывают, кроме своего недопустимого политического невежества, чрезвычайную грубость ума»

Предательство интеллектуалов Ж. Бенда

Отказ от истины, от интеллекта, от науки всегда ведет к торжеству силы, к торжеству насилия. Либо научный контроль, либо физический, — другого не дано. Если истины общей нет, значит сила решает кто прав и в чем справедливость. Об этом же с горечью пишет Бенда, что идеалы греческой демократии были утрачены в угоду германским идеалам обожествляемого ими сильного государства прусского типа. Научная дискуссия уступила место милитаризму.

Карл Поппер пишет в «Открытом обществе», что поскольку законов общей человеческой природы не существует, то научного контроля общества нет и быть не может. Он смеется в этой связи над «психологизмом» Джона

Милля, который утверждал обратное, и противопоставляет ему «юридизм» правовых отношений. Это значит, что обществом правят законы, принятые по договоренности большинства, и вводимые угрозой наказания силовыми институтами государства. Таким образом, Поппер вслед за Гоббсом смеется над «естественным правом» психологизма и противопоставляет ему «позитивное право» юридизма.

Все демократические революции Нового времени начинались с утверждения естественного права. Оттуда же берет начало и знаменитая теория прав человека Томаса Пейна, которая стала основой всей демократической цивилизации. О естественном праве писали Руссо и Локк, Гроций и Кондорсе, Огюст Конт и Прудон, Джон Стюарт Милль и Герберт Спенсер, Герцен и Кропоткин.

«Предательство интеллектуалов» отказалось от доктрины естественного права как обоснования справедливости принимаемых юридических законов в пользу, как пишет Бенда утверждения, что государство должно быть сильным и безразличным к справедливости.

«Это касается, прежде всего, отношения к государству. Те, кто на протяжении двадцати столетий проповедовали миру, что государство должно быть справедливым, теперь провозглашают, что государство должно быть сильным и безразличным к справедливости (мы помним позицию известных французских ученых в деле Дрейфуса). Убежденные в том, что государствасильны в меру их авторитарности, они защищают автократические режимы, правительства, действующие по произволу — в государственных интересах, религии, призывающие к слепому повиновению власти, и предают анафеме установления, основанные на свободе и дискуссии60. Резко отрицательная оценка либерализма огромным большинством писателей и публицистов — одно их тех явлений нашего времени, которые более всего удивят исто-

рию, в особенности со стороны французских литераторов. Устремив взоры на сильное государство, они превозносят государство прусского образца, где царит строгая дисциплина, где каждый стоит на своем посту и, выполняя распоряжения сверху, трудится ради величия нации, так что здесь не остается места для воли индивидуумов61. Вследствие преклонения перед сильным государством (а также и по другим причинам, о которых мы скажем далее) они желают, чтобы в государстве преобладал военный элемент, имеющий привилегированный статус, и чтобы его права на привилегии были признаны гражданским элементом (см. ≪Призыв к оружию≫, заявления многих писателей во время острой полемики по делу Дрейфуса). Мыслящие люди проповедуют унижение тоги перед шпагой — вот что ново в их корпорации, особенно в стране Монтескьё и Ренана.

Превознесение ≪сильного государства≫ выливается у современного интеллектуала в ряд учений, которые, можно с уверенностью сказать, крайне удивили бы его предшественников, во всяком случае великих.

1. Утверждение прав обычая, истории, прошлого (естественно, постольку, поскольку они освящают навязанные силой режимы) в противоположность правам разума. Они учат, что на стороне обычая — некое право, вернее право вообще, и, следовательно, его надо уважать не только ради пользы, но и ради самой справедливости.

2. Превознесение политики, основанной на опыте, т.е. политики, согласно которой общество должно управляться принципами, доказавшими, что они могут сделать его сильным, а не ≪химерами≫, нацеленными на то, чтобы сделать его справедливым.

3. Утверждение, что политические формы должны быть приспособлены к ≪человеку, каков он есть и каким будет всегда≫ (читай — неуживчивым и кровожадным, т.е. постоянно требующим режимов принуждения и военных институтов). Упорное желание стольких современных пас-

тырей уверить людей в неспособности человеческой природы к совершенствованию представляется одним из самых странных аспектов их мировоззрения»

Предательство интеллектуалов Ж. Бенда

Один из выраженных националистов нашего времени, президент России, Владимир Путин, очень четко сформулировал эту идеологию превосходства силы государства над естественным правом общечеловеческих ценностей в своей теории национального суверенитета. Все помнят его в Мюнхене в 2007 году, когда он со всей резкостью заявил о необходимости соблюдения границ национального суверенитета. Эта речь стала манифестом теории национального суверенитета путинского режима в России, которую потом стали развивать политики и авторы учебников («Происхождение суверенитета» Н. Грачев 2009 и 2018). В этой связи В. Сурков, зам.руководителя администрации президента России даже ввел новый термин «Суверенная демократия», который должен был означать ту широко пропагандируемую позицию националистов об отмене общей морали естественного права в пользу местечковой «морали» наций, во всей ее относительности и иррациональности. В. Соловьев, председатель союза журналистов России и ведущий популярный пропагандистских ток-шоу, написал книгу «Революция консерваторов», в которой прямо предлагает отказаться от Декларации прав человека как нелепой попытке выводить национальную правовую систему из предположений о какой-то общей природе человека, о каком то естественном праве. Сам Путин заявил, что позиция бывшего министра иностранных дел России Андрея Козырева о том, что у России нет национальных интересов, а есть только общечеловеческие интересы, говорит об отсутствии головы: «черепная коробка есть, а ума нет».

Самым трагичным в этой ситуации оказался тот факт, что активный борец с консерваторами Америки, демократ и гуманист как он себя позиционирует в своих фильмах, режиссер Оливер Стоун, почему-то решил, что поддержав националистическую позицию консервативного режима Путина, он тем самым будет содействовать росту демократии во всем мире. Он посчитал, что теория национального суверенитета Путина, который на мюнхенской конференции четко заявил о том, что американское правительство выходит за рамки своего национального суверенитета в попытках навязать свою правовую систему другим государствам, будучи решительным препятствием на пути американского империализма (о котором пишет Джон Перкинс в том числе), будет содействовать «свободе наций» от посягательств Америки на роль «международного полицейского».

Однако, противоборство двух консервативных националистических режимов не есть борьба за демократию и свободу в мире. Тот факт, что Путин и консерваторы Америки имеют империалистические амбиции и противоборствуют между собой, не значит, что теория национального суверенитета Путина есть путь к демократии. Совсем напротив, как и предупреждал Жюльен Бенда — это путь в прямо противоположном направлении, и это очень скоро почувствовали на себе граждане России. Верно, что никакая страна не должна управлять другими странами, но неверно, что международные институты естественного права не должны вмешиваться в деятельность национальных правовых систем как предлагает Путин.

И мы, наша организация «церковь рационализма» предложила такой международный институт, основанный на идее всечеловеческого естественного права, как источника национальных правовых систем: Международное сообщество научного контроля.

Мы резко отказались признавать суверенитет наций в том что касалось правовых систем: правовые системы должны быть справедливыми, а справедливыми они могут быть только если источник юридического права естественное право, то есть закономерности общей природы человека, абсолютная мораль, для которой добро и зло одинаковы во все времена и во всех человеческих сообществах.

Мы взялись защитить общую истину и общую мораль, что прямо вытекало из философии рационализма. Мы ставили своими политическими задачами борьбу с суверенными границами национальных правовых систем, стремились вменить им в обязанность отчетность перед международным сообществом научного контроля, которое противопоставляет всякому национальному праву — естественное право. Мы стремились восстановить справедливость, подчинив силу разуму, военных ученым, позитивное право естественному. Мы стремились доказать что народный суверенитет равен научному суверенитету, но никак не национальному и государственному. Что народный и научный суверенитет — это верховенство науки и человечности общей морали гуманизма, а национальный и государственный суверенитет — это верховенство мифологии иррационального сознания и силовых институтов государства. Что первое — демократии, а второе — лефиафаны.

Мы ответили на упрек теоретиков путинского режима, которые отвергают понятие «народного суверенитета» как самопротиворечивое: народ не может быть одновременно объектом и субъектом власти. И вообще, говорят, они нет понятия народ, как «юридической личности». Народ, ответили мы, — объект юридической власти в виде правовой системы государство. И народ же — субъект научного контроля в виде участников международного сообщества научного контроля, которое контролирует

правовые национальные системы на их соответствие естественному праву. Народ как «всеобщая воля» Руссо — это Дух здоровых людей, поле совести, справедливости, познания. Это знания законов природных энергий, в том числе закономерностей своей собственной энергии.

Возникал вопрос как именно мы собирались контролировать национальные правовые системы путем сравнения их с естественным правом?

Конечно путем контроля национальных систем образования. Мы выдвинули три требования к национальным системам образования:

- всеобщность
- доступность (бесплатность)
- качество.

Мы, прежде всего потребовали, чтобы эти требования к образованию стали частью Декларации прав человека, чтобы все международные институты признали основой основ, святым правом каждого человека на качественное образование. Потому что именно образование делает человека человеком. Человеку не нужна свобода слова, печати и даже мысли, если он не образован. Ему не нужна свобода предпринимательства, ему не нужна даже его собственная жизнь, если он не знает кто и что он, и как ему защитить себя, и кто его враги, а кто друзья, — все то, что позволяет узнать качественное психологическое образование. Поэтому мы поставили вопрос о доступности и качестве образования как важнейший и фундаментальнейший вопрос декларации прав человека.

Конечно, наше требование на много лет повисло в воздухе, но скандал который оно вызвало так сильно сотряс политические и интеллектуальные круги, что стало ясно, что признание права на бесплатное и качественное образование частью прав человека только вопрос времени. Конечно, нас называли красными, которые

подрывают святая святых капиталистического общества, где за все надо платить и где образование достается тоже сильнейшим, но мы твердо держались своей политики.

Мы представили политическую задачу Международного сообщества научного контроля как «Суд этики», то есть критику существующих национальных правовых и образовательных систем с точки зрения общих закономерностей научного подхода, который есть источник единой истины и абсолютной морали естественного права. Разумеется, у нас не было никаких возможностей экономических или силовых санкций: нашей задачей было вынести порочность национализма на гуманитарный суд общечеловеческой цивилизации. Это был вызов националистическому мировоззрению относительной морали и относительной истины, вызов теориям национального суверенитета. Мы судили все то порочное в национальных системах, что ущемляло права людей на получение качественного образования, и таким образом на обретение самих себя. «Познай самого себя» дельфийских оракулов — стало девизом нашей программы качественного образования.

Мы требовали, чтобы образование было построено с должным вниманием к философии рационализма и основам психологии, которые должны были включаться в обязательный минимум всякого высшего образования. Чтобы учения гуманистических философов и гуманистических психологов обязательно присутствовали в каждой образовательной программе: Платон, Спиноза, Руссо, Кьеркегор, Бертран Рассел, Герберт Спенсер, Фромм, Маслоу, Юнг, Хорни, Роджерс, Олпорт, Адлер, Франкл, Милграмм. Исследование самоактуалов Маслоу (Президент ассоциации психологов Америки), Подчинение авторитету Милграмма Йельского университета, исследование визинарных компаний Порраса и Коллинза Стендфордского университета, как обязательные эмпи-

рические находки современной психологической и социальной мысли. Обязательное изучение психоанализа Фрейда, но обязательно в сравнительном анализе с учением его учеников — Фромма, Юнга, Хорни, и вообще с гуманистчиеской позицией. Изучение всего наследия философской мысли обязательно сквозь призму противостояния рационализма и эмпиризма, интеллектуализма и антиинтеллектуализма, гуманизма и анти-гуманизма. Так чтобы изучение экзистенциализма проходило через изучение противостояния позиций Сартра и Камю, а изучение антиинтеллектуализма через противостояние Ницше и Спинозы. Если программа включала выборочные имена, выборочные учения — эта программа не могла быть признана качественной, а следовательно не являлась образованием в истинном смысле этого слова. В том же разрезе должна была быть представлена мировая литература. Мы долго работали над согласованием качеств образовательной программы, необходимых для того, чтобы к концу обучения человек достиг главной, минимальной цели образования: получил знание о самом себе, о закономерностях психики, как они представлены в мировом интеллектуальном фонде.

В гуманитарном университете, который мы открыли сами, мы преподавали весь этот материал, как основы теории психической энергии. Мы не навязывали этого подхода в качестве международных стандартов, пока теория психической энергии не получила широкого международного признания и не была подтверждена на обширном эмпирическом материале. Но постепенно успехи студентов нашего университета, творчество участников нашей церкви рационалистов, которые писали книги и создавали произведения искусства, принимали активное участие в нашей политической деятельности, сделало теорию психической энергии фактом научной культуры, которая завоевывала все более университетов.

Однако это заняло много лет, а начало нашей деятельности было всецело сосредоточено просто на формулировании необходимости полноценно представлять гуманистическую и рационалистическую философии, психологию, литературы в программах национальных университетов.

Мы не говорили, что отсутствие доступного высшего образования в Америке — это внутреннее дело Америке (ссылаясь в частности на книгу Ноама Хомского «Системы власти»). Мы говорили, что свобода начинается со становления личности. Не нужно абстрактной свободы предпринимательства, если человек не может получить доступ к ресурсам собственной личности, развить свой дух и интеллект, что невозможно без качественного гуманитарного образования. Мы не говорили, что тотальность конфуцианства в Китае, или тотальность религии в Иране, вытесняющие гуманитарное образование, — это внутренне дело государств. Мы писали о том, что нарушаются фундаментальные права личности, их ущемляют в возможности узнать информацию о человеке, накопленную тысячелетиями развития научной мысли, изучавшей общие закономерности психики человека. Мы говорили, что качество гуманитарного образования в России настолько низкое, что не оставляет шансов на становление личности, и прямо действует в обратном направлении: в провокации иррационального, мистического или пралогичного сознания Леви-Брюля.

Такой этический суд оказался очень действенным. Как оказалось, если люди и институты не могут прикрыть свою порочность добродетелью надуманной этики нации, отличной от общечеловеческой этики, они тяжело переживают вынесение приговора порочности от лица международной общественности. Под этими публикациями поднимались шумные обсуждения: кто-

то обвинял во вранье, кто-то оправдывался, и в конце концов истина всегда оказывалась очевидна.

Мы поставили лозунгом своей политической деятельности «Психологизм Милля против экономизма Поппера!». «Свобода — это знания! Стать свободным — познать самого себя! Свободным предпринимателем можно стать только после того как станешь свободной личностью!» Мы доказывали фундаментальную важность образовательных институтов, и второстепенное, производное значение экономических институтов для здоровья общества.

Что со временем деятельность международного сообщества научного контроля и в самом деле поставит под контроль естественного права национальные правовые системы, дискуссию над оружие, ученых над военными. И тогда быть может о нас напишут, как Бенда писал об интеллектуалах прошлых столетий:

«Они не воспрепятствовали мирской части человечества наполнить историю распрями и кровопролитиями, но и не позволили ей сделать из ненависти религию и вменить себе в великую заслугу совершенствование разрушительных страстей. Только благодаря таким людям можно сказать, что на протяжении двух тысячелетий человечество творило зло, но поклонялось добру. Это противоречие было гордостью человеческого рода и создавало разлом, сквозь который могла проникнуть

цивилизация. Однако в конце XIX века происходит радикальная перемена: интеллектуалы начинают потворствовать политическим страстям; накидывавшие узду на реализм народов теперь становятся его поощрителями.

Я имею в виду тот класс людей, который я буду здесь называть интеллектуалами, обозначая этим именем всех тех, кто в своей деятельности, по существу, не преследует практических целей и, находя отраду в занятиях искус-

ством, или наукой, или метафизическими изысканиями — словом, в обладании благом не временным, как бы говорит: ≪Царство мое не от мира сего≫

Когда Жерсон взошел на кафедру собора Нотр-Дам, чтобы заклеймить убийц Людовика Орлеанского; когда Спиноза, рискуя жизнью, написал на дверях подстрекателей к убийству де Виттов: ≪Ultimi barbarorum≫; когда Вольтер боролся за Каласа; когда Золя и Дюкло принимали участие в знаменитом процессе, — эти интеллектуалы в самом высоком смысле исполняли миссию интеллектуалов; они служили отвлеченной справедливости и не пятнали себя страстью к чему-либо мирскому.

Это только в наше время люди мыслящие или называющие себя таковыми хвалятся тем, что над их патриотизмом рассудок не властен, провозглашают: ≪Пусть даже отечество неправо, надо быть с ним заодно≫ (Баррес), объявляют изменниками нации своих соотечественников, желающих сохранить за собой духовную свободу или, по крайней мере, свободу слова.

Между тем целый класс людей, и притом наиболее почитаемых, препятствует этому движению; ученые, художники, философы являют миру душу, не ведающую наций, и в общении между собой используют универсальный язык; те, кто создает для Европы нравственные ценности, проповедуют культ общечеловеческого или, по крайней мере, христианского единства, а не культ национального и прилагают усилия к тому, чтобы основать, наперекор нациям, великую всеохватную державу, построенную на духовных началах»

Предательство интеллектуалов Ж. Бенда

Глава 11. Настоящая любовь

Наша компания значительно расширилась за годы работы в церкви рационализма с визинарными компаниями, тем не менее, мы оставались очень дружны. Джеймс, Барух и Гюнтер вскоре вошли в состав топ-менеджмента визинарных компаний. Гия отдавал большую часть времени искусству, особенно живописи, его творчество пользовалось большим успехом. Флер решила вернуться во Францию, а Гия хотел остаться с нами в Америке, и они расстались. Он активно помогал нам в церкви рационализма. Патриция вскоре вернулась к себе в Кембридж: «Я не могу больше оставлять Уильяма одного, — сказала она нам, — мне и тогда трудно было уезжать, но тогда я не могла иначе». Мы с Ричардом жили вместе, растили двух сыновей и работали над идеей создания института психической энергии. Флер какое-то время жила во Франции, но вскоре присоединилась к работе над нашим университетом. «Без вас жизнь потеряла для меня смысл, — сказала она возвратившись. — Я ведь не думала оставаться в Америке, но оказалось, что вы моя судьба».

Первые годы работы было так много, что иногда у нас опускались руки, мы начинали отчаиваться. Но потом, по мере того как программы были составлены, первые выпуски успешно подготовлены, работа постепенно вошла в свою колею. Успех Института психической энергии, или иначе Университета рационализма и гуманизма, был настолько очевиден в успехах наших выпускников, что мы вправе были гордиться результатами своей деятельности. Наши выпускники автоматически становились членами церкви рационализма, что их ни к чему не обязывало, кроме возможности добровольного участия в научной, благотворительной и политической дея-

тельности церкви. Автоматическое зачисление в члены церкви рационализма означало только, что программа «познай самого себя!» пройдена и удовлетворяет требованиям церкви.

Для других вступление в церковь рационализма требовало одного года обучения в самой церкви. Если претендент справлялся, на второй год он посещал ее уже как полноправный член. Если нет, он мог возобновлять попытки, либо отказаться от участия в нашей церкви. Большая часть претендентов проходила с первой попытки. Первые годы на фонды, выделяемые визинарными компаниями, мы построили две церкви, и на долгое время должны были ими удовлетвориться, пока деятельность нашей организации ширилась и крепла. Впрочем, в последующие годы церкви рационализма спонтанно возникали в арендованных помещениях не только по всей Америке, но и в других уголках планеты.

В чем состояла каждодневная деятельность церкви? Прежде всего, обучение новичков, которое состояло в усвоении программы минимум «познай самого себя!». Но и те, кто преодолел этот барьер и становился полноправным членом церкви, могли в любой момент общаться с действующими психологами церкви. Наши священники не были догматиками, обещавшими благо в другом мире. Они были учеными, которые учили, как высвободить потенциал духовной энергии в этом мире. Они не исповедовали и не расспрашивали о сексуальных влечениях в детстве, не трактовали детские воспоминания как символы полового влечения и не отпускали грехов. Они внимательно слушали, что было у человека сказать о самом себе и о том, как он сам понимал свои проблемы. Как правило, жаловались на проблемы с романтической любовью, на ревность, измены, стеснительность или нахальство, на страх стыда и тревожность, и смешивали проблемы полового влечения с романтической любовью.

Или жаловались на проблемы в карьере, на плохую адаптацию в обществе, на одиночество и потерю смысла жизни. Следующий этап контакта с учеными церкви состоял в том, чтобы выяснить уровень начитанности и общего багажа знаний человека. Для него подбиралась программа минимум, включавшая список книг, которые ему необходимо было прочитать. Ученые церкви всегда были доступны для пояснения трудных мест и ответов на все вопросы. Когда человек научался различать поле эгосистемы и поле интеллекта, ему прививали привычку рефлексии и самоанализа, которая необходима, чтобы избавится от поля эгосистемы. Но в одиночку человек не может справиться с этой задачей. Ему необходимо общение и поддержка здоровых людей, чья доброта, ум, юмор, искренность незаметно для самого человека оказывают решающую роль в его борьбе со своим эго. Он становится частью этого коллектива, и чувствует свое духовное преображение. Это называлось в церкви «родиться от духа». Христос входил в иконостас церкви наряду с другими великими гуманистами, но не был ни божеством, как в христианской церкви, ни откровением, ни тем более единственным источником. Та часть Евангелия, которая поддавалась рациональному толкованию и не противоречила общим закономерностям, признавалась как все труды гуманистов. И поскольку в Евангелии много таких мест, Христа вспоминали довольно часто. Были и места, которые прямо противоречили рационализму. Так, вслед за Толстым, не принимались во внимание вся чудодейственная часть Евангелия. Также не принималась доктрина непротивления злу и любви к врагам, как нарушение фундаментального закона психики: закона сохранения силы. Другие слова Христа «Не мир я принес, но меч», которые часто вспоминает и Бенда, исключают доктрину непротивления злу. Нашим мечом была разработанная нам система гуманитарного образования.

Ненависть к пороку необходима для защиты от него. Слова Золя о ненависти, которые он предпослал сборнику «Что мне ненавистно», мы противопоставляли доктрине непротивления злу. «Ненависть священна, — писал Золя, — она рождается в сердцах сильных и мужественных, ею они выражают свое негодование и презрение к посредственности и глупости. Ненавидеть значит любить, чувствовать свою душу пылкой и благородной, значит дышать презрением ко всему постыдному, ко всему, что носит печать тупоумия. Ненависть облегчает душу, она ведет к справедливости». Закон сохранения силы психики в основе обоих психических полей (поля эгосистемы и поля интеллекта). Именно этот закон порождает любовь к силе, и ненависть к слабости на обоих полях. Но понимание силы на поле эгосистемы и на поле интеллекта разное, а вместе с ним меняется и понимание о любви и ненависти. Поле эгосистемы любит все, что предстает через кривое зеркало «загрузок Суперэго», как всесильной сверхъестественной силы (это притяжения самовлюбленности). И ревнует, завидует, злорадствует всему, что соперничает с ним в обладании СУперЭго. В этом специфика любви и ненависти поля эгосистемы. Поле интеллекта любит знание, которое дает силу и таких же людей, которые тоже любят знание. И ненавидит порок, который мешает науке и убивает людей науки из злорадства и из тупости. Эту теорию двух видов любви и ненависти, которые происходят из закона сохранения силы двух полей психики мы противопоставили христианской доктрине всеобщей единой любви, которая у них всегда хороша, и единой ненависти, которая у них всегда плоха. И так обосновали свое неприятие непротивления злу Евангелия, Толстого и Ганди.

Но Золя как видно пишет о ненависти к пороку, к «пралогичному сознанию» Леви-Брюля, которое мо-

жет сосуществовать у одних и тех же людей рядом с логичным сознанием. И мы понимаем порок как болезнь, от которой страдают, прежде всего, пораженные этой болезнью. Тем не менее, не могло идти и речи о любви к врагам или о том, чтобы подставлять им вторую щеку. Напротив, мы обязаны были держаться в стороне и не вступать в близкие духовные отношения во избежание всего, что несет с собой нездоровье: неискренность, сплетни, зависть, ревность, злорадство, насилие и тд и тп. Мы отдавали большие средства на благотворительность и всеми своими силами, личными и инфраструктурой своих институтов, стремились к тому, чтобы дать как можно больше ментального здоровья и как можно больше людей принять в свои ряды. Мы стремились сделать образование доступным и качественным для всех. Но там где порок все-таки оставался реальностью, мы не в силах были принимать людей в свои ряды так, чтобы не уничтожить само свое существо. Подобно визинарным компаниям, которые «стирают подобно вирусу» людей им неблизких по духу, или самоактуалам Маслоу, которые способны дружить только с такими же здоровыми людьми как они сами (но при этом отдают много сил для научной, общественной и политической деятельности, чтобы помочь всем), мы принимали в свои ряды только тех, кто удовлетворительно прошел программу «познай самого себя» как минимальный тест душевного здоровья. И держали открытыми двери для всех, кто хотел пройти эту программу. Помимо персональной работы с учеными церкви, претенденты имели доступ ко всем общим образовательным лекциям и курсам, которые регулярно читались в качестве благотворительного вклада нашими профессорами и интеллектуалами. В церкви можно было посидеть и отдохнуть, послушать классическую музыку или полистать книгу из обширной библиотеки

церкви, а можно было поработать. Но работали только те, кто становился частью церкви.

Те, кто становились членами церкви рационализма, допускались к участию в научной, политической, общественной деятельности церкви. Мы собирались в оснащенных по последнему слову техники компьютерных залах, где мониторы выводили последние новости, участие международного сообщества научного контроля в этих новостях и шумно их обсуждали. Далее, наш сайт «Суда Этики», на котором граждане разных стран, журналисты или организации жаловались на беспредел, примененный в отношении них, требовал наших активных комментариев и анализа. К обслуживанию всей этой инфраструктуры, к участию в политической работе допускались только члены церкви.

Я ушла с головой в деятельность Международного сообщества научного контроля, подготовив почти все теоретические документы нашего сообщества. Идею мне подал Джеймс, который всегда настаивал на том, что главным результатом деятельности церкви рационализма должна стать политическая деятельность нашей церкви.

— Международное сообщество научного контроля! Вот что является прямым следствием нашей метафизики! Противопоставление естественного и позитивного права! — говорил нам Джеймс. Это была его идея.

А разработка всех теоретических документов этого международного института легла на мои плечи. Неоткуда было ждать помощи, пока институт был только в проекте. Но как только проект был готов, и его широко одобрили, в работу как всегда включились все. Все это время мы мало виделись с Ричардом, наверное, это стало причиной нашего расставания в тот момент.

— Я должен с тобой поговорить, — сказал мне как-то вечером Ричард, когда дети уже легли спать. — Я хочу, чтобы ты понимала, я не приму никакого решения без

тебя. Это решение в той же мере касается тебя, в какой и меня. Мы можем принять его только вместе. Если ты решишь, что все надо оставить, так как есть, мы так и сделаем. Если нет, то нет.

— Что-нибудь случилось, Ричард? Ты меня пугаешь. Ты никогда не был таким торжественным.

— Помнишь, мы говорили, что всегда останемся друзьями? Скажи, ты можешь представить себе ситуацию, чтобы мы перестали быть друзьями?

— Ричард, не может быть! Ты мне изменил! — мне стало так смешно неожиданно для себя самой. — Ричард, пожалей мое любопытство. Кто моя соперница? Кто заставил тебя так торжественно разговаривать со мной.

Я смеялась, может быть, немного слишком нервно, но смех мой был искренним. Я прислушивалась к себе, и с удовольствием отметила, что мне не было больно. Было просто такое странное чувство, словно я вдруг оказалась в море в маленькой лодке без руля и без ветрил.

— Это Флер, Аврора, и конечно, мы тебе не изменяли. Я же тебе сказал, что все решишь ты, потому что мы с тобой брали обязательства друг перед другом самим фактом нашего союза.

— Флер? — и чувство заброшенности в морской пучине также быстро растаяло, как пришло. — Хорошо, что Флер, Ричард. Так мне легче это принять. Не знаю почему. Конечно, конечно, мой дорогой. Лишь бы тебе было хорошо. Лишь бы вам было хорошо. А для нас с тобой ведь ничего не изменится. Мы по прежнему будем вместе работать и по прежнему будем родителями наших детей. Мне просто стало немного смешно. Неожиданно для себя. Извини.

Когда мы с Ричардом разъехались, и это стало официальной новостью, наши друзья собрались все у нас, посочувствовать мне, поддержать Ричарда в его нелегком решении. Нам обоим было очень трудно. Только спустя

год я почувствовала, что стресс полностью прошел. И на детях эти перемены почти не отразились. Мы продолжали работать вместе, и все оставалось по прежнему, разве что Ричард переехал к Флер. Я по прежнему активно участвовала в деятельности университета, помогала Ричарду и Флер, но большую часть времени отдавала нашему институту международной политики, где мы работали вместе с Джеймсом. Наверное поэтому, к концу того тяжелого года мы стали жить с Джеймсом, который тоже воспитывал дочь.

Церковь рационализма становилась все более популярной. Международное сообщество научного контроля не сходило со страниц газет. Студенческое общество «Селинджеров» окончательно затмило популярностью и престижем элитные организация вроде «Черепов». Успехи нашего Университета рационализма и гуманизма превзошли все ожидания в талантах наших выпускников, которые продолжали работать с нами и после выпуска. Первыми нашу программу качественного гуманитарного образования признали в Кембридже. Не без помощи Патриции, конечно, но она в данном случае помогла только передать информацию, никто не стал бы ее слушать, если бы им не понравилось то, что они узнали. Вторым откликнулся Корнелл, гордый своими известными уже выпускниками. Газеты коротко сообщали историю церкви рационализма от битвы студенческих сообществ в Корнелле до сотрудничества с визинарными компаниями и учреждения института психической энергии и международного сообщества научного контроля. Наша известность, конечно, помогала нам в работе, но работы не становилось меньше. Ситуация в политике становилась все тяжелее и тяжелее. Благотворительная работа церквей требовала все больше вложений. И только бизнес, и университет со временем требовали все меньше наших усилий. Я была так занята

своими обязанностями, что почти не замечала хода времени.

Однажды мне позвонил Ричард и сказал, что Андре Филлипс приглашает его и Флер на свое ток-шоу.

— Я хотел было отказать, но подумал, что ты тоже должна участвовать в решении. Что скажешь?

— Сама я не пошла бы. Но думаю тебе надо принять предложение по двум причинам. Во-первых, он, конечно, захочет обсудить свой фильм о Селинджере. Во вторых, наверное, людям будет интересно посмотреть и послушать чем закончился знаменитый конфликт «Черепов» и «Селинджеров» Корнелла. Но смотри сам, решать тебе. А Флер что говорит? Она пойдет?

— Она тоже ждала, что ты скажешь. Сказала, что имя этого человека напоминает ей только тренировки в спортзале Корнелла, когда мы все ждали атаки и она собиралась набить ему морду, — захохотал Ричард на другом конце провода. — Хорошо, Аврора, если ты так считаешь, я пойду. Я согласен, это может быть интересно не только нам.

Андре удивил нас всех, дебютировав в роли режиссера с фильмом «Над пропасть во сне», снятого по мотивам книги Маргарет Селинджер. Это книга, в которой дочь Селинджера обвинила отца в том, что он так и не повзрослел, что вся его жизнь была инфантильными попытками найти просветление. Мы много спорили о ней еще в бытность студентами, а теперь Филлипс решил поставить точку в этом споре, сняв фильм по ее книге. Но и нам было теперь, что ответить Маргарет Селинджер. Фильм Филлипса имел успех и он был очень горд своими достижениями.

Впрочем, мы вскоре совсем забыли об успехах Андре, который становился медиа-магнатом, удачно вкладывая деньги своего отца. И вот он опять напомнил о себе почти 15 лет спустя после окончания борьбы Селинджеров и Черепов в Корнелле.

— Это прямой эфир? В какое время? Мы с Джеймсом посмотрим вместе. Удачи вам. И будьте осторожны, Ричард, ты ведь знаешь его макиавеллисткий склад ума. — сказала я, вешая трубку.

Я редко вообще смотрела телевизор и тем более ток-шоу Филлипса. Но в тот день я нашла его программу и села вместе с Джеймсом перед телевизором. Мне было интересно, какую цель ставил перед собой Филлипс, как он изменился ментально и насколько способен к конструктивному диалогу. Наш конфликт времен студенческих волнений в Корнелле был все еще у всех на устах, поскольку успех церкви рационализма постоянно возвращался к истокам создания организации в колонках журналистов.

— Мои оппоненты времен корнеллской битвы «Черепов» и «Селинджеров»! — представил Ричарда и Флер Андре, широко улыбнувшись в камеру. — Спасибо, что пришли, друзья!

Они энергично пожали друг другу руки, и Андре протянул чек на камеру:

— Вступать в церковь гуманистов мне уже поздно с моим моральным обликом, но пожертвовать на благотворительность никогда не поздно! Миллион долларов от старого друга!

Бурные овации в студии, и Андре начал интервью.

— Жаль, что Авроры Хорни, моего основного оппонента, нет в студии. Мне помнится, она смеялась над моим юридическим факультетом, и говорила, что Ганди был чуть ли не единственным достойным юристом, — усмехнулся Андре. — Она говорила, что доктрина гражданского сопротивления или несотрудничества Ганди противопоставляет законы совести людей законам государства. Когда я читал манифест вашего Международного сообщества научного контроля, в основе которого знаменитое уже сегодня, противопоставление естествен-

ного права ученых позитивному праву юристов, я отчетливо вспомнил эти свои споры с Авророй в бытность нашу студентами Корнелла. Вы считаете, юридизм, как вы называете позитивное право, со временем полностью уступит место науке? Миром будут править ученые вместо юристов?

— О, напротив мы самого высокого мнения о роли юристов, ведь на них держаться современные демократии. Будучи демократами, мы стоим на стороне государства против дарвинизма и лессеферизма частных корпораций. Но мы действительно считаем, что для того, чтобы поддержать демократии и предупредить регресс к полицейским государствам недостаточно института народного представительства во власти. Нужен еще институт естественного права, который не давал бы юридическому праву под давлением коррупции дрейфовать назад к левиафанам. В этом смысле мы по прежнему на стороне Ганди, ведь он понимал законы совести именно как естественное право, на которое обязано ориентироваться юридическое право, как на свой источник.

— Да, вы бросили вызов консерваторам, назвав их дарвинистами. Они в ответ назвали вас коммунистами. Как вам кажется, насколько оправданы их опасения, что ваш лозунг «психологизм Милля вместо экономизма Маркса и Поппера» — это не новый способ сделать государство всесильным и подавить инициативу индивида?

— Я не вижу, как из психологизма следует тоталитарное государство. Государство как общественные институты необходимы, это утверждали даже такие известные борцы за индивидуализм как Айн Рэнд и Карл Поппер. Тем более, мы под центральными общественными институтами государства разумеем институты образования, как всем известно.

— Да, вы нашумели со своими идеями сделать право на образование — основной частью прав человека.

Но ведь, насколько мне известно, право на образование итак признано правами человека во Всеобщей декларации 48 года? Нет?

— Смотря какими правами. Они определены как культурные права. Мы настаиваем на определении права на образование как прав личности, как неотъемлемых прав, данных человеку природой. Личными правами называют: право на жизнь; право на уважение чести и достоинства человека; право на свободу и личную неприкосновенность; неприкосновенность частной жизни; свобода передвижения; свободу выбора национальности и выбора языка общения; право на судебное разбирательство; право на презумпцию невиновности и т. д.

Однако, право на образование для личности человека важнее даже чем право на жизнь, поскольку без образования жизнь человека не просто ниже качеством так сказать, даже не просто пуста и бессмысленна, она становится в тягость и самому человеку и окружающим. Такова природа человека: ему нужно много знать, прежде всего о себе самом, чтобы он смог вести осмысленное достойное человека существование.

К тому же, право на образование сейчас не только относят к культурным правам (а не к базовым правам личности), но еще и рассматривают только как право на начальное образование. Начальное образование ничего не решает. Мы говорим о полном гуманитарном образовании как неотъемлемом праве личности.

— Но, позвольте, за чей счет? В Америке высшее образование платное. Мы живем в капиталистической стране. Именно платность образования гарантирует его качество.

— Капиталистическая страна не значит страна без социальных программ, хотя консерваторам безусловно хотелось бы лишить общество всяческой государственной помощи. Мы не говорим обо всем высшем образовании,

но только о гуманитарном. Достаточно если в его введут в старших классах школы. Что до качества образования, то его качество, как и все остальное гарантирует уровень духовной культуры общества. В том числе и развитие экономики. Тут мы с вами смотрим на вещи с противоположных концов: у вас экономика определяет дух как у Дарвина и Маркса, у нас наоборот, дух определяет экономику и все прочее. Поэтому мы так настаиваем на первостепенности вопросов образования для благополучия общества.

— Хорошо, ваши левые взгляды широко известны.

Так же как и Селинджера с которого начался наш с вами спор еще в студенческие годы в Корнелле. Не знаю, известно ли вам, но я снял фильм по книге дочери Селинджера «Над пропастью во сне». Вот небольшой отрывок из ее книги. Как бы вы сегодня ответили Маргарет Селинджер?

«Мы жили в Корнише (Нью-Гэмпшир), месте диком и лесистом, и ближайшими нашими соседями были лишь семь старых, поросших мхом надгробий. Мой отец до такой степени стремился отгородиться от внешнего мира, что случайный прохожий, забредший на огонек, мог просто испугаться той уединенной обители, которая считалась нашим домом. Мир, в котором мы обитали, был подвешен отцом между мечтой и кошмаром, как качели над пропастью. Мои родители жили в придуманном ими мире прекрасных мечтаний, но при этом не умели и не хотели хоть как-то ладить с реальностью.

Однажды отец поведал одному приятелю, что для него писательство — это служение и путь к высшей истине и просветлению. Он хотел посвятить свою жизнь только творчеству, собственно говоря, творчество для него и было жизнью. Когда он решался снизойти до общения с простыми смертными, он мог быть забавным, любящим и внимательным, он обладал невероятной си-

лы обаянием, но горе было тому несчастному, кто рискнул бы прервать его творческие поиски. Отец склонен был рассматривать подобное как святотатство.

Мой отец не мог представить миру своих любимых героев, не умертвив их в конце концов. А те герои, которым он своей авторской рукой позволил жить, — им суждено было никогда не вырастать. Они навсегда остались узниками сэлинджеровской страны юности, как засушенные бабочки с пронзенными булавками хрупкими тельцами. Я много думала о том телефонном разговоре, последнем моем настоящем разговоре с отцом. Оглядываясь как на свою жизнь, так и на жизнь других женщин, которые соприкасались с ним, я пришла к выводу, что ему всегда будет наплевать на чужую боль, но, Боже мой, свою, даже самую ничтожную, боль или проблему он воспринимает серьезнее, чем иные люди — рак.

Он всегда болезненно реагировал, если кто-то узнавал о нем что-то личное. Он так рьяно защищал свою «прайваси», священную неприкасаемость своей работы и каждого своего слова. И до меня, наконец, дошло, что мой отец со всеми его протестами, отчужденностью от мира и поучениями как жить — просто очень ограниченный, жалкий человек. И когда я думаю в этой связи о его творчестве, его равнодушие и ограниченность остро резонируют во мне с восторгом армии его почитателей, склонной мистифицировать не только его, но и меня. Например, девушки, занимающиеся регистрацией билетов в аэропорту, когда видят мою фамилию, тут же спрашивают, имею ли я какое-то отношение к великому Сэлинджеру. У меня все время возникает такое ощущение, что они говорят не о писателе, а о спасителе. Они стремятся притронуться к полам его одеяния и быть излеченными. Прозреть и идти.

Даже сегодня, когда со времени публикации «Над пропастью во ржи» прошло уже пятьдесят лет, я читала

в газете «Бостон глоб» о школьниках, которые после чтения этой книги в классе на уроке литературы умоляли учителя отвезти их в Корниш, а уж они попытаются там найти автора и прорваться к нему. Разумеется, затея не удалась. Журналист, писавший об этой истории, спросил одну из девочек, какой вопрос она хотела задать писателю, о чем попросить. Она нервно усмехнулась в ответ: «Я хотела попросить его оберегать наши души, стать нашим ловцом во ржи».

Кем бы он ни был, он не способен оберегать чьи-либо души в реальной жизни. Берите все, что сможете, из его творчества, его рассказов, но сам автор не пошевелит и пальцем, если вы окажетесь над пропастью» Над пропастью во сне Маргарет Селинджер

Действительно, — победоносно заключил Андре, — Книга Селинджера вышла в начале 1951 года. Холден Колфилд был бы дедушкой. И, вероятно, вел бы жизнь, которую когда-то считал свинством: «...работать в какой-нибудь конторе, зарабатывать уйму денег, и ездить на работу в машине или в автобусах по Мэдисон-авеню, и читать газеты, и играть в бридж все вечера, и ходить в кино...»

Но Холден Колфилд не вырос. Он навсегда остался заключенным в сэлинджеровской стране вечного детства. Впрочем, как и сам автор.

— Я думаю, наш ответ очевиден. Наш ответ — это церковь рационализма. Действительно, просветление которого всю жизнь искал Селинджер, — это истина, которую ищут все ученые, все мыслители, все глубоко творческие натуры. И они глубоко страдают без этой истины, потому что ощущают сильный духовный голод без знаний. Этого страдания не могут понять люди, которые как сказал бы Толстой, живут «по земле», «без крыльев». Мы

говорим в таком случае о поле эгосистемы, как вы возможно слышали. Конечно, в одиночку Селинджер не смог бы никому помочь, но как ученый, как художник он сформулировал вопросы в своих произведениях. Также совершенно, как это делал и Толстой, например. Или Бертран Рассел, который писал больше научно-популярные работы на социальные темы, но и он пробовал сформулировать те же вопросы в художественной форме в «Кошмарах» например.

Интересно, что дочь Рассела и жена Толстого примерно также реагировали на них, как Маргарет Селинджер на своего отца. Есть книга Катерин Тейт «Мой отец Бертран Рассел», такая же смесь восхищения, любви, гнева и возмущения, как дневники Софьи Андреевной например. Она обвиняет отца в том, что он не от мира сего, что он способен своим мощным умом ученого и философа абстрагироваться от действительности, чего им, простым смертным не дано, и потому непосильное напряжение взлететь без крыльев, было заранее обреченно на провал. И в этом провале, и в боли, которую он повлек, она винит отца. Это он внушал им с детства, что они обязаны взлететь. Это значило не быть эгоцентричными, быть самоотверженными, справедливыми, рациональными борцами за правду, каких бы усилий и жертв им это не стоило. В точности то, чего требовал от своей семьи Толстой, и за что они также его возненавидели.

Тут конфликт людей земных и людей с крыльями. Позвольте и я вам дневник Толстого процитирую:

«Есть люди мира, тяжелые, без крыл. Они внизу возятся. Есть из них сильные — Наполеоны пробивают страшные следы среди людей, делают сумятицы в людях, но все по земле. Есть люди, равномерно отращивающие себе крылья, и медленно поднимающиеся и взлетающие. Монахи. Есть легкие люди, вскрыленные, поднимающиеся слегка

от тесноты и опять спускающиеся — хорошие идеалисты. Есть с большими, сильными крыльями, для похоти спускающиеся в толпу и ломающие крылья. Таков я. Заживут крылья, воспарит высоко. Помоги Бог. Есть с небесными крыльями, нарочно из любви к людям спускающиеся на землю (сложив крылья), и учат людей летать. И когда не нужно больше — улетит. Христос»

Наша церковь как раз берет на себя смелость претендовать на то, чтобы помогать людям учиться летать. То есть искать дух, развивать его. А значит учиться, искать истину. Без такой церкви рационализма, в одиночку ничего сделать невозможно. Она объединила в себе всей мыслителей со времен Будды, Зороастра и Пифагора. Знаний много и в обычном мире, но они все противоречат друг другу и потому оставляют людей без знаний. Мы ставим своей целью найти истину и показать ее людям. Мы доказываем, что потребность в истине жизненная необходимость для людей. И что сейчас они оставлены без этой жизненной необходимости. Но чувствуют это единицы, только те, кто уже стоит на поле духа. Такие люди как Рассел, Селинджер или Толстой. Тем кто находится на поле эгосистемы их отчаяние непонятно.

— Но ведь Толстой сводит весь грех мира к «похоти», — захохотал Андре. — А ваша церковь рационализма не видит в половой жизни ничего плохого.

— Толстой в «Крейцеровой сонате» описывает скорее не похоть (как биологический феномен), а самолюбие и влюбленность, то есть психический феномен поля эгосистемы. То есть то, о чем говорим мы, как о болезни и пороке. И то, что своим романтизмом прославлял Набоков.

— Но как бы мы не относились к скандальному роману Набокова Лолита, — отчего то покраснел Андре, — надо сказать, что его творчество это прежде всего вызов

общественному мнению. Это такое громогласное заявление об относительности морали. Как известно, ваша церковь очень жестко выступила против такой позиции относительной морали, противопоставив ей абсолютную мораль общечеловеческой природы, гуманизма. Увы, именно в этом пункте я с вами расхожусь. Я поддерживаю в этом Набокова и Ницше. Скажу больше, я нашел эту позицию и у Селинджера. Ведь это борец с общественным мнением! Бунтарь! Пусть они по разному понимают бунт, но мне близок сам бунт! Я прочитал также одного из святых вашей церкви — Абрахама Маслоу. И ведь и он пишет о том же! Самоактуалы люди, которые независимы от общественного мнения. В этом их свобода и сила воли, их независимость даже от собственной культуры. Как бы вы объяснили этот парадокс?

— В этом нет никакого парадокса, — сказал Ричард. — Об этом хорошо сказано у Бертрана Рассела и у того же Маслоу. Если общество нездорово, то есть если большинство людей составляющих это общество нездорово, то система ценностей этого общества будет нездоровой. И тогда те единичные индивиды, которые сумеют сохранить здоровье в таком обществе, будут бороться с этой системой ценностей. Маслоу приводит пример: подобно тому, как единицы боролись против гитлеровского режима в эпоху третьего рейха, несмотря на угрозу концлагеря и пыток. Кто же был здоров в данном случае: тот кто адаптировался к обществу Гитлера или тот кто шел против него?

Вы здесь путаете понятия ценностей принятых в данном обществе, которые, безусловно, меняются в зависимости от уровня культуры, образования, степени развития сознания, уровня накопленных знаний от эпохи к эпохе, от общества к обществу. И понятие общей человеческой природы, которая всегда одинакова. Так, самоактуалы — это синдром по утверждению Маслоу, то есть

система характеристик личности, происходящая из общих закономерностей их природы. Почитайте внимательно, и вы увидите, Андре, что их природа — это рационализм и гуманизм в чистом виде, и если они восстают против общественного мнения, то только тогда когда оно выражает патологию как в приведенном примере или просто лишены смысла. Это бунт против конформизма, вовсе не против общих ценностей гуманизма. Безусловно, и поведение Калфилда у Селинджера — это вызов ценностям нездорового общества, а не бунт против людей как таковой.

— Как же мы узнаем, какое общество здорово, а какое нет? Разве не идеи и мораль большинства определяют культуру общества, и значит то, что составляет существо этого общества? И что есть здоровье общества, если не его культура?

— В этом отличие вашей позиции и Маслоу, о котором вы спрашивали. Вы стоите на субъективизме, потому у вас относительная мораль и культура вместо объективных характеристик здорового общества. У вас будет как у Тойнби, Шпенглера и Хантингтона много равноценных цивилизаций, где в каждой своя мораль и своя истина. Объективный подход рационалистов — это одна цивилизация науки и этики, где одна духовная культура, одна истина, одна мораль. Поэтому легко определить здоровье общества. В частности наша диссертация о визинарных компаниях была написана на эту тему: зависимость типа организации общества от здоровья психики людей его составляющих. Вот например визинарные компании пример здорового общества.

— Хорошо, вернемся к теме романтики и реализма в литературе, с которой начиналось наше противостояние. Вы, конечно, помните известную антиутопию Олдоса Хаксли «О дивный новый мир». Кстати сказать, Олдос Хаксли, мы наводили справки, один из тех людей, кото-

рых исследовал Маслоу, когда писал о своих «самоактуалах». То есть согласно Маслоу Хаксли — образец психического здоровья.

В «Дивном новом мире» Хаксли говорит о творчестве Шекспира90 как о гуманизме свободного морального мира, где борются добро и зло, и где каждый сам волен выбирать добродетель или порок. Он сделал Шекспира знаменем человеческого мира свободы, искусства и морали и противопоставил его псевдонаучному миру, в котором умерла любовь, умерла романтика и осталась только машина физиологического размножения. Что вы можете ответить Хаксли? Таков ли и ваш реализм, который отказывается от романтики Шекспира?

— Ну прежде всего, вы сами сказали что речь идет о псевдонауке. Ведь Хаксли так и пишет, что настоящих ученых высылают на остров. Вспомните, ведь и у Оруэлла, главное отличие общества антиутопии состоит в том, что в нем умерла настоящая наука. Она выродилась в прикладные исследования по разработке орудий смерти. Так и у Хаксли речь идет о биологизме эмпириков и дарвинистов, с которыми как вы знаете, наше движение никак не получится обобщить, — засмеялся Ричард. — Его наука как выведение особых типов людей из пробирок и биологический контроль сознания и поведения — это действительно пседонаука, поскольку никому не удастся установить контроль над обществом биологическими средствами. Можно основательно разрушить общество, даже всю человеческую цивилизацию, но смешно говорить о том, что можно заставить общество функционировать в нужном русле этими средствами.

Биологизм убивает социальную науку — вы помните это наш девиз времен Корнелла, когда мы боролись с дарвиновской парадигмой и за право существования теории психической энергии как социальной науки. Мы

как вы знаете, противопоставили «плоскому эмпиризму» метафизику рационализма, так что нас никак нельзя обвинить в отсутствии идеала.

Хаксли противопоставляет Шекспиру физиологию секса, лишенную флирта и романтики. Очевидно, что этот пример не работает, потому что это все равно, что противопоставить больному человеку — животное. Мы ничего не получим из этого сравнения, ведь то что нормально для животного не подходит человеку, и то что болезнь для сознания человека может не быть болезнью животного, у которого нет сознания.

Когда литература противопоставляет романтизм реализму это совсем другое. У Хаксли это противопоставление идеала романтиков физиологии животного, у которого идеалов нет. У Флобера, Ролана или Золя — это поиск нового идеала, не выдуманного, а настоящего, это поиск общих закономерностей здорового сознания человека. Фантастический идеал романтиков против реального идеала закономерностей психики. Вот в чем различие между романтизмом и реализмом.

— Вы хотите сказать, что романтизм Шекспира — это надуманный идеал? В чем же выдумка?

— О, это очень просто. Даже чисто интуитивно. Само содержание любовных диалогов настолько примитивно и бессодержательно, что сразу видна надуманность всей этой восторженности, ее абсолютная безосновательность. Непонятно, что такого потрясающего в обычных подростках 14 и 17—18 лет, что заставило бы здравых людей противопоставить союз этих птенцов всей вселенной как чего-то сакрального. А вам представляется такой идеал не надуманным?

— Но позвольте, если люди веками называли это сакральное чувство любовью и веками ему поклонялись, значит в этом была какая то реальность, проверенная веками, разве не так?

— Реальность чувства сакрального безусловно была и есть. Но она не имеет никакого отношения к идеалу, как к чему-то прекрасному, к чему следует стремиться.

Феномен «сакрального» хорошо известен антропологам, которые изучали первобытное мышление. Особенно хорошо сформулировал Дюркгейм, который писал, что первобытный ум делит все воспринимаемое на сакральное и на профанное, и что два ряда этих вещей совершенно несоизмеримы для сознания аборигена. Позвольте, я процитирую его книгу «Элементарные формы религиозной жизни»:

«Мы пытаемся узнать, как люди пришли к идее о том, что в реальности существуют две категории вещей, полностью чужеродные и несопоставимые друг с другом.

Священные сущности отличаются от профанных не только странными или обескураживающими формами, которые они принимают, или большей силой, которой они обладают — для первых и вторых нет общей меры. Но в понятии двойника нет ничего такого, что могло бы дать столь радикальную чужеродность.

Эта чужеродность (гетерогенность) такова, что часто вырождается в настоящий антагонизм. Два мира воспринимаются не только как разделенные, но и как враждебные и яростно соперничающие друг с другом.

И этой гетерогенности достаточно, чтобы охарактеризовать такую классификацию вещей и отличить ее от любой другой, поскольку она уникальна в том, что абсолютна. Во всей истории человеческой мысли нет иного примера двух категорий вещей, столь глубоко различных и радикально противоположных друг другу. Священное и профанное всегда и везде воспринимались человеческим умом как два отдельных рода, два мира, между которыми нет ничего общего. Нельзя сказать, что силы, которые

действуют в одном из них, такие же, как и в другом, но более мощные: они отличны по своей природе».

Вот это очень простое объяснение. Леви-Брюль тоже пишет о двух мирах в восприятии абориген: мистическом и обычном. Сакральное и профаное — это два различных уровня сознания. Вы, наверное, знакомы с основами теории психической энергии. Поле Эгосистемы и поле интеллекта. У абориген, как у всех есть оба поля, но последнее почти совсем не развито. Сакральное есть порождение поля Эгосистемы. «Загрузки СуперЭго», как называл их Фрейд, когда внешний мир воспринимается через кривое зеркало противостояния двух сверхъестественных сил (Эго и СуперЭго). Поле эгосистемы и есть такое кривое зеркало. Поэтому Фрейд тоже описывает «любовь» как Самолюбие и Влюбленность, как амбивалентные чувства, в основе которых смешанные эмоции ненависти и нежности, и «сверхценность» обожествляемого объекта влюбленности или самого себя. Во всем, что касалось поля эгосистемы, его наблюдения довольно точны. Но как правильно замечает Фромм, Фрейд не видит разницы между настоящей здоровой любовью, которая есть в своей основе спокойное однородное чувство дружбы, и болезненным идолопоклонничеством, которое происходит от иррационального, мистического сознания.

В этом смысле, если наивность абориген, которые не знают о кривом зеркале эгосистемы простительна, то эта же наивность непростительна у цивилизованных людей.

— То есть вы хотите сказать, — захохотал вдруг Андре, — что восторженность любовников Шекспира — это всего лишь сакральное примитивного сознания абориген, которые видят все в искаженном свете противостояния всесильных сил?

— Да, увы, именно это я хочу сказать.

— В чем же состоит ваш реальный, настоящий идеал, который вы противопоставляете воображаемому идеалу романтиков?

— Наш идеал тоже общеизвестен. В самой доступной форме — это продуктивный человек Фромма, самоактуал Маслоу. Это что касается исследований. Если вам интересны конкретные примеры — то это Спиноза, Бертран Рассел, Флобер, Эйнштейн и тд. Это идеал духовного здоровья, который всегда связан с развитым интеллектом, с развитым полем совести и справедливости. Когда люди достигают вершин в развитии духа, тогда их любовь друг к другу естественна и действительно достойна восхищения. Но она никогда не вызывает той восторженности и той обескураженности, которой романтики обычно описывают «волшебство» любви. Нет в этом чувстве ничего волшебного.

Его основа здоровье психики, которое дает дружеские, братские чувства. Поэтому Маслоу пишет, что к дружбе способны только здоровые люди. В этом чувстве нет никакой романтики, но много от идеала рационалистов: высокого духа, знаний, работы над собой, служения другим, борьбы со злом и тп. И как вы понимаете, любовь начинается не между различными полами, а между людьми, человеческими существами, когда они научаются просто дружить, быть искренними, добрыми, деликатными, ответственными и тп И только потом уже она может принимать вид половой любви, но при этом всегда будет иметь свои корни в этой общечеловеческой дружбе. Поэтому Фромм и Маслоу противопоставляют любовь здоровых людей, как дружеское и братское чувство в своей основе романтизму «идолопоклоннической» и «садомазохистской» любви, в основе которых ложные идеалы, идолы, маски, господство и подчинение вместо дружбы, игра вместо искренности.

Таков в общих чертах идеал реализма.

— Хорошо, но ведь вся современная культура, включая литературу, того же Шекспира, которого чтят не меньше чем пятьсот лет назад, театр, оперы, балеты, кино наконец — это культура романтической любви. Что же получается, что все наше современное общество — это общество абориген, которые, как вы сказали, видят сакральное и загрузки СуперЭго там, где могли бы быть простые человеческие дружеские отношения? Как это возможно, что спустя тысячи лет после начала цивилизации люди все еще остаются аборигенами в самом существе своей культуры, в том главное и основном что составляет каждодневный смысл жизни? Не проще ли предположить, что это поле эгосистемы и составляет сущность человека, тем более что вы говорите, что Фрейд, который его открыл, так и думал? И только его ученики стали считать иначе.

— Да, Фромм так и писал, что звезды кино — это святые для современных людей. И, вспомните, и Флобер смеется над той романтической культурой, что у нас образовалась: когда госпожа Бовари в театре узнает свою романтику в образах персонажей и сливается с постановкой. И как смешно и жалко это выглядит. И разве столетия назад эта культура не свела с ума добропорядочного идальго, который начитался рыцарских романов? Гюго прекрасен в своем гуманизме, но его любовная романтика тоже стоила психического здоровья его дочери. Ее именем даже назван синдром навязчивой влюбленности, «синдром Адель», в психиатрии. Да наша культура романтическая, да она сводит людей с ума и ведет к личным трагедиям, разрушает людям психику и жизни, но она продолжает существовать. Тем не менее, и Сервантес, и Флобер и все движение реалистической литературы, Ролан, Золя, Мопассан, Толстой, Тургенев, Чернышевский, Гоголь и тд наносят поражающие

удары, разрушающие эту вредоносную культуру и в этом назначение реалистов, защищать людей от пагубности романтики. Однако, победа над этой культурой ложного идеала придет только с торжеством настоящего идеала в социальной науке, с победой знаний о психике, с пониманием механизмов поля эгосистемы, их связи с романтикой и следствий этих механизмов для психического здоровья.

— То есть вы считаете, что современные люди, которые живут ложным идеалом романтики, глубоко несчастны?

— По-моему, это очевидно. Посмотрите, что представляет собой семейная жизнь большинства людей. Вам даже не надо проводить специального исследования, достаточно послушать народный фольклор всех стран, который расскажет вам о том, как смешны попытки супругов стать частью целого. Посмотрите статистику преступлений, как много криминала на основе романтики. Посмотрите статистику разводов, статистику измен так называемых. Люди пытаются найти счастье в романтической любви, а находят горе. Только в тех случаях, которые составляют меньшинство, когда люди не ищут романтики, а ищут дружбы, у них получаются добрые союзы, доверительные отношения и длительные браки. И главное, эта романтика, как попытка найти счастье в чем-то что не связано с саморазвитием и становлением как личности, тратит энергию людей в неправильном направлении, рассредоточивая силы общества и оставляя его лишенным своего стержня.

— А как обстоит дело в вашей церкви рационализма?

— Совершенно иначе. У нас с романтикой учат бороться еще с самых основ обучения. Никому и в голову не придет всерьез воспринимать такие вещи. Нас учат любви к истине в первую очередь, потому что любовь к истине дает человеку его самого. Чтобы любить других

сначала надо родиться самому. Нам помогают родиться для начала, обучая основам основ философии и строения психики.

В процессе подготовки мы общаемся друг с другом и учимся отличать поле эгосистемы от поля интеллекта. Так мы начинаем любить друг друга, когда уже умеем отличать эти поля и чувствуем поле интеллекта друг в друге. Это и есть основа дружбы и братских чувств. Поле интеллекта общее у всех людей, поэтому здоровые люди так крепко дружат, у них одно «Я». Обычным людям мешает поле эгосистемы, они боятся друг друга, лицемерят, интригуют, их энергия не может соединиться, они видят только маски.

— Как же не могут соединиться? Ведь вы говорите мистический восток это поле эгосистемы, пралогическое сознание Леви-Брюля, как и первобытное сознание. Но, посмотрите, какие левиафаны строили фараоны, например?

— Вот именно левиафаны. Если соединяются то в союзы садомазохизма, которые к любви не имеют никакого отношения. Воля вождя поглощает волю рабов. Любовь совсем другое чувство единения и умножения энергии каждого в доброте и понимании других людей. В левиафанах соединяется поле эгосистемы, истинное «я» людей остается глубоко разобщенным, поэтому это рыхлые организации, всегда легко ломаются, предательствами, враждой лидеров, страхом и ненавистью и тд и тп. У Фромма об этом хорошо написано в «Искусстве любви», где он говорит что «симбиотическая связь» садомазохизма оставляет людей глубоко разобщенными на уровне их истинного «я».

— Садомазохизм — это кроме психологического термина еще и сексуальная практика. Получается, что если садомазохизм мешает любви, то совсем не мешает сексу. Каково отношение к сексу в церкви рационализма? Бер-

тран Рассел, которого Аврора всегда ставила мне в пример, был, как известно, за свободную любовь. Какое выражение нашла эта позиция в вашей церкви?

— Ну Бертран Рассел был за свободную любовь только в том смысле, что он противостоял христианскому догмату о грехе прелюбодеяния, каковым считаются все половые отношения кроме освященных церковью с единственным партнером. В этом как видите большое зерно романтики. Та же претензия на вечный сакральный союз двух существ противоположного пола. Понятно, он был против подобной глупости. Свободной любовью он считал половые отношения там, где есть любовь, и расставание с партнером там, где любовь закончилась. Потом он прямо пишет в Борьбе за счастье, что есть два типа любви: один когда люди обмениваются энергией и понимают друг друга; другой когда один вампир выкачивает всю энергию их другого. Понятно, что он так своими словами объясняет разницу между полем эгосистемы и полем интеллекта, как об этом пишут Маслоу и Фромм. Таким образом, табу в нашей системе довольно много и термин «свободная любовь» более чем относителен.

Например, тот же Рассел пишет, что секс без любви отвратителен, и дочь его пишет в мемуарах, что он часто говорил об этом.

— Да, но я знаю, что члены вашей церкви не вступают в браки. Значит ли это, что у них нет никаких обязательств перед своими партнерами?

— Обязательства перед всеми членами церкви как сообществом поля совести и интеллекта появляются у всех членов церкви с момента вступления. Собственно, их чувствуют все люди и безо всякой формальной организации. Мы не вступаем в брак, потому что считаем глупостью романтизацию половых отношений. Наша любовь — это наша церковь. Физическая близость имеет

множество табу, но в целом доступна по взаимному желанию в границах нашего коллектива. Например, мы не имеем одновременной физической близости с несколькими людьми. Или близости с людьми вне нашей церкви. Мы не женимся и не разводимся, мы всегда остаемся друзьями, всегда остаемся членами своей церкви, а физическая близость сводится к уровню биологических отношений, и не имеет большого влияния на наши жизни. Более того, провокация чувственности — это тоже табу. В той мере, в какой обжорство выдает нездорового человека, так и неспособность совладать со своей чувственностью не приветствуется. В этом специфика нашей половой культуры.

— Раз уж вы гости моей студии. Я знаю, что когда мы расстались с Авророй, она стала вашей спутницей, не знаю, как правильно сказать «женой». У вас двое детей, но теперь вы расстались, и образовали новые семьи. Признаюсь, вы так много говорили о настоящей любви, мне казалось, вы точно никогда не расстанетесь. Почему люди расстаются в церкви рационализма?

— Я уже сказал вам Андре, что в церкви рационализма настоящая любовь — это любовь к церкви, то есть к знанию, к науке, к людям, которые ее составляют, начиная от наших святых образно говоря в лице великих мыслителей и художников и заканчивая рядовыми членами церкви. Эта любовь никогда не кончается. Мы не стали с Авророй ни на сантиметр дальше друг для друга, точно также мы с Джеймсом и Аврора с Флер. Флер не даст мне соврать. То, что составляло нашу любовь, осталось с нами. Физическая близость тоже следствие любви, но ведь мы любим многих людей. И это нормально.

— Является ли секс изменой в церкви рационализма?

— Сам по себе секс не является изменой. Близость с кем то вне церкви не измена, а показатель нездоровья,

потому что мы не допускаем близких отношений с людьми, о философии которых ничего не знаем. Измена — это любые отношения, которые нарушают обязательства людей друг перед другом, и только в этом смысле физическая близость может быть изменой.

— О Бертране Расселе писали как о распутнике, и даже официально его заклеймили распутником решением суда и запретили ему преподавать на этом основании в ВУЗах Америки. Он сам пишет об этом в своей автобиографии. Вы думаете, могла бы вынести Америка такой вердикт в отношении святого, как вы его понимаете человека? Не берет ли ваша церковь на себя слишком много, проповедуя свободную любовь как форму святости? Не есть ли это обыкновенный способ прикрыть склонность к распутству очередной надуманной теорией? Вот возьмите мой пример. Мы с Николь все еще живем вместе в обыкновенном католическом браке, воспитываем дочерей, и не собираемся разводиться.

— Позволь я отвечу, — развернулась Флер к Андре. — Даже я, которая ничего не знает о жизни таких мажоров как ты, жонглирующих папиными миллиардами с детской колыбельки, наслышана о твоих тусовках в обществе пышнотелых блондинок. Не сегодня этот мир католического лицемерия начался, начинай вспоминать от авгиевых конюшен, которые еще Лютер безнадежно брался расчищать. В этом и состоит лицемерие вашего института брака, который видимостью сакральности освящает все возможные мерзости на стороне. Мы берем на себя обязательства оставаться людьми всегда в любых обстоятельствах, и это никак не зависит от сакральности союза двух избранных, но от человеческих отношений со всеми людьми. И если ты намерено искажаешь наши слова, мы больше ни минуты не станем тебя слушать.

— Флер, ты неправильно меня поняла, я совсем не хотел вас обидеть, я просто вспомнил случай с Рассе-

лом, о котором он сам рассказывает в своей автобиографии.

— Ричард уже подробно ответил тебе на этот вопрос: он говорил о свободе от христианских догматов, за что его возненавидела церковь. И там, в мемуарах он пишет, что дело то было в колледже Нью-Йорка, где весь профессорский состав был католиками, а правительство Нью-Йорка сателлитами Ватикана. И обвинили его в том, что он считал мастурбацию младенцев нормальным явлением. Как низко с твоей стороны нападать на человека его нравственной и интеллектуальной высоты по таким абсурдным обвинениям. Этот человек не раз садился в тюрьму и не раз рисковал жизнью — о чем тоже подробно написано в его автобиографии — чтобы спасти жизни других людей или защитить их права. Вся его жизнь отчаянная бескорыстная борьба со злом. Он был одним из видных теоретиков борьбы с полем эгосистемы (его дочь говорит, что все ее детство он внушал им что главное в жизни не быть эгоцентричным), о том же он пишет во всех своих книгах.

Тебе конечно ближе лозунги вроде того как назвала свой сборник Айн Рэнд — «Добродетель эгоизма». Но мы еще в Корнелле показали тебе, что и она не была на стороне субъективизма и относительной морали Ницше, но яростно с ними боролась. Не начинай опять все сначала.

— Но чем ваша позиция лучше. Все что вы говорите сводится к тому, что у нас с Авророй не было любви, а была лишь романтика поля эгосистемы, сакральное абориген, которое смешно и больно, а больше ничего. Но разве она написала тебе Ричард такие стихи, как те, что она опубликовала тогда, когда была со мной? Или может Джеймсу? Вы хотите сказать, что мы расстались врагами, потому что любви не было, а я напротив, счи-

таю, что когда любишь по настоящему, ненавидишь того, кто тебя предал и нашел себе другого.

— Ради бога, Андре, — сказала Флер, — в поэзии я понимаю немного больше Авроры, и больше тебя точно. Что за стихи? И поэзия посредственная, а содержанием бы я точно не гордилась. Вся лихорадка сакрального помета, с его страхами, амбивалентностью, неконтролируемыми влечениями, сверхценностями «эго». В этом смысле и поэзия Шекспира такой же набор абсурда.

«О, эта кроткая на вид любовь
Как на поверку зла, неумолима!
И ненависть мучительна и нежность,
И ненависть и нежность — тот же пыл
Слепых, из ничего возникших сил,
Пустая тягость, тяжкая забава,
Нестройное собранье стройных форм,
Холодный жар, смертельное здоровье,
Бессонный сон, который глубже сна.
Вот какова, и хуже льда и камня,
Моя любовь, которая тяжка мне.
Что есть любовь? Безумье от угара,
Игра огнем, ведущая к пожару.
Воспламенившееся море слез,
Раздумье — необдуманности ради,
Смешенье яда и противоядья.

А если ты почитаешь еще «цветы зла» Бодлера или каракули подростка Рэмбо, вообще наберешь доказательств в пользу настоящей любви.

Она не писала нам стихов, Андре, Аврора вообще плохо пишет стихи, но только благодаря нам, а мы благодаря ей все вместе проделали ту громадную работу, которая стала поводом нашей сегодняшней беседы. Где бы сегодня была Аврора, если бы тогда осталась у тебя под каблуком? Даже подумать страшно. Сравни результаты творчества, и увидишь, где настоящая любовь.

— Вы мешали ей развиваться! Она стала бы прекрасной актрисой, настоящей звездой американского кино. Вы сделали из нее святую своей церкви. Это ваше влияние испортило ей жизнь, а я помогал ей найти себя.

— Как тебе не стыдно так бессовестно врать Андре на глазах у всей Америки? Не ты ли угрожал ей, а заодно и всем нам? Ведь ты тогда был по сравнению со всеми нами настоящим небожителем.

— Это была всего лишь шутка, у святых совсем туго с чувством юмора.

— У святых философское чувство юмора, спроси у Маслоу, а у эгоцентриков вроде тебя злорадство вместо юмора. Ты шутил, а я повесила твою морду на грушу и каждый день по часу отрабатывала на ней, чтобы не промахнуться, если встречу на улице. Думаешь, я не знала, что это нас не защитит? Думаешь, все мы не знали? Нам приходилось жить в этом кошмаре, а теперь ты говоришь, что это шутка. Для таких как ты боль причиняемая другим людям всегда кажется забавной. Вы ведь гордитесь своим цинизмом, как этот твой Роберт Грин, не правда ли?

— Я ничего не навязывал ей силой. Я желал ей только добра.

— Не ты ли насильно заставлял ее принять пьесу Лолита, когда она предлагала тебе Селинджера? Не ты ли встречался параллельно с Николь, о чем знал весь университет кроме самой Авроры? Не ты ли сам опубликовал заметку о помолвке с Николь, и о том, что никого, кроме Николь никогда не было в твоей жизни?

— Послушай Флер, вы ведь сами говорите, что помолвка и брак ничего не значат? А теперь вдруг такая важность.

— Для нас ничего не значат, это верно, потому что нас объединяют знания и поле совести. Но для таких эгоцентриков как ты, она значит все. Потому что ваша са-

мовлюбленность на поле эгосистемы — это либо обладание всесилием СуперЭго, либо напротив удар по Эго этим всесильным СуперЭго. Это противоборство Эго и СуперЭго, как всесильных сил и составляет тему бредовой сакральности этого поля. И когда такие подлецы как ты делают такие заметки в газетах о своих помолвках, соблазнив одновременно двух женщин, они стремятся нанести такой смертельный удар по эго, предварительно раздув их самовлюбленность. Как это там у твоего Робертра Грина написано про то, что надо растравливать рану тщеславия и не давать ей зажить? О том, что самолюбие должно быть всегда под прицелом у «жертвы»?

Ей было очень плохо, она еле дышала. Мы спасли ее, мы закрыли ее собой от тебя, мы защитили ее от твоей вампирской влюбленности, которой ты хотел ее проглотить. И теперь ты имеешь наглость называть это настоящей любовью и противопоставлять это нашей дружбе, проверенной годами и делами? Для этого ты нас позвал?

Была бы у тебя совесть, сказал бы спасибо Авроре за то, что сделал хоть что-то настоящее в своей жизни. Сейчас хоть фильм о Селинджере можешь показать своим дочерям, а то боюсь, кроме сети ночных клубов Лолита, тебе нечем было бы похвастать.

— Я смотрю, Флер, ты знаешь Роберта Грина много лучше меня, — расхохотался вдруг Андре, — ты права, я только провоцировал интересный диалог, обвиняя вас, поскольку наши слушатели стали засыпать от академической беседы, к которой не все готовы. Конечно же, вы настоящие друзья Авроры и вы имеете право на свое мнение в отношении института брака. А мы благодарим церковь рационализма за визит в нашу студию и за интересную беседу! — закончил Андре под гром оваций в студии

Мы с трудом досмотрели до конца. И так было ясно, что надежда на обращение консервативных кругов, обле-

ченных властью, в чьих руках сконцентрированы 80 процентов всех богатств планеты была преждевременной. Мы как были двумя враждебными лагерями, так и оставались. Но теперь им приходилось с нами считаться, а раньше они нас просто давали каблуками, когда мы вставали у них на пути. Теперь у нас, у «корпорации интеллектуалов» по Бенда, была не только законченная идеология в виде строгой научной теории, у нас были свои научные, социальные, политические институты, которые может быть впервые за долгую историю становления научного контроля давали нам реальное оружие в борьбе со злом поля эгосистемы. Мы больше не были покинуты «предателями интеллектуалами», которые распылили все, что философия рационализма и гуманизма в поте, труде, пытках и смерти добывала для поля интеллекта и совести человечества. Мы собрали все эти достижения вместе, внедрили в институты и поставили на службу человечеству. И теперь мы знали, как защитить демократию от консерваторов.

Список литературы

1. Katharine Tait My father Bertrand Russell New York and London 1975

2. Bertrand Russell, Autobiography London Allen&Unwin 1975

3. B. Russell «The conquest of happiness» (London Allen & Unwin, 1930)

4. Стоун О. Интервью с Владимиром Путиным М: Альпина паблишер 2017

5. Стоун О, Кузник П., Нерассказанная история США М: КоЛибри, Азбука-атикус 2016

6. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. Едиториал УРСС 2002

7. Поппер К. Открытое общество и его враги, в 2-х томах, М: Феникс, 1992

8. Рэнд А. Добродетель эгоизма Москва, 2015 Альпина паблишер

9. Рэнд А. Атлант расправил плечи Москва 2015 Альпина паблишер

10. Спенсер Г. Социальная статика Киев 2013 Гама-Принт

11. История теоретической социологии в 4т под ред. Ю. Давыдова Москва 1997 Канон

12. «Built to last» by Jerry I. Porras and James C. Collins HarperBusiness 1994

13. «Good to Grate» by James C. Collins HarperBusiness 2001

14. Милль Джон Огюст Конт и позитивизм М: ЛКИ 2017

15. Соловьев В., Революция консерваторов М: «Э», 2017

16. Хомский Н Системы власти М: КоЛибри, Азбука-атикус, 2014

17. Прудон П Что такое собственность? М: КРА-САНД 2017

18. Грачев Н Происхождение суверенитета. М: ЛЕ-НАНД 2018

19. Новгородцев П. Лекции по истории философии права М: КРАСАНД, 2011

20. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни М: ДЕЛО 2018

21. Леви-Стросс Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль М: Академический проект, 2008

22. Леви — Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. «Педагогика — пресс». 1994.

23. Перкинс Джон Исповедь экономического убийцы Москва Претекс 2005

24. Ганди М. «Моя жизнь» СПб: «Лениздат», «Команда А», 2012

25. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой набор, в 2-х томах, М: ТЕРРА — Книжный клуб, 2009

26. Фромм Э. Человек для себя Мн: Коллегиум, 1992

27. Фромм Э. скусство любить М: АСТ, 2010

28. Шлезингер Артур-мл, Циклы американской истории, Москва: Прогресс, 1992

29. Тойнби А. Исследование истории. Цивилизации во времени и пространстве. М: Харвес, АСТ 2009

30. Шпенглер О. Закат Европы М: Юрайт 2017

31. Маслоу А, Мотивация и личность Спб Питер 2003

32. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы М: Смысл 1999

33. Маслоу А. Психология Бытия М: 1997

34. Аронсон Э. Общественное животное Спб: Прайм-Еврознак 2006

35. Майерс Д. Социальная психология Спб: Питер 2009

36. Новгородцев П. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. Москва: Наука, 1996

37. Новгородцев П. Лекции по истории философии права М: КРАСАНД, 2011

38. Milgram S. Obedience to authority: an experimental view NY: Harper Perennial Classic, 1983

39. Бинг С. Как бы поступил Макиавелли?

40. Грин Р. 48 законов власти «РИПОЛ классик»; М; 2005

41. Грин Р. Искусство обольщения «РИПОЛ классик»; М; 2005

42. Хлебников П. Крестный отец Кремля. Борис Березовский или история разграбления России. М. Детектив-Пресс 2001

43. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций И: АСТ 2017

44. Селинджер Дж. Над пропастью во ржи

45. Набоков В. Лолита СПб: Азбука, 2014

46. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе СПб: Азбука, 2014

47. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов М: ИРИСЭН, Социум, 2009

48. Хугаева Л. Власть и контроль или импотенция современной психологии, Владикавказ: СОИГСИ, 2011

49. Хугаева Л. Болезнь Эго-девственности или космическая сила психической энергии, Владикавказ, Литера, 2012

50. Хугаева Л. Дорога в рай или Плюс моего минуса, Владикавказ Литера, 2013, Владикавказ: Литера, 2013

51. Хугаева Л. Россия между Закрытым и Открытым обществом или теория эволюции человека, Москва: Эдитус, 2014

52. Хугаева Л. Романтизм и реализм, или Лелия и Леля, М: 2019

53. Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир М: АСТ 2019
54. Камю А. Бунтующий человек М: Издательство политической литературы, 1990
55. Альберт Эйнштейн. Цитаты и афоризмы. Изд: Ко-Либри, Азбука — Аттикус, 2015
56. Санд Жорж, Спиридион Изд. Текст, 2004
57. Хорни К. Невроз и личностный рост Спб ВЕИП, 1997
58. Олпорт Г. Становление личности М: Смысл 2002
59.. Кун Т. Структура научных революций М: Аст, 2009
60. Хайек Ф. Дорога к рабству М: Новое издательство, 2005

Лейла Хугаева

Любовь и ненависть в Корнеллском университете

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero